

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

2023

№ 3

Москва
2023

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института

**Moscow Information
and Technology University –
Moscow Architecture
and Construction Institute
REVIEW**

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-71685 от 23.11.2017 г.

ISSN 2619-046X

№ 3 / 2023

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский информационно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт»

Издатель:

Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский информационно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт»

Адрес редакции:

117447, г. Москва, ул. Введенского,
д. 1 «А»

Адрес издателя:

109316, г. Москва, Волгоградский
проспект, д. 32, корп. 11

Интернет-адрес:

<http://mitu-masi.ru/>

**E-mail: Semenova.D@mfua.ru,
Bessarabova.N@mfua.ru**

На сайте «Объединенного каталога “Пресса России”» можно оформить подписку на печатную версию журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» по подписному индексу Э66012, а так же подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке»

Отдел рекламы и подписки:

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Главный редактор

Г.А. Забелина

кандидат педагогических наук, доцент,
президент Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Редакционная коллегия:

Строительство и архитектура

доктор технических наук, профессор Т.В. Колесникова
доктор технических наук, профессор В.М. Овсянников
доктор физико-математических наук, профессор
А.А. Локтев

доктор технических наук, доцент В.П. Сычев
доктор технических наук, профессор Г.И. Ефремов
доктор архитектуры, профессор В.В. Пищулина
доктор архитектуры, профессор А.В. Крашенинников
кандидат архитектуры, доцент Е.А. Булгакова
кандидат архитектуры, профессор Л.В. Петрова
кандидат архитектуры, доцент М.Ф. Уткин
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Быкова
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Наумкин
кандидат архитектуры, доцент Б.Л. Крундышев
кандидат архитектуры, доцент Н.В. Дубынин

Филология

доктор филологических наук, профессор М.Я. Блох
доктор педагогических наук З.И. Курцева
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Соловьева
доктор филологических наук, профессор С.П. Толкачев
доктор педагогических наук, доцент В.Д. Янченко
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Запольская
доктор филологических наук, профессор С.В. Сапожков
доктор филологических наук, доцент П.В. Морослин
кандидат педагогических наук, доцент Н.Н. Ширяева
кандидат филологических наук, доцент С.В. Левичева
кандидат филологических наук О.В. Афанасьева

Психология

доктор психологических наук, профессор А.К. Осницкий
доктор психологических наук Е.А. Бауэр
доктор медицинских наук М.М. Аксенов
кандидат психологических наук, доцент Т.В. Гольцова
кандидат психологических наук, доцент Е.В. Омельчанко
кандидат психологических наук Е.Л. Бокуть
кандидат психологических наук А.Л. Рассказова

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук, доцент
Н.В. Бессарабова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1135
E-mail: Bessarabova.N@mfua.ru

Д.А. Семёнова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134
E-mail: Semenova.D@mfua.ru

© Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, 2023

Содержание

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

<i>В.А. Титова, Е.А. Орлов</i> Мультиповерхность. Взаимодействие внутренних и внешних пространств	5
<i>С.В. Саморядов, Е.А. Булгакова, Н.А. Гудкова</i> Диалектика архитектуры (Архитектурно-строительная конфликтология).....	13
<i>Г.И. Наумкин</i> Царицынский ансамбль – памятник архитектуры XVIII в.	25
<i>Г.И. Быкова, О.В. Косточкина, Е.И. Иванова</i> Архитектурные особенности вокзальных часов в городах Симферополь и Сочи	29
<i>Н.Н. Демидов, О.Н. Ракитова, В.Г. Меликова</i> Особенности курсового проекта по металлическим конструкциям с использованием современных компьютерных технологий	34
<i>Е.А. Дьячкова</i> Понятия профессиональной подготовки и готовности для архитектурных специальностей вузов	41

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Е.А. Горбаренко</i> Сны героев как воплощение «горизонтов ожиданий» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»	51
<i>В.В. Никульцева</i> Антимонархические поэтические выступления Игоря-Северянина как реакция на события Февральской революции 1917 года: лингвотекстологический анализ стихотворения «Гимн Российской Республики»...	56
<i>Н.А. Пром</i> Модусы рефлексии в речевой медиарепрезентации действительности	61
<i>К.В. Шнякина, Е.В. Леонидова</i> Фигура речи риторический вопрос: история изучения в отечественной науке	69

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Е.В. Бахадова, О.Д. Беляева</i> Психологические особенности личности, проявляющиеся при адаптации в разных фазах пандемии	73
<i>А.В. Данилов, Е.Ш. Давиденкова-Хмара</i> Исследование акустических характеристик голоса, оказывающих гармонизирующее влияние на психофизиологические системы человека	81
<i>Приглашение к публикации</i>	94

Contents

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

<i>V.A. Titova, E.A. Orlov</i> Multisurface. The interaction of internal and external spaces	5
<i>S.V. Samoryadov, E.A. Bulgakova, N.A. Gudkova</i> Dialectics of architecture (Architectural and construction conflictology).....	13
<i>G.I. Naumkin</i> The Tsaritsyn ensemble is an architectural monument of the 18th century.....	25
<i>G.I. Bykova, O.V. Kostochkina, E.I. Ivanova</i> Architectural features of station clocks in the cities of Simferopol and Sochi.....	29
<i>N.N. Demidov, O.N. Rakitova, V.G. Melikova</i> Features of the course project on metal structures using modern computer technologies.....	34
<i>E.A. Dyachkova</i> The concepts of professional training and readiness for architectural specialties of higher education institutions	41

LINGUISTICS

<i>E.A. Gorbarenko</i> Heroes` dreams as the «horizons of expectations» embodiment in F.M. Dostoevsky's novel «Crime and punishment»	51
<i>V.V. Nikultseva</i> Igor-Severianin's antimonarchist poetry performance as a reaction on events of 1917th February revolution: linguotextological analysis of the poem «Hymn of Russian Republic»	56
<i>N.A. Prom</i> Modes of introspection in speech media representation of reality	61
<i>K.V. Shnyakina, E.V. Leonidova</i> Rhetorical question as a figure of speech: the history of study in Russia's science.....	69

PSYCHOLOGY

<i>E.V. Bakhadova, O.D. Belyaeva</i> Psychological characteristics of the individual, manifested during adaptation in different phases of a pandemic.....	73
<i>A.V. Danilov, E.Sh. Davidenkova-Khmara</i> Researching acoustic characteristics of voice that have harmonizing influence on human psycho-physiological system.....	81
<i>The invitation to the publication</i>	94

УДК 72.01

doi: 10.52470/2619046X_2023_3_5

МУЛЬТИПОВЕРХНОСТЬ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ПРОСТРАНСТВ

В.А. Титова, Е.А. Орлов

Аннотация. В статье рассмотрена история развития площади как архитектурно организованного пространства, отражены принципы её формообразования и изменения функций, а также её взаимодействие с внутренними пространствами зданий. Автор предлагает архитектурный принцип мультиповерхности, пронизывающей архитектурный объём и создающей многоуровневый и гиперпрограммный ландшафт. Мультиповерхность – это крупная полифункциональная горизонтальная архитектурная форма, которая взаимодействует со зданиями, проникая в них, изменяя структуру и внешний облик.

Ключевые слова: мультиповерхность, городская площадь, архитектурный объект, взаимодействие, внутреннее и внешнее пространство.

MULTISURFACE. THE INTERACTION OF INTERNAL AND EXTERNAL SPACES

V.A. Titova, E.A. Orlov

Abstract. The article considers the history of the development of the square as an architecturally organized space, the principles of its shaping and function changing, as well as its interaction with the internal spaces of buildings. The author offers the architectural principle of a multisurface that penetrates the architectural volume and creates a multi-level and hyperprogram landscape. A multisurface is a large multifunctional horizontal architectural form that interacts with buildings, permeates them and changes their structure and appearance.

Keywords: multisurface, city square, architectural object, interaction, internal and external spaces.

Площади играют важную роль в жизни города. На них собираются и коммуницируют люди, проводятся важные мероприятия, объединяются транспортные и пешеходные линии мегаполиса. Площади являются полифункциональными архитектурными объектами, в которых, в зависимости от времени года, дня и времени суток, меняются функции и наполнение. Их структура формируется интересами жителей города, историческим и архитектурным контекстом. Поэтому площади расположены рядом со значимыми городскими объектами, обеспечивая комфортную зону для скопления большого количества людей [2].

Эволюция площади. Площади всегда имели большое значение для города и живущих в нём людей.

В древнейших цивилизациях, в частности, в античной Греции, они строились на пересечении систем с различными функциями. Площади выделялись на фоне города доминирующим архитектурным объемом: «Над нейтральной тканью жилых зон, пласт которой рассекала сеть улиц, господствовал поднятый на скалистое плато комплекс Акрополя, а близ его подножия просторно раскинулась общественная зона Агоры» [5]. В Древнем Риме площади имели общественную функцию, и поэтому приобретали большее значение: «Пространство само становилось формируемой и артикулируемой субстанцией, служащей закреплению культурных значений и образных метафор, а не тем нейтральным промежутком, интервалом между пластическими массами, телами, каким оно было для зодчества греческой античности» [5].

В эпоху Средневековья город представляли символом Вселенной. Символы имели большое значение, что проявлялось в поиске смысла в различных формах. Площади ассоциировались с миром и принимали форму круга. Историк и теоретик архитектуры А.В. Иконников в книге «Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве» писал: «Особые значения несли направления по странам света... С этими направлениями связывали крест главных осей, которые, проходя через центр, рассекают круг на четыре равных сектора», на пересечении этих осей располагался собор, притягивая людские потоки [5].

В эпоху Ренессанса города росли и количество площадей увеличивалось. Каждая из них приобретала автономные функции: рынки с разными видами продукции, пространства для встреч и собраний. Постепенно общественное значение площадей уменьшалось, сменяясь декоративным. На площадях появлялось множество ярких архитектурных объектов, а вокруг них возводились здания, подчинённые одному стилю. Колин Роу и Фред Кеттер вводят концепцию «города-коллажа», принцип которого переключается с архитектурой эпохи Ренессанса. «Коллаж как искусство обращать внимание на осколки мира, как метод их сохранения и наделения их чувством собственного достоинства» объединяет в себе театральные декорации (задники) – схожие по архитектуре, однообразные здания, крупные общественные пространства с красивым видом, объекты и площади, формирующие городскую структуру [9]. Здесь город представлен музеем, где здания – экспонаты, а площадь – «вездесущий» постамент, «который и показал себя во всей своей красе, предупреждая и пресекая любые случайности» [9]. Площадь – основной формообразующий объём, основа, которая не только является опорой для зданий-экспонатов, но и дополняет их [10]. Между постаментом и объектом существует неразрывная связь за счёт проходящих в них событий и взаимодействий, в которой элементы сохраняют свою индивидуальность.

В эпоху классицизма город рассматривался как система, состоящая из сети улиц. Площадь была не просто открытым пространством, а являлась частью этой сложной системы. Здания стали служить границами площадей, у которых уменьшалась торговая функция и росла общественная. Площади обеспечивали удобный проход к важным точкам притяжения в городе. *Пьер-Витторио Аурели* в книге «Возможность абсолютной архитектуры» описывает мегаполис как архипелаг, состоящий из противостоящих друг другу островов-зданий. Площадь в таком городе выступает в роли «моря, которое и объединяет, и разделяет их» [1].

В современном мире трансформация площади заключается в изменении её функционального и сценарного устройства, а не физических параметров. Она может включать в себя развлекательную, выставочную, оздоровительную, рекреационную и торговую функцию. Площадь больше не существует отдельно от города, а является его структурным элементом. Она взаимодействует с окружающими постройками, образуя сложную связь внутренних и внешних пространств. Изменение в её устройстве теоретик Уильям Митчел определяет как новый механический параметр города. «Последствие этих технологических трансформаций – переход от мира, основанного на границах и разделении, к миру, структура которого на любом уровне организации всё больше определяется связями, сетями и потоками. Это мир всё менее костных, всё более текучих и гибких взаимоотношений между зданием и действи-

ем, между формой и материалом, между людьми и населёнными ими пространствами» [8]. К близким по смыслу выводам приходят исследователи Роберт Вентури, Дениз Скотт Браун и Стивен Айзенур в своей книге «Уроки Лас-Вегаса», где дают определение площади как пространства, созданного машиной. Речь идёт о парковке перед зданием, когда сам город располагается вдоль автомагистрали: «Территория автостоянки, раскинувшаяся по сторонам комплекса, обеспечивает прямой доступ к отелю и при этом остается хорошо видимой с дороги. Парковка редко располагается позади здания. Ритм движения и масштаб пространства автострады прямо соотносятся с расстоянием между зданиями; последние строятся с большими интервалами, и их нетрудно распознать, двигаясь с большой скоростью» [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что площадь с древнейших времён строилась на пересечении транспортных путей, людских потоков и объединяла в себе множество функций, необходимых для жителей города.

Здания формируют площадь. Концепция площади в архитектуре эволюционирует и постоянно переосмысливается. Появляются разные научные теории и исследования, описывающие её. В одной из них площадь – это плоскостное открытое общественное пространство, которое предназначено для пребывания в нём одновременно большого количества людей. Границы площади формируются дорожной и тротуарной сетями, зданиями и территориями с озеленением. Размеры и расположение площадей диктуется окружающими постройками. В большинстве случаев открытые пространства разграничиваются с внутренними с помощью архитектурной границы (внешних стен зданий) (рисунк 1).

Теоретик и исследователь Скотт Маккуайр в книге «Геомедиа» раскрывает идею площади через переосмысление её виртуального и физического воплощения. «Передвижения миллионов городских жителей оставляют различные цифровые следы», образуя цифровые сети [6]. Площадь – это трансформируемое пространство города, которое формируется виртуальными и реальными событиями. Оно проходит через весь город, проникая в его структуру и внутрь зданий. Виктор Вахштайн пишет о Скотте Маккуайре: «Но оригинальность его замысла... в удивительном проекте – археологии городской образности» [3]. С. Маккуайр прослеживает изменения в структуре мегаполиса, которые вносят его жители своими действиями [7]. В отличие от С. Маккуайра, исследователь Уильям Митчел раскрывает значение площади через осмысление сетей, связей и взаимоотношений между зданием и действиями, происходящими в нём. Площадь – это публичное пространство, сформированное на пересечении коммуникаций: пешеходной, водопроводной, транспортной и виртуальной. «Пространства эти становились ещё более эффективными, когда они накладывались на узлы других сетей» [8]. В узлах сетей собирается большое количество жителей мегаполиса, которым необходимо свободное пространство. Архитектурный объём взаимодействует с людьми и формируется действиями, которые они выполняют, в результате чего образуется площадь.

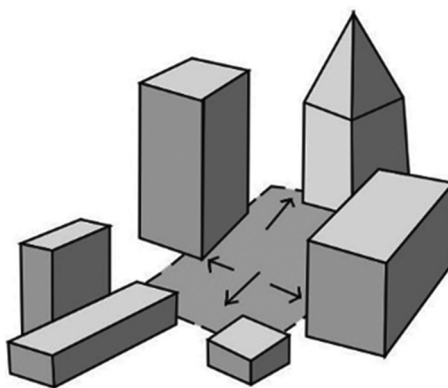


Рисунок 1. Границы площади

Исходя из приведенных выше исследований можно сделать вывод, что площадь – это открытое общественное пространство, которое формируется в местах пересечения людских потоков и важных для мегаполиса действий и событий.

Типы площадей. Автор систематизирует варианты площади и собирает из них архитектурный конструктор:

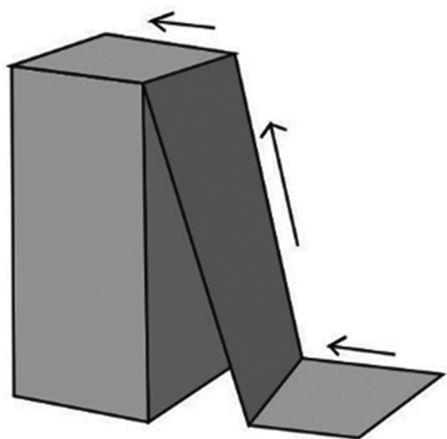


Рисунок 2. Зелёная поверхность

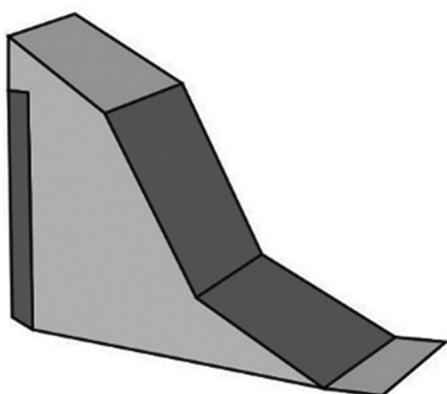


Рисунок 3. Прорывающая поверхность

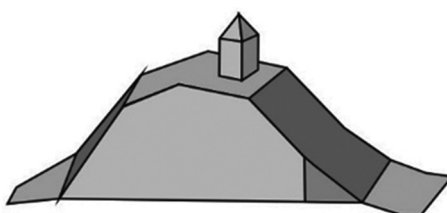


Рисунок 4. Обволакивающая поверхность

1. Зелёная поверхность. По форме представляет собой зелёные площадки, заходящие с земли на крыши зданий. Примером служит проект павильона для «Музея Ателиер», созданного Бьярке Ингельсом. Павильон имеет форму спирали. По его крыше, поднимаясь с земли, проходит зелёное пространство. Здание не граничит с поверхностью, а взаимодействует с ней. С одной стороны, поверхность покрывает здание, а с другой – здание вырастает из поверхности, приподнимая её. К тому же зелёная площадь впитывает воду, которая может попадать на павильон из атмосферных осадков, благодаря чему она защищает внутреннее пространство от погодных условий. Таким образом, поверхность связана с павильоном не только формой, но и функцией (рисунок 2).
2. Прорывающая поверхность. Состоит из нескольких элементов-площадок, каждая из которых взаимодействует либо с внешним, либо с внутренним пространством здания. В проекте завода «Копенхилл», спроектированного Бьярке Ингельсом, площадь проходит по крыше здания, не лишаясь своих функций. Здесь люди могут посетить лыжную трассу, парк фристайла. Помимо этого, поверхность взаимодействует со зданием: она «заходит» внутрь него за счёт стеклянных подъемных лифтов, ведущих на вершину лыжной трассы на верхней части поверхности. Это позволяет посетителям площади наблюдать за работой завода. Следовательно, такая поверхность дополняет облик здания, а также связывает его внутреннюю и внешнюю функции (рисунок 3).
3. Обволакивающая поверхность. По форме – площадка сложной формы, которая «ложится» на здание, поднимаясь с земли. Примером служит проект Тайваньского рынка MVRDV. Он представлен в виде здания с открытой волнообразной крышей, напоминающей холмистую местность. Крыша служит общественным пространством для встреч, прогулок и отдыха. Через серию террас она спускается к земле. Поверхность взаимодействует с окружающей местностью, за счёт её формы здание становится продолжением природного ландшафта. В этом проекте поверхность меняет облик здания, благодаря чему оно вписывается в окружающую его природную систему (рисунок 4).

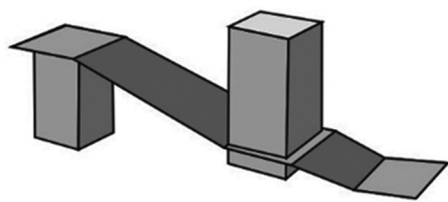


Рисунок 5. Рассекающая поверхность

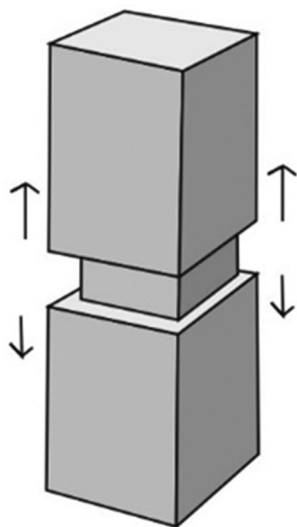


Рисунок 6. Разрывающая поверхность

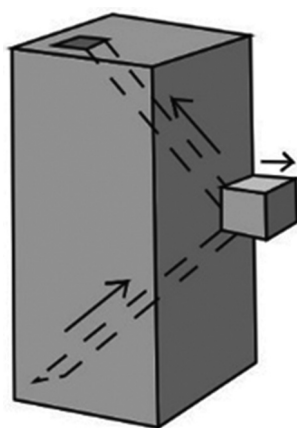


Рисунок 7. Прорезающая поверхность

4. Рассекающая поверхность. Она представляет собой площадки, проходящие сквозь здания и соединяющие их. Проект Шэньжэньских террас от MVRDV затрагивает тему взаимодействия внутренних и внешних пространств. Он состоит из многоуровневых зданий – террас, которые представляют собой открытые общественные пространства, включающие различные функции: встречи, отдых, торговля, культура и созидание. Поверхность рассекает здание по горизонтали на этажи и взаимодействует с каждым из них по отдельности. При этом она связывает этажи разных зданий комплекса, переходя из одного в другое. Следовательно, поверхность не граничит со внутренними пространствами, а проникает внутрь и взаимодействует с ними (рисунк 5).
5. Разрывающая поверхность. По форме это площадка, разделяющая архитектурные объекты на несколько частей, сохраняющих при этом единую структуру. В проекте Даниэля Либекинда «Небоскреб Элад Пропетис» открытое пространство разрывает здание на несколько частей. Этот прием делает внешнее пространство более доступным. Жители могут попасть в него, находясь при этом внутри небоскреба. Природа и зелёные пространства становятся частью городской системы, активно с ней взаимодействуя. Таким образом, поверхность меняет форму здания, не нарушая его конструкции, при этом позволяя внешним и внутренним пространствам активно взаимодействовать, плавно переходя друг в друга (рисунк 6).
6. Прорезающая поверхность. Состоит из площадки, проходящей сквозь объем здания и выходящей на его крышу. Такую поверхность представили архитекторы бюро MVRDV в проекте «Фабрика идей». Общественная лестница проходит через существующее здание, прорезая каждый его этаж, и ведет на крышу, где развивается поверхность с различными функциями, отделенными друг от друга живыми бамбуковыми «стенами». На одном из этажей поверхность выступает из объема здания, позволяя посетителям взаимодействовать с окружающими постройками. В этом проекте поверхность проникает в структуру здания, делая её более интерактивной (рисунк 7).

Во всех изученных архитектурных объектах присутствует стремление архитекторов объединить площадь со зданием различными способами. Появляется связь внутренних и внешних пространств или свободный переход между ними. Коммуникация здания и поверхности приводит к образованию более сложных форм архитектурного объекта.

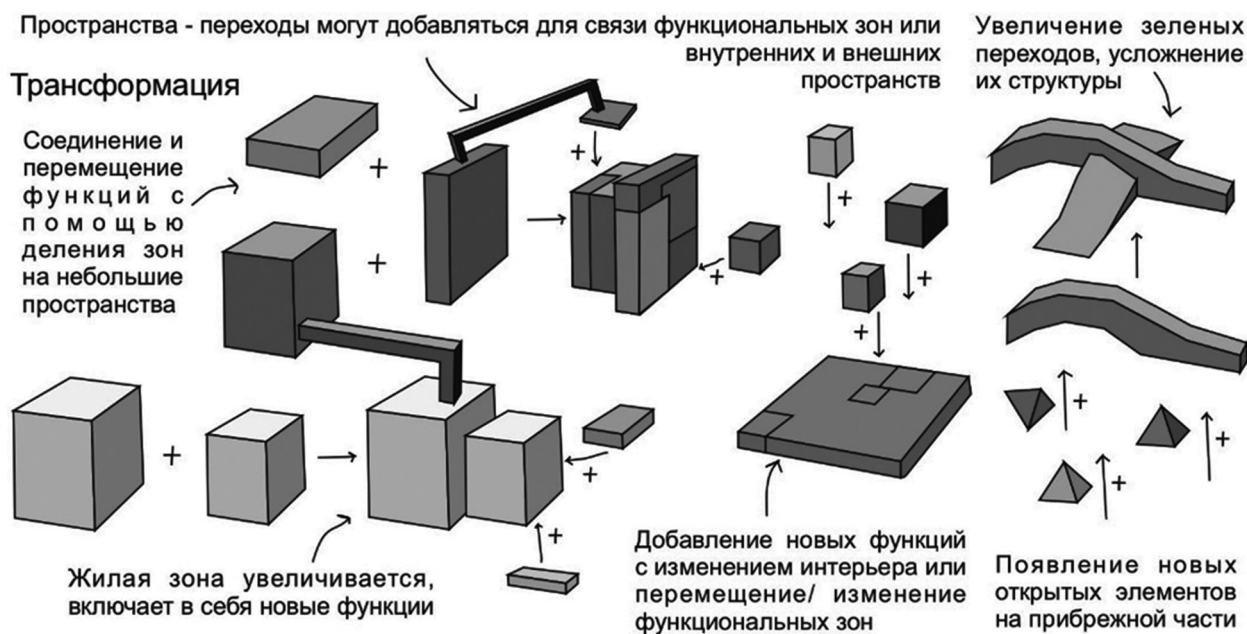


Рисунок 8. Трансформация

Пронизывающая мультиповерхность. Автор предлагает принцип мультиповерхности.

Мультиповерхность – это крупная полифункциональная горизонтальная архитектурная форма, которая взаимодействует со зданиями, проникая в них и изменяя их структуру, текстуру и внешний облик (рисунки 8). Поверхность может состоять из множества слоёв, которые коммуницируют с архитектурными объектами, накладываясь друг на друга. Она проходит внутрь зданий тремя путями.

Первый путь – зелёный ландшафт с высаженными растениями – располагается рядом со зданием и, проходя сквозь стены, попадает во внутреннее пространство, меняя свою функцию.

Второй путь – поверхность проходит сквозь здание, «вырезая» его сегмент. Таким образом, на пути людского потока отсутствуют препятствия в виде стен. Площадь не меняет внутренней структуры здания, а трансформирует его внешний облик. Функции такой поверхности не меняются внутри архитектурных объектов.

Третий путь – смешанный. Площадь проходит сквозь здание, в некоторых местах вырезает его фрагмент и может заходить на крышу. Пространство не разывается на отдельные участки, а «перетекает» из внутреннего во внешнее. На площади функционируют подвижные элементы – «домики на колёсах». По форме они представляют собой кубы, которые можно перемещать между узлами транспортных сетей, людских потоков и менять их функцию в зависимости от внешних факторов. Также можно их совмещать для создания более крупного пространства (рисунки 9).

Далее автор рассматривает положительные черты мультиповерхности:

- осуществляется коммуникация внутренних и внешних пространств, переходы между ними плавные, а функции взаимосвязаны;
- благодаря открытости пространства в нём постоянно меняется наполнение, из-за чего люди объединяются по интересам в новые группы, знакомятся и вместе занимаются общим делом; мультиповерхность изменчива, и поэтому она интересна людям, её невозможно изучить полностью;

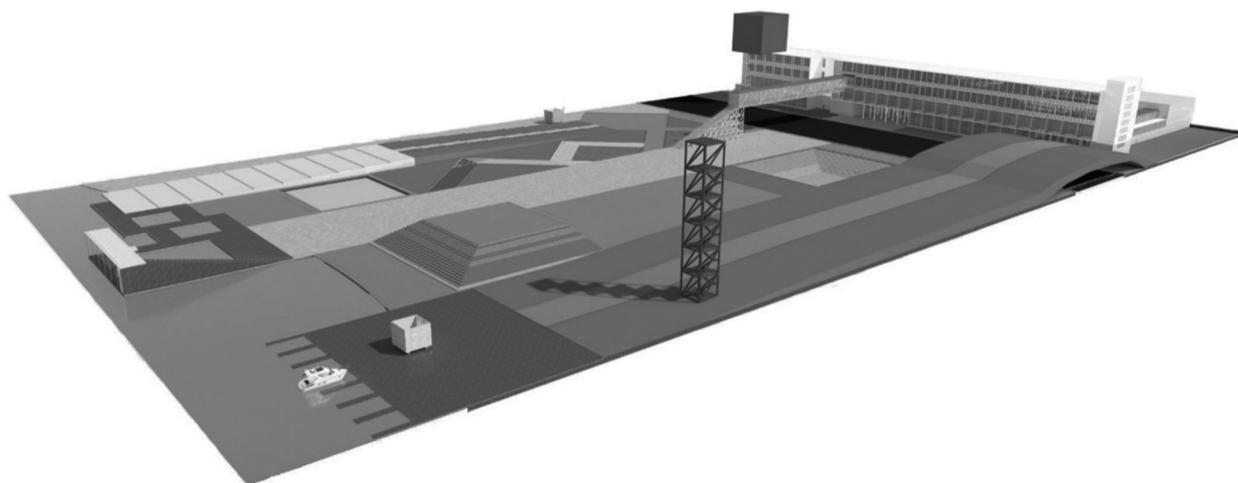


Рисунок 9. Аксонометрия мультиповерхности

- здание не воспринимается как персональная изолированная ячейка, в нём активна общественная жизнь, сменяются людские потоки;
- функции внутренних и внешних пространств изменчивы; посетители меняют пространство вокруг себя, и это изменение неконтролируемо;
- слои многоуровневой структуры мультиповерхности накладываются друг на друга, создаётся множество крупных пространств, к которым можно применять различные варианты использования.

Мультиповерхность создаёт площадь, которая позволяет людям взаимодействовать друг с другом, а также с переходящими из одного в другое внутренними и внешними пространствами, постоянно меняя их и подстраивая под свои интересы. Такое пространство зависит от его посетителей, их характера и намерений. Если они будут стремиться следовать идее мультиповерхности: объединить внутренние и внешние пространства и людей в них, то она будет существовать, меняться и развиваться вместе с обществом. Если же большинство посетителей будет стремиться противоречить этой идее, то такое пространство начнёт разрушаться и разделяться на части.

Внутренние и внешние пространства существуют и развиваются вместе. Если раньше происходило их разделение, то сейчас архитекторы стремятся объединить их в своих проектах, создаются новые методы и принципы создания комплексной городской среды. Площади не граничат со зданиями, а проходят сквозь них, проникая в их структуру и меняя её. Взаимодействие внутренних и внешних пространств не ограничивается объемом одного здания: оно проходит через весь город.

Библиографический список

1. *Аурели П.В.* Возможность абсолютной архитектуры. М., 2014.
2. *Бастракова Т.В.* Градостроительные принципы формирования городских площадей и улиц // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2020. № 9.
3. *Вахштайн В.* Антиутопия «жуткого города» // Социология власти. 2014. № 4.
4. *Вентури Р., Айзену С., Браун Д.С.* Уроки Лас-Вегаса: Забытый символизм архитектурной формы. М., 2015.
5. *Иконников А.В.* Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М., 2006.

6. Маккуайр С. Геомедиа. Сетевые города и будущее общественного пространства. М., 2018.
7. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М., 2014.
8. Митчелл У. Я++ [Я плюс плюс]: Человек, город, сети. М., 2012.
9. Роу К., Кеттер Ф. Город-коллаж. М., 2018.
10. Яшкевич А.В. Модернистская структура города-архипелага в архитектурных концепциях // Architecture and Modern Information Technologies. 2018. № 4(45).

В.А. Титова

студентка

Инженерная академия, Департамент архитектуры

Российский университет дружбы народов, г. Москва

E-mail: 1032216190@pfur.ru

Е.А. Орлов

старший преподаватель, член Союза архитекторов России

Инженерная академия, Департамент архитектуры

Российский университет дружбы народов, г. Москва

E-mail: egororlovrus@gmail.com

ДИАЛЕКТИКА АРХИТЕКТУРЫ (АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ)

С.В. Саморядов, Е.А. Булгакова, Н.А. Гудкова

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы конфликтов в архитектурном проектировании, как внутреннее, так и внешние со строительством, эксплуатацией, экономикой, с философских позиций. Большинство конфликтов не разрешимо, и застройщикам или архитекторам приходится принимать волевые решения, рациональные с их точки зрения. Конфликты строительства и эксплуатации зданий связаны с не учетом технологии строительства и требований эксплуатации при архитектурно-конструктивном проектировании зданий.

Ключевые слова: архитектура, архитектурно-строительная конфликтология, диалектика архитектуры.

DIALECTICS OF ARCHITECTURE (ARCHITECTURAL AND CONSTRUCTION CONFLICTOLOGY)

S.V. Samoryadov, E.A. Bulgakova, N.A. Gudkova

Abstract. The article deals with the issues of conflicts in architectural design, both internal and external – with construction, operation, economics, from philosophical positions. Most conflicts are irrepressible and, therefore, property developers or architects have to make executive decisions that are rational from their point of view. Conflicts of construction and operation of buildings are associated with inability to take into account construction technology and operational requirements in the architectural and structural design of buildings.

Keywords: architecture, architectural and construction conflictology, dialectics of architecture.

Прежде чем говорить о диалектическом характере архитектуры необходимо проанализировать ее сущность, структуру и содержание.

Архитектура – это одно из искусств (*рисунок 1*), которое включает и изображение, и объемный материальный объект.

Вспомним определения архитектуры, данные классиками: «Архитектура это – польза, прочность и красота» (Марк Вертрувий); «Архитектура это – застывшая музыка» (Фридрих Шеллинг).

Есть и другие определения, но не в них суть. Говоря об архитектуре как об искусстве, можно сказать что архитектура – это искусство формы, пространства и цвета.

Это подтверждает и топология архитектуры (*рисунок 2*), так как форма – это выразительность, пространство – это объем, а цвет может быть средством выразительности или объема на плоскости.

Архитектура – это не только искусство, но также и философия, и наука [6, с. 269–279] (*рисунок 3*).

В чем же диалектика архитектуры? В философии **диалектика** – это способ обоснования определенных заключений, помимо этого, диалектика является формой и средством рефлексивного теоретического рассуждения, **анализирующее различные разногласия**, которые зарождаются в процессе мышления. В том числе, один из законов диалектики – **единство и борьба противоположностей**. При наличии противоположностей между ними может быть гармония или конфликт.

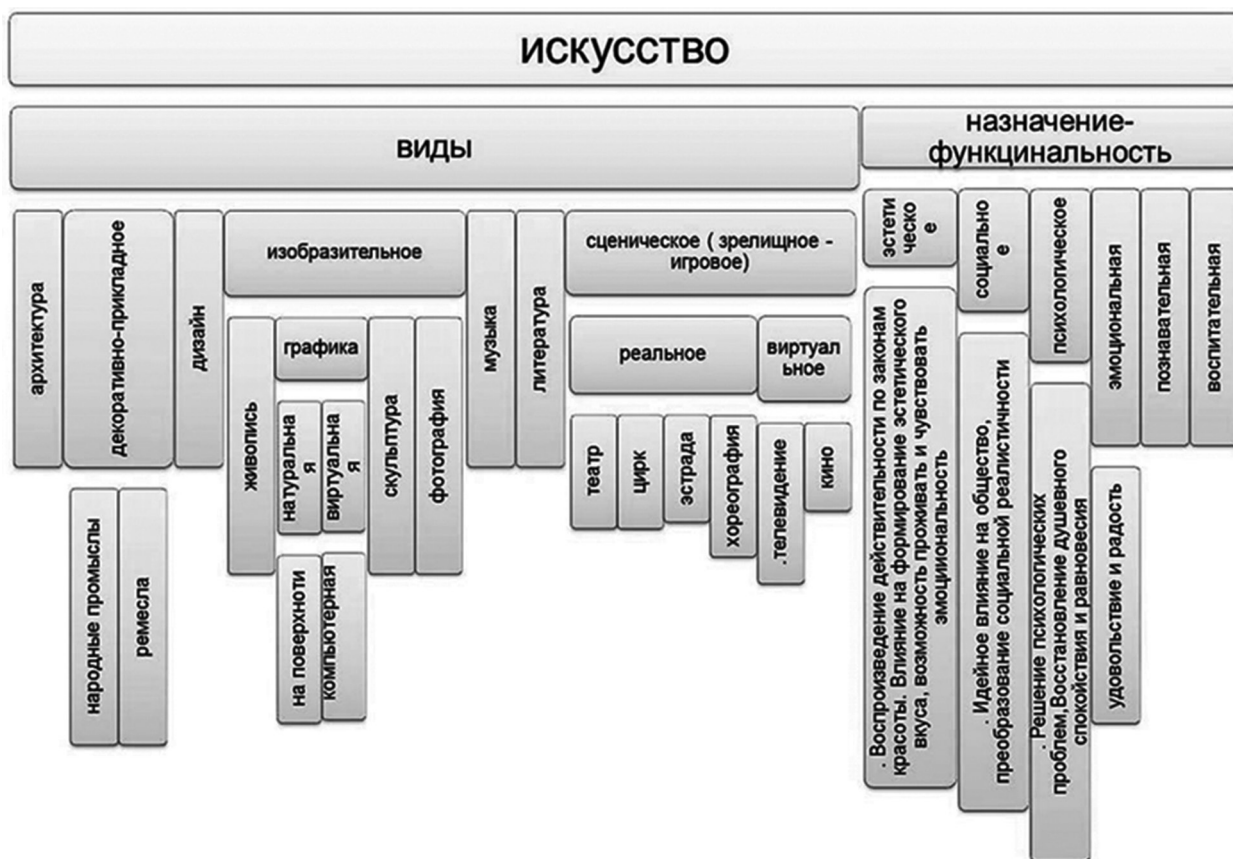


Рисунок 1. Классификация искусств

Примечание: составлено авторами



Рисунок 2. Топология архитектуры и строительства

Примечание: составлено авторами

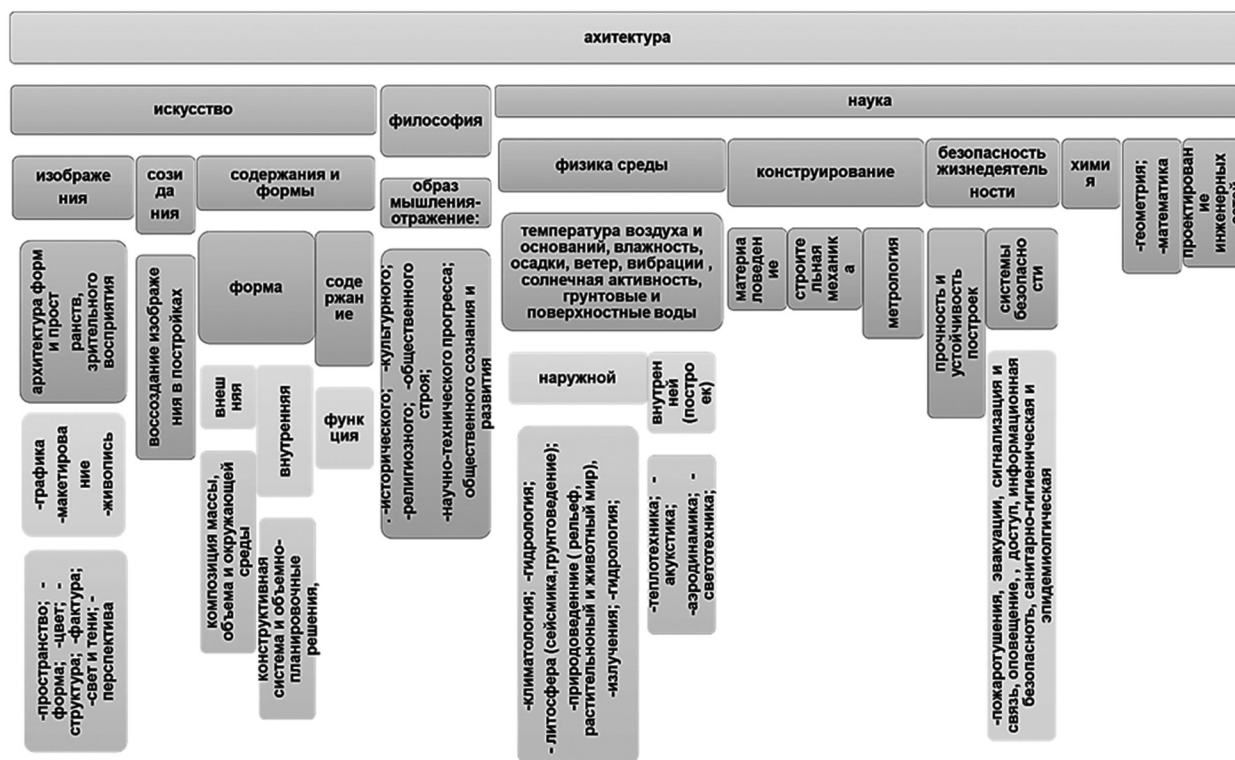


Рисунок 3. Сущность архитектуры

Примечание: составлено авторами



Рисунок 4. Диалектика архитектуры

Примечание: составлено авторами

Цель данного исследования рассмотреть конфликты в самой архитектуре, градостроительстве [9, с. 5] и в ее связях с технологией строительства и экономикой.

Надо отметить, что конфликты архитектуры [6, с. 83–88] и технической эксплуатации зданий так же имеют место и учитывать это необходимо уже на стадии замысла.

Конфликты архитектуры бывают внешние и внутренние. Внутренние – это конфликты между составными частями архитектуры, внешние – между архитектурой и другими составляющими строительства: строительным производством, экономикой, внешней средой – архитектурной, природной, социальной (рисунк 4).

То, что касается средств выразительности и функциональности, то конфликт может быть между красотой и пользой, формой и функцией, ритмом и асимметрией, а также другими элементами, например, между архитектурой и дизайном.

Говоря о художественном стиле необходимо отметить, что в конструктивном отношении он не всегда может быть рационален или вообще реализован существующими конструкциями и материалами.

Конфликты художественного стиля и конструкций связаны с прочностью здания, особенно его фасадных частей, атриумов. В готическом стиле появились контрфорсы, что позволило облегчить стеновые части и сделать постройки более изящными и художественными. Пример – Нотр Дам де Пари. До того, как появились арочные системы окон, контрфорсов, проемов входов фантазия архитекторов была ограничена громоздкими формами зданий, так как не было подходящих строительных конструкций и решений.

Особую важность имеет климатическое проектирование, вернее природно-климатическое [7]. Оно определяет и объем, и положение, и цвет, и форму, и конструкцию (рисунк 5). Такое же влияние оказывают и природные факторы (рисунк 6).

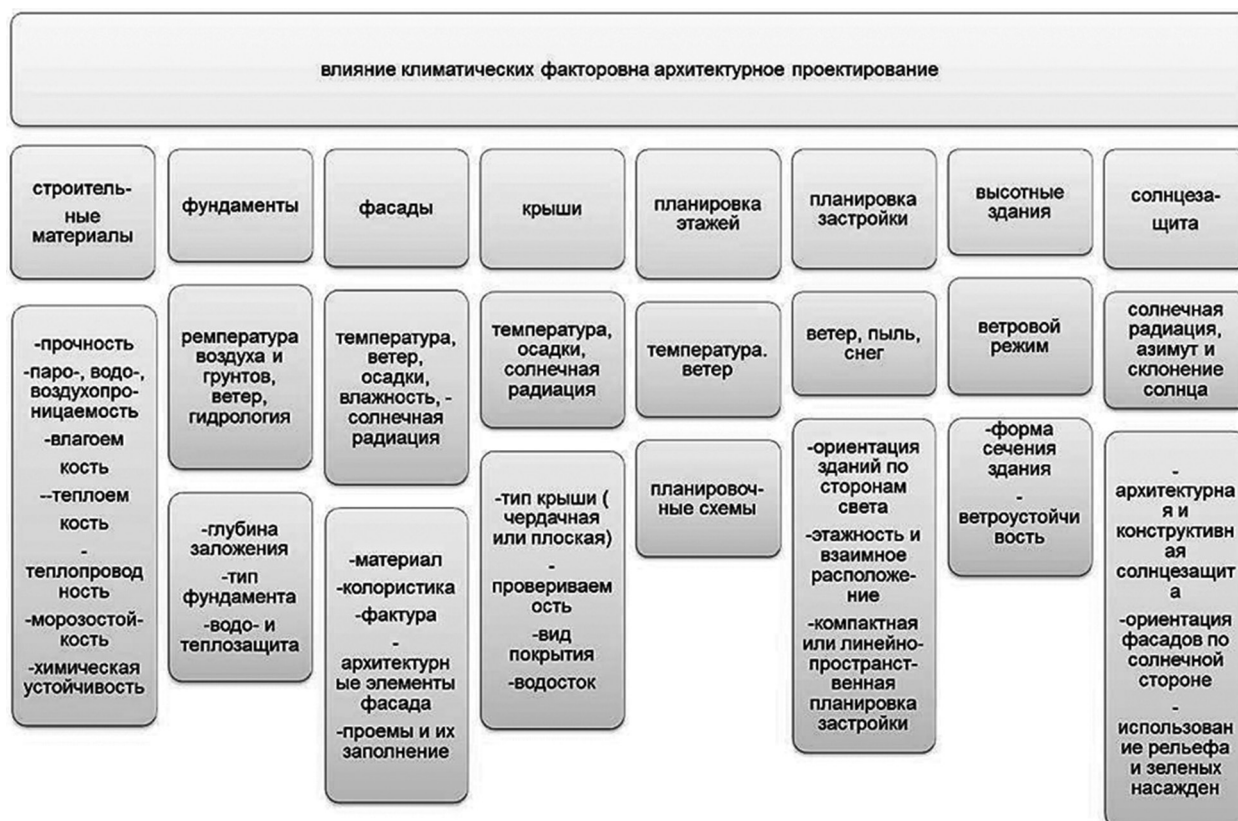


Рисунок 5. Влияние климатических факторов на проектирование

Примечание: составлено авторами



Рисунок 6. Влияние природных факторов на архитектурное проектирование

Примечание: составлено авторами

Важную роль в противоречиях художественного стиля здания в существующей застройке ее архитектурному принципу играет композиция стилей. Один из простых примеров – реконструкция улиц в Москве в советское и постсоветское время. Большая Якиманка – старинные здания псевдорусского стиля, в стиле модерн, зрелого классицизма Бове, петровского барокко,

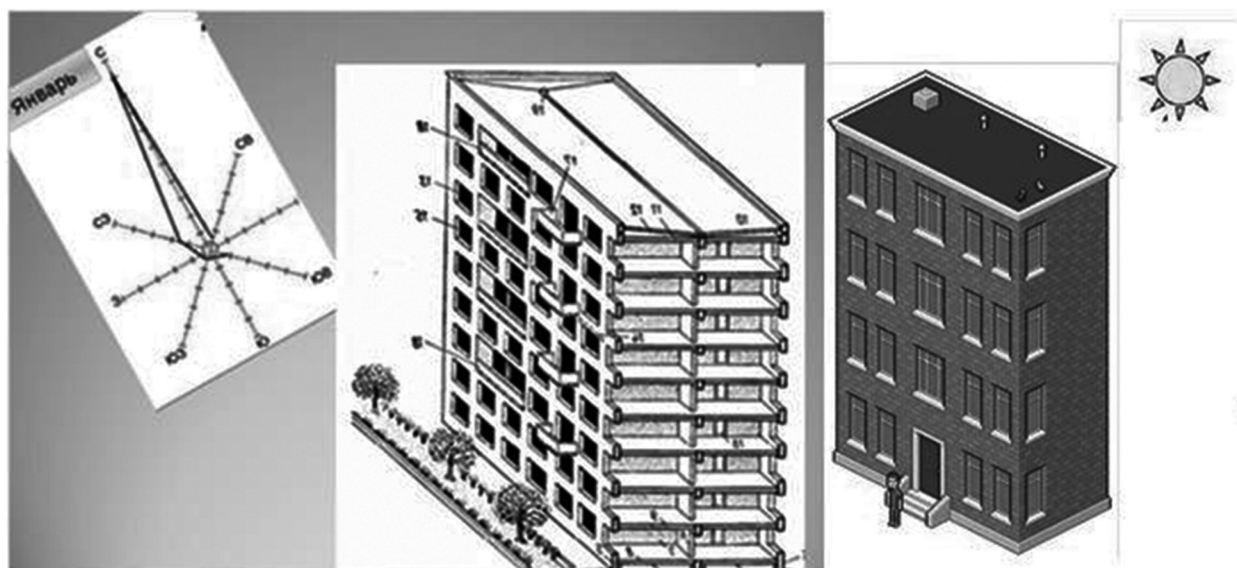


Рисунок 7. Ориентация проектируемого здания по розе ветров в холодный период и с теневой стороны летом

Примечание: составлено авторами

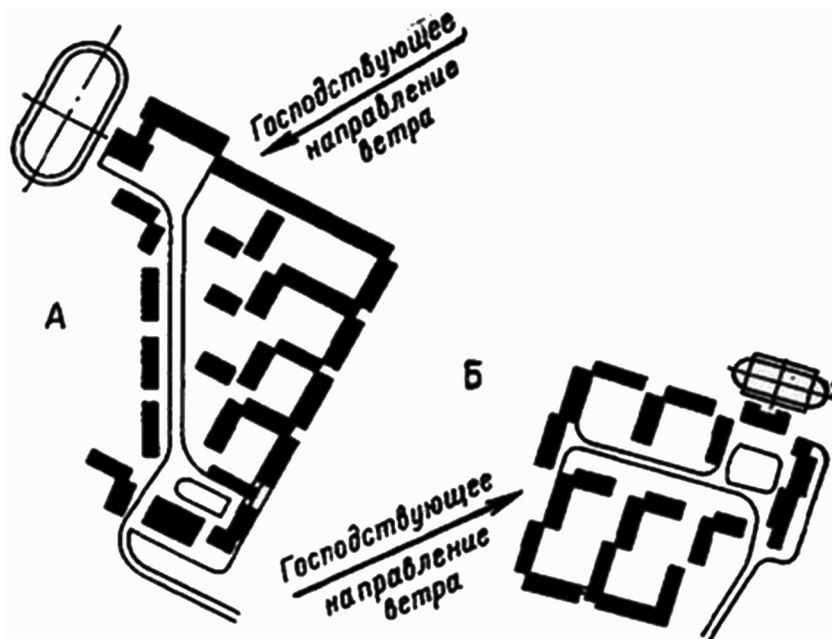


Рисунок 8. Примеры ветрозащитной застройки микрорайонов населенных мест
Крайнего Севера: А – микрорайон на 4400 жителей;
Б – микрорайон на 2100 жителей [4]

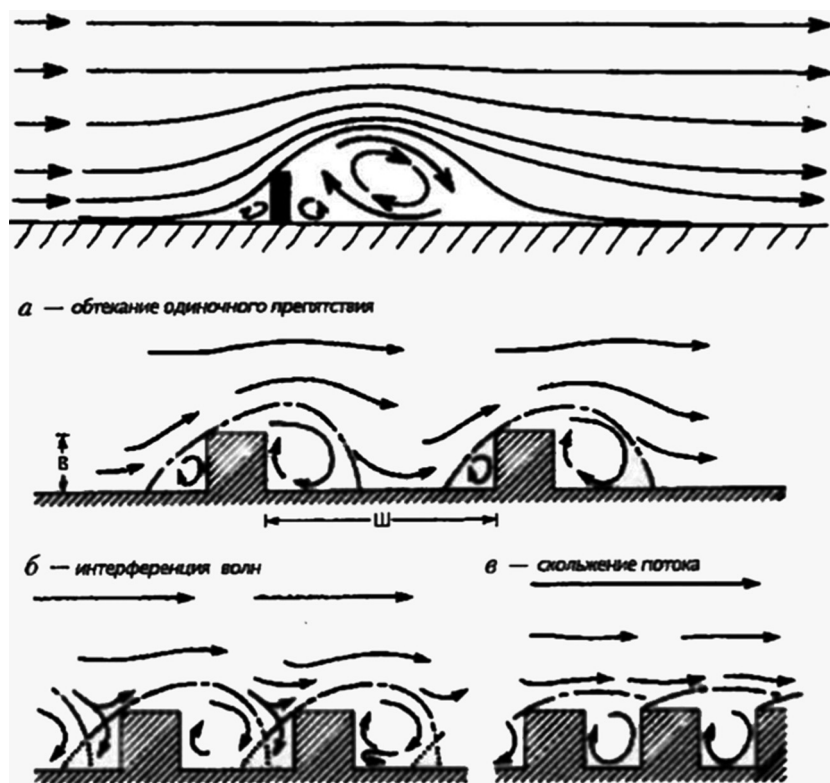


Рисунок 9. Ветровой режим снегопереноса в зависимости от плотности застройки [2]



Рисунок 10. Плотность застройки

K_3 – коэффициент застройки (учитывает только площадь здания по фундаменту $K_3 = \frac{S_{зд}}{S_{уч}}$),

$K_{пз}$ – коэффициент плотности застройки (учитывает площадь всех этажей здания,

$$K_{пз} = \frac{\sum S_{зд}}{S_{уч}} \text{ – площадь участка застройки.}$$

Примечание: составлено авторами

эkleктики, классические и ампиpные особняки, дома второй половины XX века в стиле классицизма, современного «лужковского» стиля). Это уродливое соседство и, как говорил поэт, «смешение французского с нижегородским», вызывает и тоску по единству архитектурного ансамбля в застройке, и раздражение.

Важное значение имеет влияние природно-климатических факторов на проектирование построек. Но и здесь заложены конфликты. Во-первых, температуру воздуха нужно рассматривать только в совокупности с ветром зимой и солнечной активностью летом. С точки зрения охлаждения здания зимой его надо повернуть узким фасадом по розе ветров [2, с. 9], а с точки зрения солнцезащиты здание рекомендуется ориентировать входами в подъезд на солнечную сторону (рисунок 7). Эти два требования часто не совпадают.

В то же время в северных районах с целью ветрозащиты рекомендуется иная схема застройки [4] (рисунок 8), то есть поворот здания длинным фасадом к ветру!

Кроме того, необходимо учитывать действие ветра с точки зрения снегозаносимости (рисунок 9). Но это может противоречить генеральному плану развития города либо требованиям норм к застройке селитебной или промышленной зоны. И здесь надо вспомнить, что при проектировании зданий существует норма плотности застройки и коэффициент плотности застройки (рисунок 10). При этом коэффициент плотности застройки во столько же раз больше, чем больше количество этажей. Соответственно, должен быть больше участок застройки – генплан. В ходе реновации коэффициент плотности застройки игнорируется, и мы получаем супермаленькую придомовую территорию. А это ведет к нарушению других норм проектирования, например, парковочных мест, зон отдыха и озеленения и др.

Здесь иная форма конфликта – **между нормами проектирования и волевым решением органов местного самоуправления**, отменяющих норму плотности застройки в условиях стесненности мегаполиса. Другая причина чисто экономическая. При реновации на той же территории, где находилось снесенное пятиэтажное здание, возводят двадцатиэтажное здание, 3/4 квартир в котором продается по коммерческой цене.

Ветер ограничивает творчество архитектора и в отношении формы сечения здания (рисунки 11, 12). Вид потока, его завихрения не только могут быть опасными для человека при входе в здание, но определяют и пыле- и снегозаносимость, комфортность на придомовой территории. Охлаждаемая площадь фасада здания зависит от его высоты и периметра, а последний зависит от формы сечения. Но вот здесь конфликт отсутствует, с точки зрения теплопотерь через стены и обтекания ветром высотных зданий есть оптимальное решение – круглое сечение.

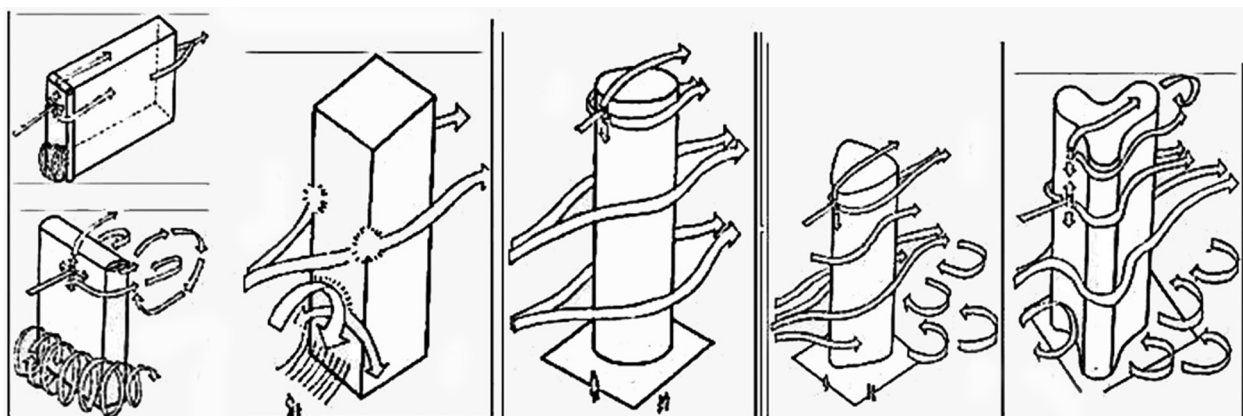


Рисунок 11. Обтекание ветром высотных зданий разного сечения [5]

Наиболее выраженный конфликт внутри архитектуры – это противоречия инсоляции и теплотехники. В северных районах солнечная радиация понижена. Освещенность малая. С точки зрения инсоляции необходимо проектировать окна большой площади [2, с. 85]. А с точки зрения теплотехники, требующей сокращения теплопотерь через ограждающие конструкции, оконные проемы надо уменьшать!

Как уже говорилось выше, цвет может изменять видимый объем здания, его художественное выражение. В настоящее время, при массовой жилой застройке эконом класса, архитекторы смогли уйти от однотонных серых бетонных фасадов используя средства колористики. Но важнее другое: что каждой форме и архитектурному решению подходят определенные цвета. Цветоведение определяет, в том числе, и сочетания цветов. И вот здесь возникает конфликт с солнцезащитой. В жарком климате рекомендуются светлые тона фасадов и их гладкая фактура, что может иметь расхождение с требованиями цветоведения, архитектурной композиции застройки и предпочтений архитектора. А в холодном климате – не черные же дома проектировать!

Конфликт между сейсмостойкостью и типологией связан, например, с тем, что оптимальная форма здания в этих условиях – это пирамида, так как она имеет самый низкий центр тяжести и повышенную устойчивость. Но эта форма противоречит условиям застройки в больших городах, где стоимость земли определяет высотное строительство. Такая форма повышает и ветроустойчивость, что особо важно для высотных зданий.

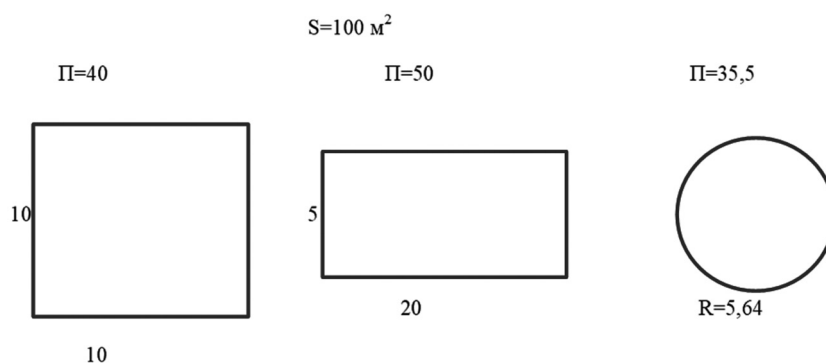


Рисунок 12. Зависимость периметра здания от формы его сечения

Примечание: составлено авторами

Подобные формы конфликтуют с вышеназванным коэффициентом плотности застройки и не рациональны с точки зрения максимального использования пространства в условиях переуплотненной городской застройки мегаполисов.

Природно-климатические конфликты определяют еще и планировочные решения этажей (рисунок 13).

Например, для холодного климата рациональны малые объемы замкнутых помещений, а для жаркого большие объемы помещений, предотвращающие перегрев помещений или проветриваемые схемы. И здесь возникает конфликт между нормами проектирования, например, общественных зданий и такими рекомендациями. Зрелищные сооружения всегда зальные, в холодном климате это приводит к низкой энергоэффективности за счет повышения нагрузок на систему отопления. В жарком климате нормы проектирования жилых зданий предлагают нам универсальную ячейковую систему, приводящую только к перегреву помещений.

Еще один из конфликтов – это объемно-планировочные решения и инженерные системы здания. При проектировании высоты этажей, при наличии принудительной канальной вентиляции с воздуховодами, необходимо учитывать высоту воздуховодов и их подвески. Раздел проекта АС выполняется до раздела ОВ, в котором и рассчитывается сечение воздуховодов. Таким образом, высота этажа может оказаться заниженной и высота подвесных потолков, скрывающих воздуховоды, может оказаться недостаточной.



**Рисунок 13. Рациональные планировочные схемы этажей
с учетом природно-климатических факторов**

Примечание: составлено авторами

Еще более сложно проектировать принудительную вентиляцию в купольных сооружениях – цирке, театре и др. Воздуховоды в них проложить невозможно. Тогда проектируется моноблочная приточно-вытяжная установка на крыше, но этого бывает недостаточно для требуемого воздухообмена.

Внешние конфликты связаны с тем, что для реализации проекта постройки принимается определенная технология [1, с. 7–9], но это в том случае, если такая существует или имеется возможность ее применения.

Характерный пример для высотных зданий – украшения фасадов под крышей, парапета, крыши декоративными металлоконструкциями. Строители для снижения затрат как можно ранее демонтируют башенный кран и используют мачтовые подъемники. Переместить несколько тонн проката длиной 11 м на крышу при этом невозможно, а при устройстве консольных и других конструкций бывает невозможно использовать навесные фасадные люльки. В этом случае строители обращаются к проектировщикам о внесении изменений в конструкцию подобных сооружений или отмену этого декоративного элемента. Автор статьи имел подобный конфликт в своей строительной практике. Но убедить автора архитектурного проекта сделать это удалось, только объяснив нерациональность такого конструктивного решения, потому что вынесенные на консолях за парапет три отдельные нитки стальных трубок диаметром 10 мм просто не будут видны на высоте 70 м.

Конфликт мастерства и художественного замысла архитектора с реальным визуальным восприятием конструкции, технологическая возможность осуществления, это еще одно из внешних противоречий.

Еще один конфликт архитектуры и строительного производства связан с особыми технологиями строительства, в частности, – требований квалификации исполнителей. Не всегда строительные фирмы могут применить необходимую технологию в данных условиях и в данной местности, в том числе и при недостатке квалифицированных исполнителей и конкретными условиями производства работ. Конечно, архитекторов это не должно вол-



Рисунок 14. Конфликты строительства

Примечание: составлено авторами

новать, но надо не забывать, что сроки строительства определяются нормами и в проекте организации строительства – ПОС, разрабатываемому проектной организацией, нужно согласовывать технические и технологические решения с исполнителями. В противном случае мы и имеем внешний конфликт.

Конфликты с экономикой заключаются в желании архитектора украсить свое творение, а заказчика – сократить стоимость. Другим внешним конфликтом является желание строителя сократить затраты в рамках сметы, но здесь играет роль другой фактор. Сметчики проектных организаций не всегда внимательно смотрят проект, да и в нем самом бывают недостатки, и смета не соответствует объемам работ, технологии. Автору статьи пришлось встретиться в своей производственной деятельности с подобными несоответствиями. Например, в типовом проекте И-1194 детского сада в чертежах системы горячего водоснабжения имеются 40 штук полотенцесушителей из нержавеющей стали, а в спецификации их нет. Много и других ошибок, неучета работ или материалов. Не составляются ресурсные сметы (на материалы, не учтенные в основных нормах). Была проведена проверка сметы проекта на санитарно-технические работы путем составления собственной сметы с учетом всех параметров. Она оказалась на 15% выше проектной. И это только по сантехработам.

Другой конфликт, в частности в проекте организации строительства – проектирование организации строительства при сооружении нескольких объектов – более завуалированный, между экономикой строительства и его организации. При поточной организации строительных процессов производится их увязка во времени и пространстве. Она предполагает ожидание объектом начала последовательных процессов, для того чтобы всегда был фронт работ для последующих. С точки зрения экономики такое ожидание – это увеличение срока строительства отдельного объекта, то есть замораживание капиталовложений. Но иначе организовать поточное строительство нельзя. Ведь оно предполагает непрерывность каждого специализированного потока, то есть непрерывность работы строительных бригад. Это и есть поток.

Существует и конфликт технической эксплуатации и архитектуры. Один из примеров – это проектирование инженерных сетей таким образом, чтобы они были доступны для обслуживания и ремонта, но и органично вписывались в интерьер.

При проектировании плоских крыш неподходящим материалом является мягкая кровля, так как крышу нужно чистить от снега, и кровля повреждается.

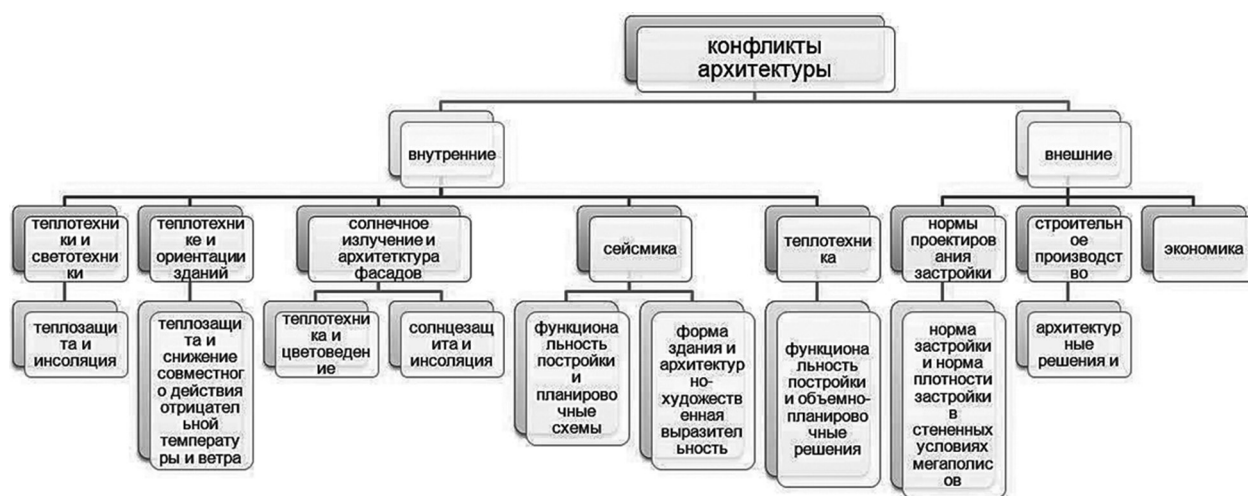


Рисунок 15. Конфликты архитектуры

Примечание: составлено авторами

Таким образом, становится очевидным, что множественные внутренние и внешние конфликты архитектуры (*рисунок 14*) определяют ее диалектичность. А это требует комплексного решения задач архитектурно-конструктивного проектирования с учетом технологии строительного производства и особенностей технической эксплуатации построек.

В заключении можно представить структуру основных конфликтов архитектуры, определяющую ее диалектический характер в виде схемы (*рисунок 15*).

Библиографический список

1. *Васильева С.* Архитекторы и застройщики: когда в согласии жить не получается // *Жилищное право*. 2018. № 9.
2. *Куприянов В.Н.* Строительная климатология и физика среды: учебное пособие. Казань, 2007.
3. *Лезьер В.А., Извин Д.А.* Архитектура как вид культурного бытия: философскокатегориальный подход // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2016. Т. 5. № 6А.
4. *Лицкевич В.К., Конова Л.И.* Учет природно-климатических условий местности в архитектурном проектировании: учебно-методические указания к курсовой расчетно-графической работе. М., 2011.
5. *Михайлова М.К.* Проектирование, строительство и эксплуатация высотных зданий с учетом аэродинамических аспектов // *Строительство уникальных зданий и сооружений*. 2016. № 10 (49).
6. *Перькова М.В., Вайтенс А.Г., Баклаженко Е.В.* Классификация градостроительных конфликтов // *Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова*. 2018. № 12.
7. *Саморядов С.В.* Интегральная система влияния местных условий в строительстве. Климатология, природная и техногенная среда в архитектуре, строительстве и эксплуатации зданий и сооружений. Ч 1. Климатическое проектирование. М., 2023.
8. *Синянский И.А.* Типология зданий : учебник для студентов учреждений сред. проф. образования. М., 2014.
9. *Фрейдин Е.* Конфликтологическая концепция градостроительной деятельности (градостроительная конфликтология) // *Сибирская архитектурно-художественная школа: наука, практика, образование: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 2007 г.)*. Новосибирск, 2007.

С.В. Саморядов

доцент, Российский университет транспорта;
доцент кафедры строительства и городского хозяйства
Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт;
член-корреспондент Международной академии общественных наук
E-mail: ssamor@mail.ru

Е.А. Булгакова

кандидат архитектурных наук, доцент
заведующая кафедрой архитектуры и дизайна
Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт;
член Союза архитекторов России, профессор Российской академии естествознания
E-mail: traumeels@mail.ru

Н.А. Гудкова

кандидат технических наук, доцент
Российский университет транспорта;
преподаватель кафедры строительства и городского хозяйства
Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт
E-mail: gud325@mail.ru

ЦАРИЦЫНСКИЙ АНСАМБЛЬ – ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ XVIII В.

Г.И. Наумкин

Аннотация. Фигурные ворота в Царицынском ансамбле XVIII в. архитектора Василия Ивановича Баженова раньше считались обычными сооружениями. Автором данной статьи в 2000-х гг. было проведено исследование, которое стало историческим откровением: оно открыло ранее неизвестное по назначению сооружение: Фигурные ворота – памятник архитектуры России XVIII в. Они тесно связаны со всеми главными символами государственного статуса: Гербом России, белой лилией, Кремлёвскими стенами, русскими пятилепестковыми цветами.

Ключевые слова: открытие, памятник, символы, царские и имперские знаки, наследие архитектуры.

THE TSARITSYN ENSEMBLE IS AN ARCHITECTURAL MONUMENT OF THE 18TH CENTURY

G.I. Naumkin

Abstract. The Figured Gate in the Tsaritsyn ensemble of the 18th century designed by architect Vasily Ivanovich Bazhenov was previously considered an ordinary building. In the 2000-s the author of this article conducted a study that became a historical revelation: it discovered a structure previously unknown for its purpose: the Figured Gate - an architectural monument of Russia in the 18th century. It is closely associated with all the main symbols of state status: the Coat of Arms of Russia, the white lily, the Kremlin walls, Russian five-petal flowers.

Keywords: discovery, monument, symbols, royal and imperial signs, architectural heritage.

Из сохранившихся в усадьбе Екатерины II Царицыно архитектурных памятников, возведённых Василием Ивановичем Баженовым, самым заманчивым является такое сооружение, как Фигурные ворота. Зодчий оставил ряд промежуточных вариантов этого сооружения, которые при тщательном изучении позволяют приоткрыть завесу творческого процесса и проследить процесс формирования памятника архитектуры.

Фигурные ворота в складывании композиции ансамбля с самого начала занимали особое место. Первый вариант Фигурных ворот зодчий изобразил на панораме 1776 г., которая отражает завершение формирования дворцово-паркового комплекса. Ворота изображены фронтально, обращёнными главным фасадом на зрителя.

Сооружение состоит из двух башен, стрельчатой арки и парапета. На среднем уровне башен изображены зубцы Московской Кремлевской стены. Выше размещаются круглые люкарны, они заполнены изображением пятилепестковых элементов. По бокам стрельчатой арки располагаются белокаменные доски, которые находятся в пазах стрельчатой арки. Под стрельчатой аркой расположены ажурные элементы, содержащие символические знаки, отражающие историю России: Царский период и Имперский период. (Подробно об этих периодах напечатано автором в журнале «Градостроительство» в 2012 г., № 1). Царский период выражен символической атрибутикой – пятилепестковым символом белой лилией. Этот символ является царским – он содержится в Пантеоне русских царей – Архангельском соборе Московского Кремля. Этот символ В.И. Баженов применит и на следующих этапах композиционного развития Фигурных ворот (*рисунк 1*).

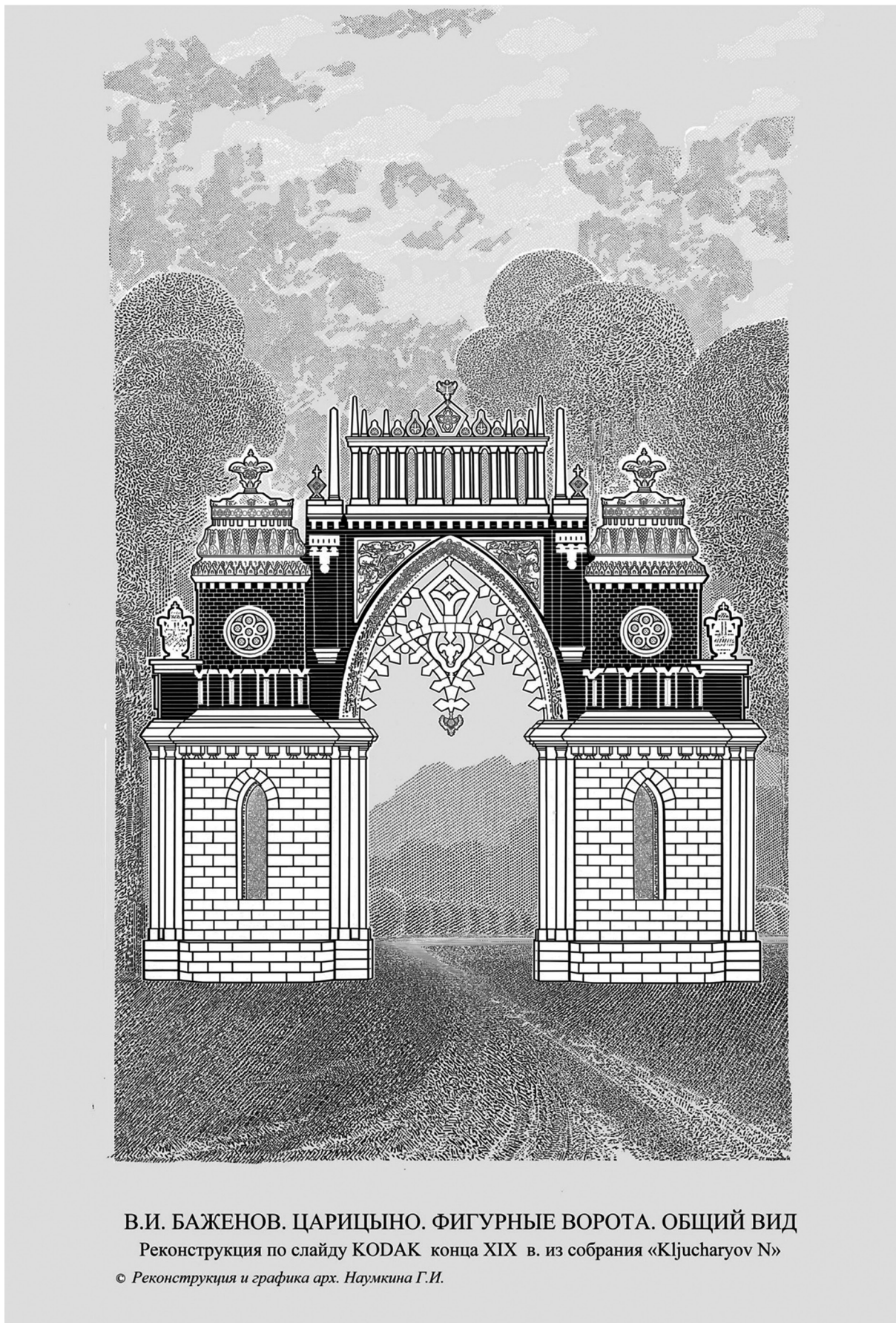


Рисунок 1

На следующем этапе композиционного развития творческого процесса появляются новые составляющие: второй ряд белокаменных элементов игольчатого венца, который завершает верхний уровень башен. Стрельчатая арка содержит новые элементы относительно первого варианта сооружения. Это проявилось на символических знаках ажурных элементов, которые расположены на стержневой тяге по вертикали:

- огненный ромб;
- лилия на яблоке;
- разрез цветка лилии;
- изображение свечей на балюстраде.

На чертеже графические изображения очень лаконичны, весь объем представлен монументально.

Авторские документальные материалы завершающего этапа композиционного формирования Фигурных ворот не обнаружены. На натурном изображении сооружения не сохранены символические знаки. Завершающие элементы башен неизвестны – в начале XX в. сооружение было полуразрушено, а в его верхней части отсутствовали завершающие элементы. В начале XXI в. при проведении методологического исследования стала проследиваться тема, где символы стали подтверждением, что мы имеем дело с государственными значениями этого сооружения.

Формирование Фигурных ворот как памятника архитектуры замечательно тем, что этим сооружением зодчий объединяет всю композицию и все объекты ансамбля.

В предшествующие столетия не было ни доказательств этого, ни исторического документа о замысле великого зодчего. Сегодня это сложившееся веками мнение можно опровергнуть и подтвердить обратное – есть такой документ! Творческий замысел зодчий зафиксировал документально на самом сооружении, которым является Памятная доска, закреплённая на боковых фасадах сооружения. Она была обнаружена автором статьи почти через триста лет после возведения этого объекта: ранее считали, что этот элемент бокового фасада является составной частью сооружения.

В Царицынском ансамбле Памятная доска представляет собой настенную известняковую пластину. Она не замонтирована в сооружение, а приставлена к стене и крепится металлической скобой. На Фигурных воротах находятся две однотипные доски, они располагаются над поясом среднего карниза, на специально отведенных столиках. На доске дается изображение картуша. Доски выглядят необычно, так как на них в настоящее время нет ни дат, ни текста, – но ранее они были и представляли собой металлические пластины, потому что являлись составной частью всего сооружения. Однако даже по сохранившимся архитектурным знакам можно найти этому документальное подтверждение. На языке архитектурной пластики передается «исторический каменный текст» – Царский и Имперский периоды России. Они документально были засвидетельствованы в композиции белокаменного ожерелья.

Тематическое развитие композиции сооружения представлено в белокаменном ожерелье стрельчатой арки Фигурных ворот, которая украшена символическими элементами с царской символикой – это белая лилия. Завершается вся белокаменная композиция подвеской с изображением двуглавого орла. Подобный атрибут является одним из главных элементов, относящихся в теме исторического развития России – это также выявлено в XXI в. автором статьи.

Рассматривать сооружение по этапам развития было достаточно сложно, и поиск продолжался достаточно долго. Во-первых, видоизменялись элементы башен, они стали округлыми в плане, поменялись элементы сооружения, такие как боковые известняковые доски, расположенные по бокам стрельчатой арки, утеряны элементы изображения подвески.

По остаткам разрушенных башен при их рассмотрении были смоделированы общие черты их завершения. Это стало открытием нового элемента – колокола, что и позволило представить сооружение в законченном виде.

Выдающийся уровень творчества Василия Ивановича Баженова не стыкуется с существующими выводами публикаций, которые изложены в существующих материалах массового тиражирования официальной науки.

Библиографический список

1. *Наумкин Г.И.* Монументальный памятник Российского государства // Градостроительство. 2012. № 1.
2. *Наумкин Г.И.* Материалы исследования – архитектурные факты // Вести. 2008. № 4.
3. Каталог. Готика Просвещения. Фигурные ворота в усадьбе Царицыно. М., 2017.

Г.И. Наумкин

кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры

Государственный университет по землеустройству, г. Москва

E-mail: g.i.naumkin@gmail.com

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОКЗАЛЬНЫХ ЧАСОВ В ГОРОДАХ СИМФЕРОПОЛЬ И СОЧИ

Г.И. Быкова, О.В. Косточкина, Е.И. Иванова

Аннотация. В статье рассматриваются общие архитектурные особенности двух зданий вокзалов в Симферополе и Сочи. Башенные часы этих объектов имеют общий принцип оформления циферблатов с использованием нетрадиционного расположения знаков зодиака. В чем смысл оформления этих элементов остается непонятным, авторы проводят факторный анализ для прояснения ситуации.

Ключевые слова: башенные часы на вокзале, знаки зодиака, архитектурные символы.

ARCHITECTURAL FEATURES OF STATION CLOCKS IN THE CITIES OF SIMFEROPOL AND SOCHI

G.I. Bykova, O.V. Kostochkina, E.I. Ivanova

Abstract. The article discusses the general architectural features of the two station buildings in Simferopol and Sochi. The tower clocks of these objects have the similar principle of decorating the dials using an unconventional arrangement of the signs of the Zodiac. The meaning of the design of these elements remains unclear; the authors conduct a factor analysis to clarify the situation.

Keywords: tower clock at the station, zodiac signs, architectural symbols.

Во время Великой Отечественной войны был полностью разрушен железнодорожный вокзал в Симферополе. В послевоенное время в 1946 г. возникла необходимость на его месте возвести новый объект. Строительство осуществлялось под руководством Алексея Душкина. Помимо советских рабочих здесь применялся труд военнопленных. В 1951 г. замечательное здание вокзала из инкерманского камня было сдано в эксплуатацию.

Одна из главных достопримечательностей железнодорожного вокзала в Симферополе – огромные часы диаметром около трех метров, расположенные на вокзальной башне высотой 42 метра со знаками зодиака на циферблате (*рисунок 1*).

На циферблате часов расположены, помимо традиционных знаков зодиака, еще и другие созвездия, в частности, символ созвездия Змееносец (тринадцатый знак зодиака), а также созвездия Лебедя и Гончих Псов. Кроме того, нарушена традиция, и за Овном вместо Тельца (символа Украины) следует Лев, а Тельца здесь вообще нет. За Львом идет как обычно, Дева, Весов вообще нет, а сразу за Девой расположен Скорпион – символ Крыма. Обычный порядок расположения знаков зодиака соблюден до Водолея. Далее расположены те самые Лебедь и Гончие Псы. Затем идут Рыбы, а завершается зодиакальный круг Раком. То есть почему-то отсутствуют Весы, Телец и Водолей, но добавлены созвездия Змееносца, Гончих Псов и Лебедя, которые не являются зодиакальными [6].

Возможно, это не зодиак, а совсем другая система, похожая на него. Единственное известное упоминание в аналогичном контексте созвездий Лебедя, Гончих Псов и Змееносца существуют при описании символов Незримой коллегии ученых, целью которых было эф-



Рисунок 1. Часы на здании вокзала в Симферополе

фективное влияние на политику. Это закрытое общество интеллектуалов, образовавшееся в первой половине XVII в. в Лондоне, предполагающее делать монархов просвещенными и добродетельными. Розенкрейцерство оказывало особое философское влияние и среди масонских знаков имеются аллегории: Гончих Псов как обращение невежества в бегство; Лебедя как опыта соприкосновения со светом истинного знания; Змея как исцеления от заблуждений.

Похоже, что на вокзальных часах Симферополя изображен не традиционный для астрологии зодиак, а другая мистическая система.

Алексей Душкин был главным архитектором Метростроя. В 40–50 гг. XX в. под его руководством были построены вокзалы в Симферополе, Сочи, Днепропетровске, а также ряд подземных станций метрополитена.

Спроектированная под его руководством станция метро Кропоткинская была организована как аналог древнеегипетского храма Амона в Карнаке, что привело к написанию доноса на архитектора. Спасло зодчего высказывание, что у древних дворцы были для фараонов, а у нас они служат народу.

Интересно, что в СССР тоже существовали мистические тайные общества, членами которых были весьма известные личности, такие как режиссер Сергей Эйзенштейн, поэты Анастасия Цветаева и Валерий Брюсов.

Знаменитый архитектор Алексей Душкин – автор ансамбля вокзала в Симферополе – был весьма достойным зодчим, автором ряда станций московского метро, лауреатом сСталинских премий и архитектором, формирующим пространственное развитие советских городов. Уже доказанным фактом является, что психологическое состояние человека зависит от окружающей его архитектуры, которая в определенной степени формирует потребности человека и его мироощущение [3]. Известно, что он дружил с Александром Барченко – известным кремлевским оккультистом, организовавшим ряд экспедиций к истокам древних цивилизаций и возглавлявшим эзотерическое общество. Барченко одновременно был чекистом и масоном,



Рисунок 2. Часы на здании вокзала в Сочи

и в 1938 г. был расстрелян. Зодчий мог использовать в своих творениях некоторые идеи созвучные знаниям своего друга.

Работа по возведению симферопольского и после него сочинского вокзалов стала для мастера роковой. После торжественного открытия здания вышло специальное постановление Совмина СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Первой его жертвой стал сам Душкин, которого обвинили в расточительстве, посадили в тюрьму и забрали все строительные документы и чертежи.

Через год после возведения башни с часами в Симферополе под руководством А. Душкина был возведен очень похожий вокзал в Сочи с вокзальными часами, изображающими неправильный зодиакальный круг со следующими изображениями: Козерог, Близнецы, Гончие Псы, Лебедь, Змей, Рыбы, Рак, Овен, Лев, Водолей, Весы, Стрелец. Автор объекта не оставил комментариев по поводу того, почему знаки расположены не по порядку и среди них имеются три совершенно нестандартных символа.

Интересным является сравнение этих двух объектов. На Симферопольских часах показан белый циферблат с полной красной Луной. На Сочинских – черный циферблат с белым Солнцем в центре. Изображения дневного и ночного светил – древняя мистическая традиция, обозначающая двойственность в мире. На часах в Симферополе показано светлое Солнце, расположенное в темноте, а Луна на свету. Это день и ночь в нашей жизни. Светлое начало – день, а ночь – закат и окончание. Циферблат Симферополя раскрашен красным цветом, в то время как в Сочи – черным [1].

Стрелки часов в Сочи похожи на форму гарды – церемониального меча с полумесяцем на конце, рога которого могут направляться то вверх, то вниз. На стрелках имеется пять отверстий. По описанию источников XVII–XIX вв. в отверстия на ритуальном мече вставлялись драгоценные камни с выгравированными на них ритуальными эмблемами. Это аналог магического жезла. Меч и жезл для церемониальных ритуалов упоминаются в работах мистиков. На Симферопольских часах полумесяцы на концах стрелок направлены в противоположных направлениях – на минутной рожки повернуты вверх, а на часовой – вниз. Здесь стрелки более простые по стилистике, чем в Сочи.

Крымский вокзал обращен на восходящее Солнце 21 декабря – начало астрологического года, когда самая длинная ночь, а впереди светлая половина года. Сочинский вокзал обращен своим фасадом на северо-запад – на закат. В настоящее время на Спасской башне Московского кремля функционируют часы, привезенные Петром Первым из Голландии,

установленные братьями Бутеноп – обрусевшими датчанами. Но на стенах этой башни за циферблатом, обращенным на Красную Площадь, сохранились старые часы. На них четко прослеживаются железные пластинки с созвездиями знаков зодиака. По кругу расположены созвездия зодиакального кольца эклиптической плоскости, по которой передвигается солнце. Они находятся на местах привычных для нас цифр, при том, что движется сам циферблат, часам около четырех сотен лет. Достоверно известно, что они устанавливались и налаживались монахом Лазарем Сербиным (в то время церковь положительно относилась к изучению законов космоса).

Астрология и архитектура – это, казалось бы, две разные области культуры, не связанные между собой. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти две области имеют много общего. Интересен факт того, что солнце, как символ жизни, имеет связь с личностью человека в гороскопе (символизируя индивидуальность), а в архитектуре отвечая за освещенность и создания комфортного пространства для жизни [2].

Существует суждение, что древние ведические астрологи – жрецы русов - использовали зодиакальный круг из 13 созвездий. Тринадцатый знак зодиака Змееносец – через него можно было прогнозировать и корректировать зло на земле. Этот знак имел особое значение. Считалось, что через него осуществляется посмертный выход души из Колеса Сансары – круга бесконечных перевоплощений, символом которого является змея, кусающая свой хвост. Духовно созревшая личность может перестать перевоплощаться в материальном мире и направится в высшие сферы. Справиться с этими энергиями может лишь сильный духом человек, поэтому жить в Крыму, символом территории которого является зодиакальный знак Скорпиона, может не каждый. Мистически настроенные люди полагают, что над Крымом работает сильный энергетический поток, оберегающий его и открывающий большие возможности этого края.

Интересно, что упоминание Гончих Псов встречается в мифологии легендарного народа догонов, считающих себя потомками инопланетян, прибывших на землю из этого созвездия. В племени из поколения в поколение передаются точные карты созвездия Гончих псов, сделать которые без современной аппаратуры невозможно [5].

Таким образом, уникальный элемент с закодированной информацией, расположенных в центре городов Симферополя и Сочи башен вокзалов, призван быть триггером процессов, которые постепенно преобразовывали бы городской контекст [4]. Между вокзальными часами этих двух городов имеется много общего: на башенных циферблатах изменена традиционная зодиакальная последовательность; добавлены дополнительные знаки при исключении традиционных; в декоративное убранство включены символы светил и ритуальных предметов. К сожалению, ключ к тайне вокзальных часов в Симферополе и Сочи нам не ведом. Известно, что розенкрейцерские практики использовали похожие приемы на основе астрологии. Может это некий гороскоп Крыма и Краснодарского края, где зашифрована особая судьба этих регионов?

Библиографический список

1. Андреев А. Тайны и загадки Крыма // Особая судьба Крыма зашифрована на вокзальных часах. Симферополь, 2004.
2. Булгакова Е.А. Нижний Новгород: XVIII международный конкурс выпускных квалификационных работ // Проект Байкал. 2019. Т. 16. № 62.
3. Булгакова Е.А., Лидин К.Л. Модные тренды vs городская среда // Проект Байкал. 2019. Т. 16. № 60.
4. Булгакова Е.А., Лидин К.Л. Моделирование городской инфраструктуры – этико-эстетические аспекты // Проект Байкал. 2021. Т.18. № 70.

5. Куланов В. Аз бука изтины Русь. М., 2021.
6. Тайны двух циферблатов // Загадки и тайны. 2022. № 13 (229).

Г.И. Быкова

кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры
Государственный университет по землеустройству, г. Москва;
Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт
E-mail: velenetcgalina@mail.ru

О.В. Косточкина

кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры
Государственный университет по землеустройству, г. Москва

Е.И. Иванова

кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры
Государственный университет по землеустройству, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ КУРСОВОГО ПРОЕКТА ПО МЕТАЛЛИЧЕСКИМ КОНСТРУКЦИЯМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н.Н. Демидов, О.Н. Ракитова, В.Г. Меликова

Аннотация. В статье оценивается опыт проведения консультаций курсового проекта по курсу металлических конструкций с использованием современных компьютерных технологий. Обсуждаются проблемы, встречающиеся в процессе консультирования курсового проекта, который занимает центральное место в процессе обучения инженеров. Подробно разъясняются несколько важных ключевых моментов методики, которая сложилась у авторов в течение многих лет консультаций. В процессе проведения консультаций подразумевается регулярный очный контакт между преподавателем и студентом.

Ключевые слова: курсовой проект, компьютерные технологии, метод конечных элементов, графическая часть, сочетания нагрузок, подбор сечений.

FEATURES OF THE COURSE PROJECT ON METAL STRUCTURES USING MODERN COMPUTER TECHNOLOGIES

N.N. Demidov, O.N. Rakitova, V.G. Melikova

Abstract. The article evaluates the experience of conducting course project consultations on the course of metal structures using modern computer technologies. It discusses the problems encountered in the process of consulting a course project, which is central in the process of training engineers. Several important key points of the methodology that the authors have developed over many years of consultations are explained in detail. In the process of consultations, regular face-to-face contact between the teacher and the student is implied.

Keywords: course project, computer technology, finite element method, graphic part, load combinations, section selection.

Курсовой проект по металлическим конструкциям, предусмотренный в учебном плане, выполняется студентами ПГС (промышленного и гражданского строительства) всех форм обучения уже более 50 лет. Он содержит пояснительную записку с расчетами и чертеж формата А1. Значение и роль этого проекта для воспитания инженера-строителя трудно переоценить, поэтому его объем и содержание за эти годы хорошо продуман и остается без принципиальных изменений уже много лет.

Ключевую роль в становлении этого проекта в практику инженерной подготовки сыграли выдающиеся ученые МИСИ: профессора Н.С. Стрелецкий, Е.И. Беленя, А.И. Кикин, Е.Н. Лессиг, К.К. Муханов, Г.С. Ведеников, доценты Б.Н. Кошутин, А.А. Васильев и многие другие. Каждый учебник по металлическим конструкциям, выходящий в свет, содержит вопросы проектирования одноэтажного промздания с крановыми нагрузками. За эти годы произошло много переизданий учебника с его существенным обновлением, а также выпущено множество методичек по выполнению этого курсового проекта [1–4; 7].

Учебное пособие [5] ценно тем фактом, что оно содержит результаты расчетов в виде аналитических формул, полученных на основе классических методов расчета. Руководство

по проектированию [6] много лет было настольной книгой инженеров при реальном проектировании одноэтажных промзданий. Оно содержит все необходимые данные справочного характера для выполнения проекта.

Современные компьютерные технологии и основанные на них расчетные комплексы вносят существенный вклад в упрощение статического расчета стальной рамы, который раньше производился с помощью вспомогательных таблиц, широко представленных в [4; 5; 6].

В данной статье обращается внимание на принципиально новые особенности, которые вносятся при практическом выполнении расчетов с использованием компьютерных технологий.

Любая современная расчетная программа основывается на применении метода конечных элементов в матричной формулировке [1]. Количество публикаций, посвященных развитию и обоснованию метода конечных элементов, превышает несколько сотен наименований. Метод конечных элементов обусловил разработку новых подходов для решения задач статики и динамики, устойчивости, физической и геометрической нелинейности. Применение метода конечных элементов приводит к необходимости использования в процессе расчетов всех размеров и нагрузок в абсолютных величинах.

В частности, при проведении расчетов необходимо задаться эксцентриситетами от продольных сил в месте уступа колонны в абсолютных величинах (рисунк 1, таблица 1).

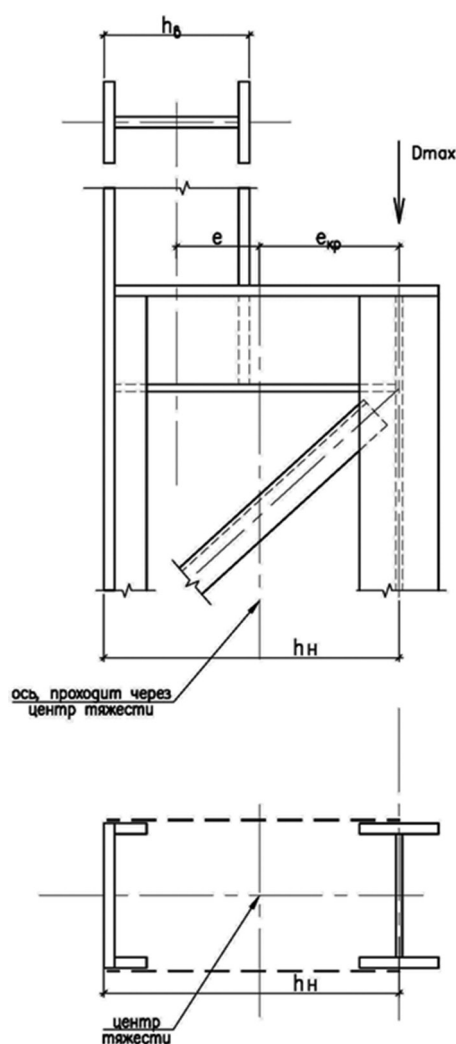


Рисунок 1. Узел сопряжения верхней и нижней частей колонны
с показом эксцентриситетов

Таблица 1

Грузоподъемность крана	Эксцентриситет наружный	Эксцентриситет крановый	Ширина верхней части колонны	Ширина нижней части колонны
$Q_{кр}$	e	$e_{кр}$	h_v	h_n
Грузоподъемность крана в тоннах	мм	мм	мм	мм
≤ 50	250	500	500	1250
80; 100; 125	275	625	700-1000	1250-1500
≥ 160	350	900	1000	1750-2000

Рекомендуемые в таблице 1 величины эксцентриситетов в качестве первого приближения удачно себя зарекомендовали при проведении практических расчетов.

Основным конструктивным элементом расчета в проекте является плоская стальная рама, с колоннами ступенчатого сечения жестко заземленных в местах сопряжения с железобетонными фундаментами. При расчете плоской рамы возможно применение четырех разных расчетных схем (рисунок 2–5).

Предложенная вариативность расчетных схем очень полезна для представления студентов о широких возможностях компьютерных технологий. Как показал опыт, в первом приближении наиболее удобна схема на рисунке 3. Несмотря на наиболее близкую к реальной схеме, схема на рисунке 5 обладает тем недостатком, что она требует заранее задать сечения всех элементов фермы, ветвей и решетки колонн, которые нам до проведения расчетов неизвестны.

Для расчета в первом приближении удобно рассмотреть схему на рисунке 3. При этом важно перед расчетом задать правильно соотношения изгибных жесткостей колоны и ригеля рамы в виде условного стержня конечной жесткости (таблица 2).

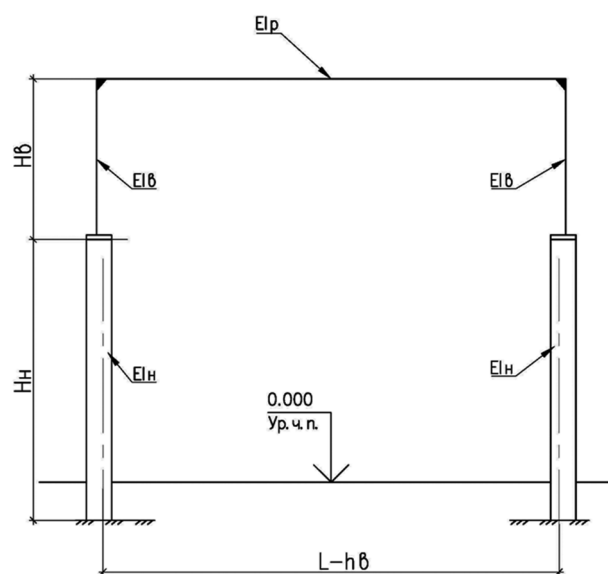


Рисунок 2. Расчетная схема для расчета рамы в первом приближении

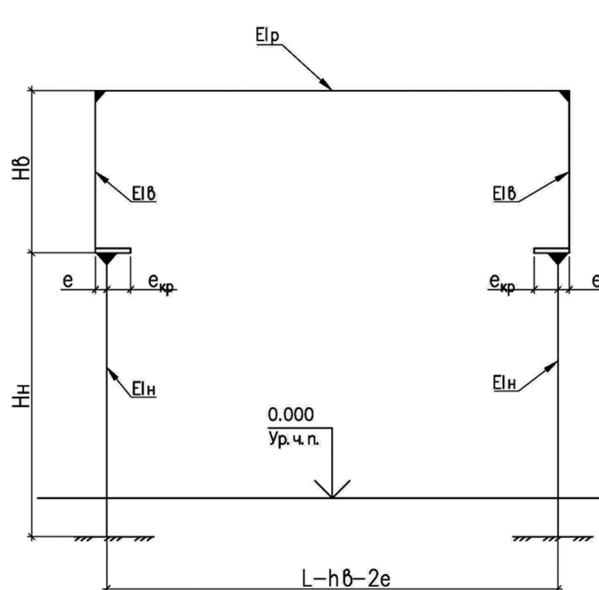


Рисунок 3. Расчетная схема для приближенного расчета рамы (рекомендуемая)

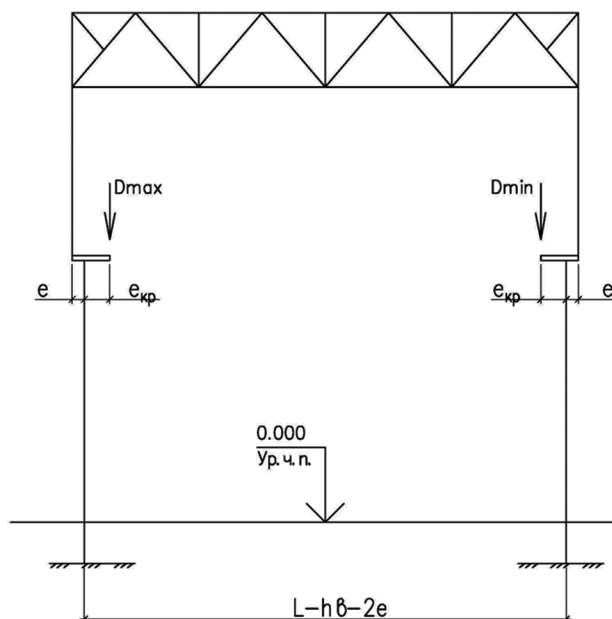


Рисунок 4. Расчетная схема рамы, в которой стропильная ферма формируется более точно, а не в виде стержня с эквивалентной жесткостью, как на рисунках 2–3

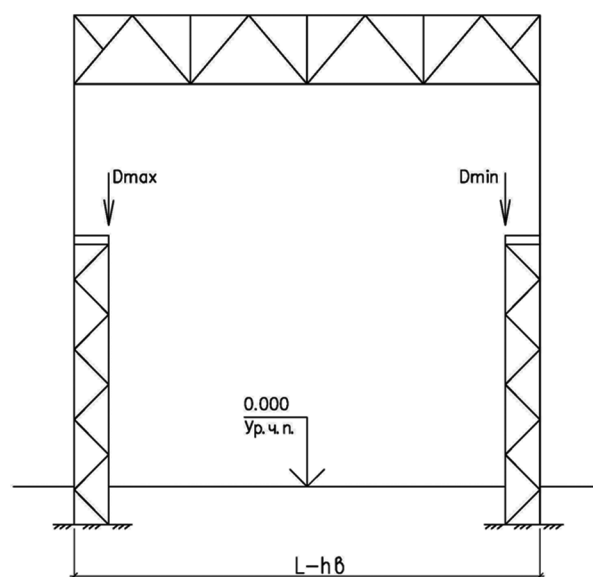


Рисунок 5. Расчетная схема с решетчатым ригелем и решетчатой нижней частью колонны

Таблица 2

Условное поперечное сечение	Часть рассчитываемой конструкции
50Ш1	Верхняя часть колонны
90Ш1	Нижняя часть колонны
2х100Ш1 сечение сварено в коробочку	Ригель рамы

Принятые условные поперечные сечения стержней из прокатных двутавров вполне отвечают рекомендуемым соотношениям, представленным в учебнике [4].

$$EJ_B/EJ_H = 0,08 \div 0,2 \text{ и } EJ_P/EJ_H = 2 \div 4,$$

где E – модуль упругости стали;

J_B – момент инерции верхней части колонны;

J_H – момент инерции нижней части колонны;

J_P – момент инерции ригеля.

Важно, чтобы впоследствии (после подбора сечений), реальные соотношения моментов инерции были бы близки к первоначально принятым.

Таблица сочетаний требует внимательного анализа всех 27 эпюр от различных независимо действующих нагрузок. Применение расчетных программ позволяет легко получить результаты расчета этих эпюр в кратчайшее время. Именно на этом этапе, существенно сокращается количество времени на выполнение курсового проекта.

После создания таблицы сочетаний усилий и нахождением наиболее неблагоприятных, делается подбор сечений всех несущих элементов каркаса.

После этого шага для отдельных хорошо успевающих студентов целесообразно перейти к новой расчетной схеме – схеме на *рисунке 5*. При этом таблица сочетаний должна иметь иной более обширный вид и структуру.

Иными словами, в одном курсовом проекте рекомендуется использовать две различные расчетных схемы.

Смелым и оригинальным шагом был переход от традиционной диаграммы Кремоны к методу моментной точки при определении усилий в стержнях стропильной фермы [7]. У студента появляется возможность применить альтернативный прием расчета, что расширяет его технический кругозор и повышает профессиональную подготовку. Построение диаграммы Кремоны требует вычерчивания в масштабе фермы, и затем перенесение параллельных линий от фермы на диаграмму. Такая технология резко увеличивает время на определение усилий в стержнях и требует графической точности, поэтому переход на аналитические методы расчета существенно снижает трудоемкость без потери точности расчета.

На первом этапе расчета можно пренебречь эффектом пространственной работы каркаса. На втором этапе пространственную работу каркаса можно учесть, перейдя от рассмотрения плоских рам к пространственному каркасу, включая горизонтальные связи по нижним поясам стропильных ферм, расположенных вдоль здания. Именно эти связи и обеспечивают пространственную работу каркаса. При этом в расчетной схеме достаточно использовать 5–6 расчетных рам совместно работающие с продольными связями вдоль нижних поясов ферм. Такое пространственное представление стержневой конструкции возможно исключительно благодаря расчетным комплексам и этим очень удобно воспользоваться.

При этом мостовые краны должны наибольшим усилием, включая тормозные силы, нагружать наиболее опасную – вторую от торца здания раму.

Эффект пространственной работы каркаса сказывается только при расчете рамы на крановые нагрузки и никак не проявляется от других типов нагрузок (собственный вес, снег, ветер любого направления).

Несмотря на реальную возможность подбор сечений осуществить с использованием компьютерных технологий, мы стоим на той точке зрения, что именно подбор сечений вручную позволяет студенту вспомнить и использовать все основные формулы сопротивления материалов и сознательно прочувствовать конструктивную форму.

Таблицу сочетаний тоже можно запрограммировать для автоматического отыскания наиболее неблагоприятных сочетаний. Однако нам кажется, что если студент делает это вручную, то при этом не ускользает, а проясняется физический смысл выполняемых расчетов. Это очень важно для понимания смысла сочетания независимо действующих нагрузок. Именно здесь, в курсовом проекте, студент впервые встречается с понятием аварийных нагрузок и сейсмических воздействий, не говоря уже о применении принципа независимости действия сил и границ его использования. Именно здесь он встречается с практическим применением коэффициента сочетания нагрузок, который обоснован теорией вероятности. Такая глубокая связь со специальными вопросами высшей математики требует определенной математической культуры и широты мышления.

Только в таком контексте становятся понятны современные требования экспертизы на необходимость расчета несущих конструкций против прогрессирующего обрушения.

Все такого рода важные, хотя и смежные вопросы, требуют подробного разъяснения даже на лекциях.

Для повышения культуры расчетов студент обязан хорошо разбираться в системах физических единиц. Мы не рекомендуем использовать такие единицы расчета как Па, МПа, кПа и подобные, а разумно заменять их дробными единицами. Только дробные единицы позволяют производить сокращения размерностей в применяемых математических формулах, без каких либо трудностей. Приходится обращать на эту проблему повышенное внимание,

вплоть до демонстрации конкретных примеров расчета, поскольку основная масса студентов не владеет этими навыками.

Графическая часть проекта вынуждает студента освоить выполнение чертежей в той или иной графической программе. Образец чертежа выполнен в стадии КМ (конструкции металлические). В конце XX в. студенты ПГС МИСИ выполняли и второй чертеж – чертеж стропильной фермы в стадии КМД (конструкции металлические детализовочные). Таким образом, раньше выпускники приобретали более глубокие знания по изготовлению металлических конструкций, чем сейчас. Стадия КМД тесно зависит от конкретного заводского оборудования и имеет свою специфику. Поэтому даже цепочка проставления размеров в строительных чертежах, отличается от простановки тех же размеров в машиностроении. Для многих студентов просматривается отношение к графической части проекта явно несерьезное и в процессе консультаций приходится кардинально менять их точку зрения на чертеж и его роль в комплекте документов.

Расчет и конструирование узлов требует обязательного эскизирования узла в пояснительной записке и соответствующего расчета сварных швов или болтов. При этом естественным требованием является полное совпадение конструктивной формы узла в эскизе и на чертеже. Более того, вначале должен выполняться эскиз конструктивного решения узла, а его расчет носит вторичный вспомогательный характер.

Полезно обратить внимание студента на конструктивное решение монтажных узлов стропильной фермы, у которой левая часть и правая симметричны и поэтому левая и правая полуфермы – взаимно заменяемы. Такое конструктивное решение монтажного узла стропильной фермы уменьшает количество марок и отправочных элементов [8].

Специфика курсового проекта требует выдачи индивидуальных заданий для каждого студента, что всегда соблюдается. Варьируемыми параметрами при этом являются: пролет цеха, меняющийся от 24 до 36 м, грузоподъемность и режим работы крана, город, определяющий атмосферные нагрузки, длина здания, ограниченная длиной одного температурного отсека, и отметкой головки рельса. При этом рассматривается часто применяемый на практике, процесс одновременной работы двух максимально сближенных кранов.

Если обучающийся выполняет курсовой проект в его полном объеме и с полным пониманием, то это является залогом того, что он легко справится с любой темой будущего дипломного проекта. К выполнению графической части дипломного проекта студент, воспринявший указания преподавателя, также бывает достаточно хорошо подготовлен.

Все эти важные и непростые вопросы, затронутые в статье, могут быть полноценно рассмотрены и обсуждены только при личном контакте преподавателя и студента.

Совершенно особая ситуация возникает, если к выполнению курсового проекта приступает студент творчески ориентированный и хорошо усвоивший курс сопротивления материалов строительной механики. В этом случае имеет смысл предложить ему специальное задание повышенной сложности, например каркас здания с двумя ярусами кранов или двух пролетный цех. При этом студент понимает, что его как личность преподаватель заметил и это часто приводит к еще большему желанию справиться с проектом на высшем уровне, оправдав доверие. К сожалению, таких студентов встречается не более 2–3% от потока (4 группы), и не каждый учебный год.

Содержание и форма обсуждаемого курсового проекта представляет собой ценное историческое наследие. Проект должен быть не только сохранен в полном объеме, но и обогащен современными возможностями компьютерных программ. Кафедра строительства и городского хозяйства МИТУ – МАСИ бережно хранит и развивает лучшие методические подходы к выполнению курсового проекта. Это особенно важно для специальности промышленного и гражданского строительства.

Библиографический список

1. *Городецкий А.С., Барабаи М.С., Сидоров В.Н.* Компьютерное моделирование в задачах строительной механики. М., 2016.
2. *Клепиков Л.В., Уваров Б.Ю.* Примеры расчета узлов. М., 1988.
3. *Клепиков Л.В.* Методические указания к выполнению курсового проекта «Стальной каркас одноэтажного производственного здания» М., 1982.
4. *Металлические конструкции* / под ред. Ю.И. Кудишина, 2007.
5. *Примак Н.С.* Расчет рамных конструкций одноэтажных промышленных зданий. Киев, 1972.
6. *Руководство по проектированию. Стальные конструкции одноэтажных промышленных зданий.* М., 1952.
7. *Уваров Б.Ю., Окулов П.Д., Клепиков Л.В.* Стальной каркас одноэтажного производственного здания. М., 1988.
8. *Шерешевский И.А.* Конструирование промышленных зданий и сооружений. М., 2012.

Н.Н. Демидов

кандидат технических наук, доцент

доцент кафедры строительства и городского хозяйства

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

О.Н. Ракитова

главный специалист ООО «АМЦ – Проект»

E-mail: aeroport2010@rambler.ru

В.Г. Меликова

ведущий специалист-конструктор

АО «МСУ-1»

E-mail: madcheese-h@yandex.ru

ПОНЯТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ГОТОВНОСТИ ДЛЯ АРХИТЕКТУРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ

Е.А. Дьячкова

Аннотация. Целью настоящей работы является исследование различных аспектов понятий «профессиональная подготовка» и «готовность» студентов архитектурных специальностей для дальнейшей профессиональной деятельности (в том числе – изучение в историческом контексте, а также приведение научно-педагогического обоснования). Проблема профессиональной подготовки студентов архитектурных специальностей к профессиональной деятельности стала актуальной в связи с быстрым развитием технологий и новыми потребностями в области архитектуры. В основной части статьи рассматриваются определения «профессиональная подготовка» и «готовность» в историческом контексте, что позволяет более полно понять сущность проблемы профессиональной подготовки студентов архитектурных специальностей. Раскрываются понятия «профессиональная подготовка» и «готовность», предложенные различными исследователями. Также рассмотрены понятия «профессиональная подготовка» и «готовность» для архитектурных специальностей вузов. Отмечаются несколько базовых типов профессиональной подготовки для студентов-архитекторов.

Ключевые слова: подготовка, готовность, профессиональная деятельность, профессиональная подготовка, профессионально-творческая подготовка, профессиональная подготовка студентов, подготовка архитекторов, архитектурное образование, трудовая деятельность.

THE CONCEPTS OF PROFESSIONAL TRAINING AND READINESS FOR ARCHITECTURAL SPECIALTIES OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

E.A. Dyachkova

Abstract. The purpose of this work is to study various aspects (including the historical context aspect, as well as scientific and pedagogical justification) of the concept of «professional training» and «readiness» of students of architectural specialties for further professional activities. The problem of vocational training of students of architectural specialties for professional activities has become relevant due to the rapid development of technology and new needs in the field of architecture. The main part of the article discusses the definitions of «professional training» and «readiness» in a historical context, which allows a more complete understanding of the essence of the problem of professional training of students of architectural specialties. The concepts of «professional training» and «readiness» proposed by various researchers are highlighted. The concepts of «professional training» and «readiness» for the architectural specialties of universities are also considered. Several basic types of professional training for architecture students are noted.

Keywords: training, readiness, professional activity, professional training, professional and creative training, professional training of students, training of architects, architectural education, labor activity.

Анализ проблемы подготовки к профессиональной деятельности студентов архитектурных специальностей вуза позволил сделать вывод о том, что сущность подготовки невозможно понять без учета ключевых аспектов, которые определяют современное состояние исследуемого вопроса. Эти аспекты имеют комплексный характер, и необходимо рассмотреть их в историческом контексте. К ключевым аспектам можно отнести становление и развитие профессионально-творческой подготовки, состояние проблемы формирования подготовленности студентов архитектурных специальностей к профессиональной деятельности.

Рассмотрение указанных аспектов в историческом контексте позволяет более полно понять сущность проблемы профессиональной подготовки студентов архитектурных специальностей. Так, становление и развитие профессионально-творческой подготовки связано с историей развития архитектуры как науки и искусства. Изначально архитектура была связана с ремеслом, а затем превратилась в самостоятельную науку. Вместе с этим возникла необходимость профессиональной подготовки архитекторов, которая сначала осуществлялась в мастерских, а затем в учебных заведениях.

Состояние проблемы формирования подготовленности студентов архитектурных специальностей к профессиональной деятельности стало актуальным в связи с быстрым развитием технологий и новыми вызовами в области архитектуры. Современный архитектор должен обладать широким спектром знаний и навыков.

Таким образом, рассмотрение указанных аспектов в историческом контексте позволяет понять, что подготовка студентов архитектурных специальностей к профессиональной деятельности всегда оставалась актуальной проблемой, постоянно изменяясь и совершенствуясь в соответствии с вызовами времени.

Подготовка архитекторов включает в себя не только обучение теоретическим знаниям, но и практические навыки, опыт работы с реальными проектами, коммуникационные навыки для работы в коллективе. Следует отметить, что профессиональная подготовка архитекторов является динамичным процессом, требующим постоянного обновления и расширения знаний и навыков в соответствии с техническими, экономическими и социальными изменениями в обществе.

Исследование основывается на системных принципах, учитывающих логическую и историческую связь, а также теоретические и эмпирические аспекты при комплексном изучении развития образовательных процессов. Для обоснования достоверности результатов и выводов использовались теоретические методы, включающие анализ научно-педагогической литературы и сопоставление полученных выводов и интерпретаций с работами других исследователей, которые занимаются методикой формирования образовательных процессов в развитии.

А.В. Киселева выделяет три этапа в эволюции проблемы формирования профессиональной подготовки студентов архитектурных специальностей к профессионально-творческой деятельности. Первый этап – это период с конца XIX в. до начала 60-х гг. XX в. Второй этап – это период с начала 60-х гг. XX в. до начала XXI в. Третий этап – это период с начала XXI в. и до настоящего времени [10].

Рассмотрим более подробно каждый из них. Понятие «профессиональная подготовка» в историческом контексте во многих исследованиях приравнивается к понятию «профессиональная деятельность».

Первый этап (конец XIX в. – начало 60-х гг. XX в.) связан с переходом мировых экономик к индустриализации в конце XIX в. В контексте проблемы формирования готовности студентов архитектурных специальностей к профессионально-творческой подготовке, этот период можно рассматривать как начало формирования системы профессионального образования, предназначенной для подготовки кадров для промышленности. Данное событие стало стимулировать процессы быстрого роста машиностроения, а также потребность в новых профессиях.

О.Г. Носкова и Е.А. Климов отмечают, что в конце XIX в. в России существовали два основных направления для решения проблемы профессиональной подготовки: создание школ для обучения профессиям в соответствии с традициями семьи или по расчету, а также организация «Городских посреднических бюро», где помогали в трудоустройстве и направляли в учебные заведения [11].

В начале XX в. были сформулированы основные идеи понятия «профессиональная подготовка». В начале 60-х гг. XX в. ряд ученых, включая В.П. Зайченко, Е.А. Климова, К.К. Платонова, В.Д. Шадрикова и др., занимались общетеоретическими вопросами профессиональной подготовки. «Профессиональная деятельность» становится объектом научно-теоретических исследований.

В этот период профессиональную подготовку рассматривают с позиции деятельности человека по специальности в какой-то конкретной области производства, создания и приобретения материальных или духовных благ, средств обеспечения жизнедеятельности человека в процессе функционирования общества. В концепции научной организации труда большое внимание уделяется вопросам, связанным с изучением личности. Целью исследований было создание систем, способов формирования мотивов и методов принятия решений в профессиональной деятельности.

В следующие десятилетия новые промышленные технологии развивались и распространялись, что привело к увеличению конкуренции на рынке труда. Это заставило ученых пересмотреть понятие «профессиональная подготовка» и искать новый тип рабочего человека. В связи с этим многие страны внесли изменения в образовательный процесс и процессы профессиональной подготовки. Сегодня понимание профессионального процесса направлено на сотрудничество и координацию действий, гибкость и адаптацию к быстро меняющимся условиям и содержанию работы. Основная цель этой деятельности заключается в овладении профессией или получении более высокой профессиональной квалификации для становления конкурентоспособной личности в будущем.

Профессиональная деятельность в научной литературе определяется как «сложный многопризнаковый объект, представляющий собой систему взаимосвязанных действий, интегрирующим компонентом которой является субъект труда, обеспечивающий свою жизнедеятельность и демонстрирующий способность адаптироваться к изменяющимся условиям» [25, с. 60].

Различные методологические подходы к изучению профессиональной деятельности привели к созданию множества определений понятия «профессиональная подготовка».

Например, А.М. Кривошеев определяет профессиональную подготовку как «деятельность специалистов, направленную на реализацию своих творческих способностей на практике» [14].

Э. Гидденс рассматривает «профессиональную подготовку» как «наемную работу», которая «выполняется в обмен на жалование или вознаграждение, при этом собственно профессиональная деятельность есть решение задач, связанных с затратой умственных и физических усилий, удовлетворяющих человеческие потребности» [4, с. 451–452].

Т.Л. Маркова предлагает определять «профессиональную подготовку» как «специализированную и институционализированную работу, выполняемую человеком на основе специальных способностей (образование, знания, творчество) для поддержания своего существования» [18].

Таким образом, не существует единого мнения в определении понятия «профессиональная подготовка». При этом большинство ученых считают, что оно имеет важное значение в жизни человека.

Второй этап развития понятия «профессиональная подготовка» начался в начале 60-х гг. XX в. и продолжался до начала XXI в.

Термин «готовность» был введен психологом Д.Н. Узнадзе, который определил его как существенный признак установки. Позже это понимание было развито в работах таких ученых, как Б.Г. Ананьев, А.А. Деркач, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, А.Г. Ковалев, В.А. Крутецкий, Л.С. Нерсисян, Б.Д. Парыгин, К.К. Платонов, А.Ц. Пуни, С.Л. Рубинштейн, А.Б. Хавин, О.И. Шишкина и других исследователей.

А.А. Деркач и В.А. Крутецкий обосновали, что «структура и содержание готовности к профессиональной деятельности зависят от требований самой деятельности к психологическим процессам, опыту, состояниям и свойствам личности» [6]. Они выделили «эмоционально-волевою устойчивостью, стремление к максимальному использованию знаний, умений и навыков как основные характеристики готовности» [15].

М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович описывают готовность с точки зрения профессиональной подготовки, которая включает в себя несколько компонентов: «ориентационный (знания об особенностях деятельности), мотивационный (положительное отношение к деятельности), волевой (умение управлять своими действиями), операционный (владение навыками и методами профессиональной деятельности) и ценностный (оценка уровня готовности)» [8].

Е.П. Ильин предлагает рассматривать профессиональную подготовленность с функциональной точки зрения. В этом подходе «профессиональная подготовка» рассматривается «как уровень работоспособности при активации всех психических функций перед началом деятельности» [9].

В начале 90-х гг. XX в. Н.В. Кузьмина первой обратилась к проблеме готовности к профессиональной деятельности с позиции педагогической науки. Она предложила структурировать профессиональное мастерство, выделив компоненты деятельности: гностический, конструктивный, организаторский коммуникативный, и проектировочный. На основе этой структуры Н.В. Кузьмина предложила «рассмотреть способы и соответствующие им умения для успешного выполнения конкретной деятельности» [17].

Р.Д. Санжаева рекомендовала рассматривать готовность к профессиональной подготовке «как устойчивую характеристику личности, которая проявляется в стремлении преодолевать препятствия» [23].

В свою очередь, Ю.А. Грачев определяет готовность к профессиональной деятельности как достижение профессиональных целей, основанных на знаниях, умениях и навыках, полученных в процессе обучения [5].

Е.А. Кокшенева считает, что «готовность к профессиональной деятельности должна включать следующие компоненты: мотивационный – профессиональные установки; нравственно-ориентированный – профессионально-ценностные установки; познавательно-операционный – профессиональная направленность; эмоционально-волевой – волевые процессы, необходимые для успешной деятельности; психофизиологический – способности, обеспечивающие повышенную работоспособность; ценностный – самооценка профессиональной подготовки» [13].

На втором этапе формирования понятия «профессиональная подготовка» анализируется готовность к работе с точки зрения личностных качеств и субъективного состояния человека, который считает себя подготовленным или способным к профессиональной деятельности. Структура и содержание готовности определяются необходимыми требованиями профессиональной деятельности, которые включают психологические процессы, опыт, состояния и личностные качества человека.

С начала XXI в. и до настоящего времени идет третий этап развития понятия «профессиональная подготовка», связанный с присоединением РФ к Болонскому процессу и изменением требований рынка труда. Теперь работодатели ориентируются не на конкретные знания, а на компетенции и умения работников. Система образования, в которой используются федеральные государственные образовательные стандарты, была преобразована на основе компетентного подхода. Образование и конкурентоспособный человеческий капитал – важнейшие ресурсы развития страны. Именно поэтому возникла актуальная задача формирования профессиональной подготовки студентов.

В этот период ученые и педагоги (К.М. Дурай-Новакова, Е.А. Кокшенева, И.Г. Кондаурова, Е.Л. Кузьменко, Г.А. Ларионова, В.Н. Макарова и др.) впервые обратились к исследованию и разработке профессиональной подготовки именно в образовании архитекторов.

К.М. Дурай-Новакова рассматривает процесс формирования готовности студентов к профессиональной деятельности «как процесс формирования личности, способной принимать независимые решения, основанные на накопленных знаниях, умениях и опыте» [7].

Е.А. Кокшенева считает, что «готовность студентов к профессиональной деятельности – это комплексное явление, которое включает в себя развитие профессиональных качеств специалиста в определенной сфере деятельности, а также осознание им смысла своей профессии и себя в ней» [13].

Взгляд Е.Л. Кузьменко на данный процесс заключается в том, что готовность студентов к профессиональной деятельности «представляет собой интеграцию способностей и состояний личности, направленных на мобилизацию внутренних сил и резервов, а также на развитие эмоциональной устойчивости для осуществления деятельности. Это также связано с интересом и желанием действовать» [20].

Г.А. Ларионова демонстрирует, что «формирование готовности студентов к профессиональной деятельности связано с их интеллектуальным развитием в рамках профессиональной направленности изучения учебных дисциплин» [17].

По мнению Н.В. Макаровой, «готовность студентов к профессиональной деятельности – это процесс поиска нестандартных решений профессиональных задач в различных ситуациях взаимодействия со всеми участниками трудовой деятельности» [18].

В то время система архитектурного образования столкнулась с задачей профессиональной подготовки высококвалифицированных специалистов творческих профессий, которые бы не только в совершенстве владели умениями и навыками своей профессии, но и понимали перспективы развития современного социокультурного пространства для дальнейшей самореализации.

В начале 2000-х гг. возникла необходимость в формировании подготовленности студентов к профессиональной деятельности, что привело к изучению проблемы подготовки студентов-архитекторов к профессиональной деятельности. Исследования, проведенные И.В. Бесединым, Н.М. Качуровской, В.А. Киселевой, Л.А. Односум, И.В. Петровой, С.Ю. Ражевой и О.М. Шенцовой [29], показали, что подготовка к профессиональной деятельности студентов архитектурных специальностей вуза, обладание способностью успешно действовать в динамично меняющихся условиях профессионального рынка дает будущим архитекторам преимущества в творчестве и поиске индивидуального художественного стиля и возможности использовать нестандартные и эффективные способы решения проблем инновационного социума.

Для формирования готовности студентов архитектурных специальностей вузов к профессиональному творчеству необходима специальная организация учебного процесса, которая включает в себя изменения в содержании, направлениях, методологических подходах и образовательных технологиях. Организация учебного процесса должна сфокусироваться на подготовке студентов архитектурного факультета к профессиональной деятельности, а не просто на накоплении знаний. Таким образом, педагогический акцент должен смещаться на развитие навыков и умений, которые необходимы для успешного профессионального творчества.

Третий этап развития понятия «профессиональная подготовка» характеризуется реформами в системе отечественного профессионального и архитектурного образования, а также активным исследованием проблемы формирования готовности студентов к профессиональной деятельности. В науке появились исследования в области формирования готовности студентов-архитекторов к профессиональной деятельности.

Рассмотрим трактовку понятия «профессиональная подготовка» в разных источниках.

В Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 73-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «Об образовании в Российской Федерации» находим следующее определение: «профессиональная подготовка (обучение) – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенции, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности, профессий)» [1].

Большая советская энциклопедия, изданная в 1969–1978 гг., трактует профессиональную подготовку как «совокупность специальных знаний, умений и навыков, позволяющих выполнять работу в определенной области деятельности. В зависимости от квалификации различают четыре основных уровня профессиональной подготовки, требующих соответствующего профессионального образования: высшего, среднего специального, профессионально-технического и элементарного (подготовка работников низшей квалификации на профессиональных курсах, путем бригадно-индивидуального обучения на производстве и др.). Профессиональная подготовка совершенствуется в процессе трудовой деятельности, в системе повышения квалификации, путем самообразования» [28].

Работы Б.Г. Ананьева, А.Г. Ковалева, Б.Д. Парыгина, А.Ц. Пуни, С.Л. Рубинштейн, М.В. Циулиной и др. посвящены профессиональной подготовке. В этих исследованиях были выделены новые подходы к разработке содержания профессиональной подготовки студентов, в том числе к содержанию учебных дисциплин, способствующих формированию готовности студентов к практической деятельности, а также к развитию необходимых качеств в процессе профессиональной подготовки студентов. Были разработаны технологии эффективного формирования профессиональной подготовки студентов и другие подходы.

М.В. Циулина дает следующее определение профессиональной подготовки: «процесс овладения системой специальных знаний, общими и специфическими умениями, навыками для творческого выполнения профессиональной деятельности, а готовность – интегративное профессионально значимое качество будущего специалиста, то есть результат подготовки» [26].

Б.Г. Ананьев определяет понятие «подготовка» как «комплекс способностей и уверенности личности в целесообразности и эффективности выполняемой профессиональной деятельности» [2, с. 21].

А.Г. Ковалев рассматривал подготовку как «качество личности, которое включает в себя осознание личностью индивидуальной и общественной значимости любого вида деятельности, положительное отношение к ней и способность к ее выполнению» [12]. Таким образом, подготовка в данном контексте является не только набором знаний и умений, но и психологической готовностью личности к профессиональной деятельности.

А.Ц. Пуни рассматривал понятие «профессиональная подготовка» как «совокупность состояний личности, которые включают в себя стремление к активному действию, адекватный уровень эмоционального возбуждения, уверенность в собственных силах, стрессоустойчивость, а также способность управлять своими действиями, мыслями и чувствами» [21]. Таким образом, подготовка в данном контексте связана не только с наличием знаний и умений, но и с психологическими и эмоциональными процессами, которые позволяют личности эффективно выполнять профессиональную деятельность.

Позднее Б.Д. Парыгин начал исследовать вопрос психологической подготовки, сосредоточившись на будущих действиях и выделив «профессиональную подготовку» как «структурные компоненты этой подготовки внутреннюю установку личности на участие в будущей деятельности и способность к ее выполнению» [19].

Подготовка может быть рассмотрена с двух точек зрения: психологической (установка) и функциональной (подготовленность). Психологическая концепция основывается на спо-

собностях личности с достаточным уровнем развития, которые определяют ее готовность к участию в определенном процессе. Благодаря этой готовности достигается высокий уровень результативности при выполнении соответствующих действий. Исходя из принципов функциональной психологии, готовность можно определить как результат подготовленности (подготовленность) к определенной работе. Подготовка – это устойчивый, многоаспектный, иерархизированный процесс человека, который может успешно выполнять свои обязанности.

В педагогической литературе и психолого-педагогических исследованиях понятие «профессиональная подготовка» имеет различные трактовки. Л.А. Кандыбович и Д.И. Дьяченко исследуют подготовленность личности в напряженных ситуациях [8], И.В. Беседина «рассматривает проблему подготовленности как развитие творческих способностей учащихся» [3, с. 65], В.А. Сластенин и В.П. Каширин изучают вопросы подготовленности студентов в связи с будущей профессиональной деятельностью [24]. А.А. Деркач представляет сущностные характеристики понятия «профессиональная подготовка, такие как наличие установки на включение в деятельность и преодоление стереотипов; способность максимально включаться в деятельность; способность принимать обоснованные решения и нести ответственность за них» [6].

Согласно А.Г. Ковалеву, понятие «подготовка содержит в себе осознание личностной и общественной важности деятельности, положительное отношение к ней и способность к ее выполнению» [12].

С.Л. Рубинштейн объясняет «профессиональную подготовку» как «специальное состояние, которое проявляется через личность в сочетании с ее установкой. Установка определяет устойчивость и направление деятельности в динамических ситуациях. Личностная установка – это занятая личностью позиция, которая проявляется через мобильность и готовность к действиям, направленным на достижение поставленных целей и задач» [22, с. 36].

П.Ф. Кубрушко определяет профессиональную подготовку выпускников как «совокупность личностных и функциональных характеристик, которые формируются у человека» [16]. Механизм формирования этих характеристик сегодня значительно отличается от механизма, который использовался для формирования качеств у предыдущих поколений. В связи с этим, создание необходимых качеств является интегральным социально-педагогическим процессом в рамках системы непрерывного образования.

Согласно В.А. Крутецкому, для профессиональной подготовки необходимо объединить свойства личности, которые сделают ее подходящей для определенной деятельности. Эти свойства «включают активное и позитивное отношение к деятельности, склонность заниматься ею, определенные характеристики и стабильные умственные свойства, благоприятные психические состояния во время деятельности, определенный набор знаний, умений и навыков в соответствующей области, а также присутствие определенных психологических особенностей в сенсорной и интеллектуальной сферах, соответствующих требованиям данной деятельности» [15].

При изучении научно-педагогической литературы можно выделить несколько аспектов понимания понятий «профессиональная подготовка» и «готовность». Во-первых, это определенное состояние личности, которая готова к выполнению деятельности. Во-вторых, это результат процесса профессиональной подготовки специалиста в высшем учебном заведении. В-третьих, это активное состояние личности во время выполнения деятельности.

Резюмируя, отметим, что понятие «профессиональная подготовка» в научной педагогической литературе рассматривается в следующих аспектах: как определенное состояние личности, подготовленной к деятельности; как результат процесса профессиональной подготовки специалиста в высшем учебном заведении; как активное состояние личности в деятельности.

Как следствие, говоря о подготовке студентов-архитекторов, речь идет о формировании знаний, умений и навыков, связанных со специальностью архитектор, то есть с набором компетенций, дисциплин и практик необходимых для формирования специалиста-архитектора.

О.М. Шенцова [27, с. 36] выделяют несколько базовых типов профессиональной подготовки студентов-архитекторов:

1. Первый тип – это художественная архитектурная подготовка, основанная на проектной деятельности, которая заключается в создании изображения или концептуальной модели объекта с заданными функциональными, эргономическими и эстетическими характеристиками.
2. Второй тип – это теоретическая архитектурная подготовка (или архитектурная теория), которая заключается в возрождении архитектуры с художественной интерпретацией при выполнении композиции, замысла и выражении идеи здания.
3. Третий тип – это прикладная научно-исследовательская архитектурная подготовка, включающая в себя архитектурные исследования, результаты которых могут быть использованы в процессе проектирования.
4. Четвертый тип – это организационно-управленческая архитектурная подготовка, которая предполагает координацию деятельности специалистов и участников процесса проектирования, а также административную проектную деятельность.

Понятия «готовность» и «профессиональная подготовка» – два взаимосвязанных, но разных понятия для архитектурных специальностей.

Готовность в архитектуре означает готовность выполнять профессиональные задачи, такие как проектирование зданий и дизайн интерьеров. Может включать в себя готовность к работе в команде, к использованию современных технологий и программного обеспечения, а также к обучению и совершенствованию своих навыков.

Профессиональная подготовка в архитектуре означает процесс к выполнению профессиональных задач. Включает в себя получение теоретических знаний в области архитектуры, овладение навыками проектирования и визуализации архитектурных проектов, получение опыта работы в индустрии через стажировки и практики, а также развитие коммуникационных и лидерских навыков.

Таким образом, «готовность» и «профессиональная подготовка» в архитектуре являются взаимосвязанными понятиями. Готовность – это готовность к выполнению профессиональных задач, а подготовка – это процесс, который включает в себя получение знаний и навыков, необходимых для достижения готовности.

Рассмотренные типы «профессиональной подготовки» являются базовыми для любого вида подготовки студентов-архитекторов, но они не могут существовать изолированно друг от друга. Архитектор должен обладать знаниями, умениями и навыками каждого из перечисленных базовых типов.

Таким образом, подготовка студентов архитектурных специальностей в вузах представляет собой педагогический процесс, нацеленный на организацию обучения, в котором творческая деятельность является неотъемлемой частью профессии архитектора. Именно благодаря творческому подходу студенты могут находить индивидуальные, оригинальные и уникальные решения при создании своих проектов. Для успешной реализации профессионального потенциала в архитектуре необходимо обладать базовыми знаниями и навыками в области техники, технологии, искусства, коммуникации и управления проектами. Подготовка архитекторов должна быть многоуровневой, включать в себя как теоретические знания, так и практические навыки, а также обновляться и расширяться в соответствии с изменениями в обществе.

Кроме того, важно развивать у студентов аналитические, творческие и коммуникативные навыки, чтобы они могли эффективно работать в команде и находить инновационные решения для архитектурных задач. Необходимо учитывать изменения в образовательной

системе, связанные с переходом к компетентностному подходу, активной использованием информационных технологий и онлайн-обучением.

Важно также учитывать индивидуальные потребности и интересы студентов, чтобы обеспечить максимальную эффективность обучения и подготовки к профессиональной деятельности. В целом, успешная подготовка студентов архитектурных специальностей к профессиональной деятельности требует комплексного и системного подхода, учета современных требований и тенденций, а также индивидуального подхода к каждому студенту.

Изучив исторические трансформации становления и развития подготовки в образовании архитекторов, была предложена её периодизация. Рассмотрен понятийно-терминологический аппарат исследуемой проблемы, определены такие понятия, как «профессиональная подготовка», «готовность к профессиональной деятельности», «подготовка архитектурных специальностей», выделяемые разными исследователями.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/77308190/> (дата обращения: 23.04.2022).
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб., 2016.
3. *Беседина И.В.* Развитие творческих способностей студентов в процессе архитектурной подготовки в вузе // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2014. № 1 (1).
4. *Гидденс Э.* Социология. М., 1999.
5. *Грачев Ю.А.* Понятие «готовности к деятельности» в системе современного психолого-педагогического знания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4.
6. *Деркач А.А.* Состояние психологической готовности студентов к деятельности во время педагогической практики. Л., 1981.
7. *Дурай-Новакова К.М.* Формирование профессиональной готовности студентов к педагогической деятельности: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1983.
8. *Дьяченко М.И.* Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск, 1986.
9. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психология профессиональной деятельности.. СПб., 2008.
10. *Киселева А.В.* Теоретические аспекты проблемы формирования готовности студентов-архитекторов к профессионально-творческой деятельности в процессе самостоятельной работы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 3–2.
11. *Климов Е.А.* История психологии труда в России: учебное пособие. М., 1992.
12. *Ковалев А.Г.* Психология личности: учебное пособие. М., 1970.
13. *Кокшенина Е.А.* Факторы, влияющие на формирование готовности студентов к будущей профессиональной деятельности // Перспективы инновационного развития угольных регионов России: сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции (Прокопьевск, 13–14 апреля 2022 г.). Прокопьевск, 2022.
14. *Кривошеев А.М.* Профессиональная деятельность и ее социальные детерминанты: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004.
15. *Крутецкий В.А.* Основы педагогической психологии. М., 1992.
16. *Кубрушко П.Ф.* Формирование готовности студентов к профессионально-педагогической деятельности мастера производственного обучения. Теоретико-методологический аспект. М., 2019.
17. *Кузьмина Н.В.* Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М., 1990.
17. *Ларионова Г.А.* Формирование методологических знаний у будущих педагогов профессионального обучения // Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. 2004. № 1 (35).
18. *Макарова Н.В.* Психология и педагогика: учебное пособие для вузов. Апатиты, 2010.
19. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. СПб., 2010.

20. *Подоприхин М.Н.* Формирование готовности к профессионально-творческой деятельности студентов в процессе обучения инженерной графике. Воронеж, 2008.
21. *Пуни А.Ц.* Психологическая подготовка к соревнованию в спорте. М., 1969.
22. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2000.
23. *Санжаева Р.Д.* Готовность и ее психологические механизмы // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 2.
24. *Сластенин В.А. и др.* Педагогика: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М., 2013.
25. *Томилов В.А.* Профессиональная деятельность человека и условия ее оптимизации в современном обществе. Владивосток, 2005.
26. *Циулина М.В.* Профессиональная подготовка педагога: социально-педагогические предпосылки // Теория и практика образования в современном мире: материалы IX Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). СПб., 2016.
27. *Шенцова О.М.* Типы профессиональной архитектурной деятельности и категории архитекторов в зависимости от специфики этой деятельности // Russian Studies in Culture and Society. 2019. Т. 3. № 2.
28. Большая советская энциклопедия. М., 1954. Т. 30.

Е.А. Дьячкова

преподаватель кафедры архитектуры и дизайна

*Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт*

E-mail: iiehka@bk.ru

УДК 821.161.1

doi: 10.52470/2619046X_2023_3_51

СНЫ ГЕРОЕВ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ «ГОРИЗОНТОВ ОЖИДАНИЙ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Е.А. Горбаренко

Аннотация. В статье рассматриваются сны героев романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского как один из художественных вариантов воплощения «горизонтов ожиданий». В центре внимания – сны Раскольникова и Свидригайлова, поскольку сны этих героев имеют особое художественное значение в романе. Традиционно литературоведы рассматривали сны Раскольникова и Свидригайлова как проявление голоса совести и способ раскрытия психологического состояния героев. В данной статье предлагается новое понимание функции сновидений Раскольникова и Свидригайлова, которое расширяет представления о поэтике Ф.М. Достоевского. В снах героев преломляется прошлое героев и реакция героев на эти события. Это помогает читателю «догадываться» о прошлом Раскольникова и Свидригайлова и, учитывая впечатления от них, строить прогноз о дальнейшей судьбе героев. Таким образом, в снах героев сочетаются ретроспективный и перспективный план «горизонтов ожиданий».

Ключевые слова: «горизонты ожиданий», сюжет, самопознание героя, горизонт произошедшего, сновидение-воспоминание.

HEROES' DREAMS AS THE «HORIZONS OF EXPECTATIONS» EMBODIMENT IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»

Е.А. Gorbarenko

Abstract. The article examines heroes' dreams in the novel «Crime and Punishment» by F.M. Dostoevsky as one of the artistic embodiments of the «horizons of expectations». The focus is on the dreams of Raskolnikov and Svidrigailov, since the dreams of these heroes have a special artistic significance in the novel. Traditionally, literary critics have considered the dreams of Raskolnikov and Svidrigailov as a manifestation of the voice of conscience and a way to reveal the psychological state of the characters. This article offers a new understanding of the function of Raskolnikov and Svidrigailov's dreams, which expands the understanding of F.M. Dostoevsky's poetics. In the dreams of the heroes, the past of the heroes and the reaction of the heroes to these events are refracted. This helps the reader to «guess» about the past of Raskolnikov and Svidrigailov and, taking into account their impressions, to make a forecast about the future fate of the heroes. Thus, in the dreams of the heroes, both retrospective and perspective plans of the «horizons of expectations» are combined.

Keywords: «horizons of expectations», the plot, the hero's self-knowledge, the horizon of what happened, a dream-memory.

Значимости снов в произведениях Ф.М. Достоевского уделялось большое внимание в науке. Этой проблеме были посвящены как главы в монографиях, так и целые диссертации [5; 6; 8; 9]. В контексте нашего исследования важно, что наряду с персонификацией горизонтов ожиданий, которое мы, например, наблюдаем в романе «Идиот», примечательно еще одно художественное решение Достоевского – воплощение «горизонтов ожиданий героев» и их преломление в снах.

Необходимо сделать важное пояснение об использовании понятия «горизонты ожиданий» в контекста данной работы. Мы считаем возможным использовать в нашем исследовании выражение «горизонты ожиданий» не в терминологическом его значении, принятом в рецептивной эстетике, а в приложении именно к литературоведению. В этом случае мы можем предположить, что горизонты ожиданий образуются и подвижно меняются не только у читателя (согласно Яуссу) [10, с. 195], но и у героев произведения, а также у самого писателя в процессе создания художественного произведения. То есть помимо уровня Читатель ↔ Произведение и Автор ↔ Произведение ↔ Читатель, мы включаем уровни, на наш взгляд, тоже может быть продуктивно использовано понятие «горизонт ожиданий»: Автор – Герой и Герой – Герой. Более того, наше понимание горизонтов ожиданий и их значимости достаточно близко согласуется с **аксиологическим подходом** [3, с. 378–383], поскольку горизонты ожиданий могут ассоциироваться с «ценностями», как ключевым понятием аксиологии. В аспекте этой широкой литературоведческой темы – «Горизонты ожиданий в романах Ф.М. Достоевского» – нас интересуют прежде всего герои романов Достоевского и их субъективные «ожидания», сбывшиеся и несбывшиеся, а также их «репутации» в глазах автора и читателей.

В «Преступлении и наказании» наиболее выразительны «сны» Раскольникова и Свидригайлова. По наблюдениям Р.Г. Назирова, «...сновидения героев совмещают три функции:

- 1) введение прошлого и будущего в актуальный момент;
- 2) сюжетообразующая функция («кризисная вариация сна»);
- 3) раскрытие подсознательных сторон психики (самопознание героя)» [3, с. 150].

Здесь, в свете нашей темы – «Горизонты ожиданий в романах Ф.М. Достоевского», – особо примечательна первая разновидность, поскольку участие «прошлого и будущего» в наличном сюжетном моменте как раз и можно понимать как проявление некоторых «горизонтов». При этом если для будущего это «горизонты ожиданий», то относительно прошлого можно говорить о ретроспективных «горизонтах пережитого». Вместе с тем, одно с другим зачастую тесно связано.

Применительно к Раскольникову можно иметь в виду пять его снов или грёз наяву:

- воспоминание из детства об изуверском убийстве лошади;
- грёзы об оазисе «где-то в Египте»;
- сон об избииении квартирной хозяйки помощником квартального надзирателя;
- о повторном «убийстве» уже покойной «старухи-процентщицы», которая издевательски насмехается над героем;
- каторжный сон-кошмар о «трихинах», заразивших человечество.

Из них к первой разновидности снов (по Назирову) относятся три – их обычно и выделяют как «сновидческую трилогию» Раскольникова – это первый, четвертый и пятый сны. Сразу заметно, что именно в них горизонты пережитого прямо влияют на горизонты ожиданий.

Например, после первого сна, об убийстве лошади Савраски изувером Миколкой, Раскольников на время останавливается в ужасе на пороге преступления: «Боже! – воскликнул он, – да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, разможжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?» [2, т. 6, с. 50]. В этой связи

Р.Г. Назиров делает важное наблюдение: «Сновидения Раскольникова «заражают» сюжет. Умиравшая Катерина Ивановна кричит: «Уездили клячу!.. Надорвала-а-сь!» – как будто ей, а не Раскольникову снился сон о забитой лошади. Или маляр Миколка является в полицию с повинной, сам себя оговаривает; он не убивал процентщицы, но в сновидении героя другой Миколка убил лошадь. Случайно ли совпадение имен? Думается, между двумя Миколками существует тайное символическое тождество, и самообвинение маляра – это художественный результат сна о забитой лошади» [6, с. 149]. То есть сон одного героя откликается в судьбе другого. Или можно сказать иначе: кошмарное сновидческое воспоминание Раскольникова не только предостерегает его, но и предрекает ему провиденциальную встречу с преображенным «Миколкой». Если того, прежнего, из сна-воспоминания, резонно упрекали из толпы: «Да что на тебе креста, что ли, нет» [2, т. 6, с. 48], – то для маляра, напротив, характерна религиозная экзальтация.

Добавим здесь еще следующее. «Два Миколки» у Достоевского, столь разноликие, представляют, на наш взгляд, грандиозные масштабы понимания писателем загадочной природы русского простонародья. Это как два полюса возможного проявления душевно-духовной природы: «от сих – до сих». О такой полярности писал известный знаток русской духовности Г.П. Федотов: «...Если необходима типизация – а в известной мере она необходима для национального самосознания, – то она может опираться скорее на полярные выражения национального характера, между которыми располагается вся шкала переходных типов. Формула нации должна быть дуалистична. Лишь внутренняя напряженность полярностей дает развитие, дает движение – необходимое условие всякой живой жизни» [7, с. 11–12].

После преступления Раскольников видит сон, в котором убитая Алена Ивановна издевательски смеется над ним. В отличие от первого сна, это не детское, а недавнее, но также **ретроспективное** воспоминание. Вместе с тем, оно имеет важнейшее значение – это ведь наиболее значимый в судьбе героя **горизонт произошедшего**. Совершённым убийством он «как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего» [2, т. 6, с. 90]. И теперь смеющаяся покойная старуха как бы предрекает ему будущую собственную оценку содеянного («Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!»). Если раньше в его сознании звучало «вечная Сонечка», то теперь ему впору иметь в подсознании «вечную старуху». В этом же сне мотив осмеяния преступления Раскольникова получает свое многозначительное развитие: наряду со старухой смеются вроде как и в соседней комнате, и даже на лестнице. Это осмеяние с опорой на мнение М.М. Бахтина комментирует Р.Г. Назиров: «Оно выражает внутреннее поражение Раскольникова и *предчувствие всенародного осуждения и позора*. Герой подсознательно понял, что он – не Наполеон» [6, с. 144].

На наш взгляд, дело не совсем в «Наполеоне». Сам же комментатор почти случайно обмолвился, что в этом сне сказалось «предчувствие всенародного осуждения и позора», но мысль свою не развил. Нужно иметь в виду еще один горизонт, который предчувствуется героем. Вскоре он по совету Сони выйдет на Сенную площадь и «покается»: «Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз.

– Ишь нахлестался! – заметил подле него один парень.

Раздался смех.

– Это он в Иерусалим идет, братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобызает, – прибавил какой-то пьяненький из мещан.

– Парнишка еще молодой! – ввернул третий.

– Из благородных! – заметил кто-то солидным голосом.

– Ноне их не разберешь, кто благородный, кто нет.

Все эти отклики и разговоры сдержали Раскольникова, и слова «я убил», *может быть, готовившиеся слететь у него с языка, замерли в нем*. Он спокойно, однако ж, вынес все эти крики и, не озираясь, пошел прямо чрез переулок по направлению к конторе» [2, т. 6, с. 405–406].

Это выразительная сцена покаяния, почти навязанного Соней, инстинктивно отвергнутого и фактически осмеянного простонародьем. Подобная реакция – как горизонт – преломляется, на наш взгляд, в комментируемом сне Раскольникова.

Наконец, сон о «трихинах», который Раскольников видит уже на каторге. Р.Г. Назиров комментирует его следующим образом: «Это философский итог романа. Ему снится нравственная эпидемия, вызванная мельчайшими трихинами и превращающая человечество в океан абсолютно не принимающих друг друга индивидуалистов (*гиперболизированных Раскольниковых*). Отказ от общих критериев истины, от сверхличного морального единства ведет к гибели человечества. <...> Этот последний сон Раскольникова – *единственная мотивировка перерождения героя*. Ведь он пошел на каторгу без раскаяния, явка с повинной была лишь признанием его личной слабости, но не ложности его идеи. Сон о трихинах произвел решающий перелом в его душе» [6, с. 144]. Здесь мы не во всем согласны с уважаемым исследователем.

Во-первых, поголовно зараженные трихинами индивидуалисты из сна – это не «гиперболизированные», а уж скорее, «минимализированные раскольниковы». Ведь герой романа – полноценная **личность**, тогда как во сне ему видятся сонмы «бесноватых и сумасшедших». Они обезличены и потому нивелированы под единый уровень бесноватых.

Во-вторых, этот сон не может знаменовать собой мотивировку перерождения героя, тем более единственную. Ведь в нем присутствуют признаки теории Раскольникова, потому что дважды упоминаются «необыкновенные» люди: «*Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных*. <...> Спасти во всем мире могли только несколько человек, это были *чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю*» [2, т. 6, с. 419–420]. Тогда какой же это «решающий перелом в его душе»? Тем более сон этот не может быть «единственной мотивировкой» перерождения, поскольку таких мотивировок, как мы убедились, было в его судьбе уже множество. И главная среди них – благотворное воздействие на героя со стороны Сони.

Отличие последнего сна от всех предыдущих можно видеть в том, что он провиденциален, то есть носит характер предвидения уже не для самого героя, а для всего человечества. Это – общий для всех «горизонт ожиданий» и напоминает свидригайловскую «баню с пауками». В то же время в этом сне присутствуют косвенные приметы личностного ретроспективного горизонта героя. Ведь все-таки наваян он аллюзиями на идею Раскольникова. Она – это его прошлое, которое кошмарным образом отзывается в провиденциальном «горизонте» общей судьбы человечества.

У Свидригайлова в романе – свои кошмары, сны о девочке-утопленнице и о развратном ребенке-«камелии». В сне Свидригайлова об утопленнице, на первый взгляд, перед нами исключительно ретроспективное его воспоминание: «*Свидригайлов знал эту девочку*; ни образа, ни зажженных свечей не было у этого гроба и не слышно было молитв. Эта девочка была самоубийца-утопленница. Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшись и удивившись это молодое, детское сознание, залившее незаслуженным стыдом ее ангельски чистую душу и вырвавшее последний крик отчаяния, не услышанный, а нагло поруганный в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер...» [2, т. 6, с. 391].

Но ведь подобным образом и в первом сне Раскольникова отразилось лишь воспоминание о сцене изуверского убийства лошади. Разница в том, что в этот сон о лошади имплицитно

включен и перспективный горизонт ожиданий последствий зреющего замысла убийства, что и определяет реакцию героя сразу после пробуждения («...неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове»). Сон Свидригайлова отражает лишь голос его совести, но в нем назревает его готовность к самоубийству. То же самое, но в более побуждающем виде выражено в следующем его сне – о развращенной девочке-«камелии». Над первой девочкой, четырнадцати лет, судя по намекам, надругался сам Свидригайлов. Последняя девочка, пятилетняя, соблазняет его самого. Такого он вынести уже не может. То есть собственная сладострастная натура предстает в гипертрофированном виде и ведет к саморазрушению через самоубийство.

Итак, можно утверждать, что для обоих героев – Раскольникова и Свидригайлова – в снах совмещаются ретроспективный и перспективный горизонты: из прошлого вырастает прогноз на будущее. Подобные горизонты ожиданий формируют впечатления, которые позволяют читателю предугадывать последующую судьбу каждого из героев.

Библиографический список

1. *Власкин А.П.* Аксиологическая составляющая художественного мира романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский: Философское мышление, взгляд писателя. СПб., 2012.
2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1985. Т. 28/2.
3. *Есаулов И.А.* Литературоведческая аксиология: Опыт обоснования понятия // Проблемы исторической поэтики. 1994. Вып. 3.
4. *Казаков А.А.* Ценностная архитектура произведений Ф.М. Достоевского. Томск, 2012.
5. *Кондратьев Б.С.* Мифопоэтика снов в творчестве Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Азрамас, 2002.
6. *Назирова Р.Г.* Поэтика сновидений // Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов, 1982.
7. *Федотов Г.П.* Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.
8. *Чудинина В.В.* Художественно-содержательное своеобразие сновидений в творчестве Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
9. *Щенников Г.К.* Функция снов в романах Достоевского // Художественное мышление Ф.М. Достоевского. Свердловск, 1978.
10. *Яусс Г.-Р.* История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология I / сост. И.В. Кабанова. М., 2004.

Е.А. Горбаренко

старший преподаватель

кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин

Санкт-Петербургский университет МВД России, Ленинградский областной филиал

E-mail: romanovakaterina@list.ru

АНТИМОНАРХИЧЕСКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ИГОРЯ-СЕВЕРЯНИНА КАК РЕАКЦИЯ НА СОБЫТИЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ГИМН РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

В.В. Никульцева

Аннотация. В статье рассматриваются стихотворения Игоря-Северянина, посвящённые теме русской революции 1917 г. Изучены первоисточники, хранящиеся в РГАЛИ и НИОР РГБ (Москва). Особое внимание уделено изучению стихотворения, созданного в первые дни Февральской революции, – «Гимн Российской Республики». Результаты лингвотекстологического анализа этого произведения свидетельствуют о незначительных пунктуационных, графических и лексических отступлениях рукописного текста от текста окончательной редакции, легшего в основу третьего раздела сборника стихов «Миррэлия» (1922) – «Револьверы революции». Выявлены первоначальные политические пристрастия и предпочтения Игоря-Северянина, целенаправленно демонстрирующего своё ego с позиции аполитичности. Автор восхваляет русский народ, принёсший «освобождение» России, обезличивая и идеализируя его как в политическом, так и в моральном плане.

Ключевые слова: Игорь-Северянин, Февральская революция, 1917 г., политическая поэзия, демократические идеи, сборник «Миррэлия», лингвотекстологический анализ.

IGOR-SEVERIANIN'S ANTIMONARCHIST POETRY PERFORMANCE AS A REACTION ON EVENTS OF 1917TH FEBRUARY REVOLUTION: LINGUATEXTOLOGICAL ANALYSIS OF THE POEM «HYMN OF RUSSIAN REPUBLIC»

V.V. Nikultseva

Absrtact. The article analyses Igor-Severianin's poems devoted to the Russian revolution of 1917th. The analysis includes the study of the initial sources stored in RSALA and in RSL SR DP in Moscow. The attention of the author is particularly focused on the poem written in the first days of February revolution – «Hymn of Russian Republic». The results of the linguatextological analysis of this poem prove that there were insignificant deviations, which were made by autographs on the levels of punctuation, graphics and lexis, of the final text variant from the original manuscript, which was used as a basis for the third part of the collection of verses «Mirrelia» (1922) – «Pistols of Revolution». Igor-Severianin intentionally demonstrated his ego displaying apolitical attitude, due to the analysis his initial predilections and preferences were identified. The author glorifies Russian people who brought «freedom» to Russia, making them impersonal and idealizing both on the political and moral levels.

Keywords: Igor-Severian, February revolution, February revolution, 1917th, democratical ideas, book of verses «Mirrelia», linguatextological analysis.

*Талантливейшему музыканту и добрейшему человеку –
дирижёру Большого театра
Алексею Владимировичу Богораду
с глубокой признательностью и восхищением*

В отечественном литературоведении общепринято мнение об «аполитичности» Игоря-Северянина. Однако в его поэтическом наследии встречаются произведения, открыто

позиционирующие его отношение к тем или иным политическим событиям. Как и многие современники, Игорь-Северянин не мог обойти стороной тему войны и революции. Одни из первых его юношеских опытов, отмеченных глубоким патриотизмом, посвящены русско-японской войне. Повзрослев и возмужав за короткие дни службы в царской армии, поэт создаёт крайне противоречивые – то уничижительно-насмешливые, то проникнутые бесшабашной удалью и самохвальством – стихи о Первой мировой войне. Не мог не откликнуться Игорь-Северянин на события Февральской буржуазной революции 1917 г. и последовавшей вскоре Октябрьской социалистической революции. В поэтической реакции на эти значимые факты истории проявляется истинное его автора – его патриота и гражданина, любящего свою Родину, свой народ, изучаемый им с раннего детства.

В поле нашего исследования входят произведения Игоря-Северянина, созданные в первые дни Февральской революции 1917 г. (23.02/8.03 – 3(16).03 1917 г.), приведшей к возникновению Российской республики и установлению республиканского строя правления.

Из 23 стихотворений, вошедших в третий раздел сборника «Миррэлия» (1922), изданного при помощи В. Маяковского и А. Кусикова в Берлине [3], 11 посвящено Февральской революции, 2 – Октябрьской, 5 – Первой мировой войне¹; остальные 4 стихотворения, созданные в 1911–1913 гг., объединены антимонархическими мотивами. Таким образом, данный раздел «Миррэлии» представляет собой законченный, тщательно продуманный цикл политической поэзии.

Характерно, что открывает этот цикл стихотворение «Гимн Российской Республики», неполно датированное в сборнике – 1917 г. Обращение к белой рукописи, хранящейся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), позволяет установить дату произведения – 16 марта 1917 г. [5]. Место создания этого текста сохранено в печатном варианте: Гатчина – Петроград.

Следующее за ним стихотворение «Все – как один» датировано 5 марта 1917 г., написано в Орле. Два последующих – «Моему народу» и «И это – явь?..» – помечены мартом 1917 г. и созданы в Москве, причём текст стихотворения «Моему народу» приведён не полностью, что объясняет следующее примечание автора: «Эта поэма, как и весь отдел третий, восстанавливается автором по памяти в феврале 1919 г. в Тойле. Рукописи оставлены в феврале 1918 г. в Москве у <Ф.>. Я. Долид<з>е². В поэме “Моему народу” автор помнит всего 2 первые строфы» [5, с. 276].

Изучение автографов из фондов *Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки* (НИОР РГБ) [6] позволило восстановить полный текст этого стихотворения и точнее его датировать [4, с. 263–275.]. Это одно из первых произведений Игоря-Северянина, созданное в дни Февральской революции, а именно 8 марта 1917 г. в Москве. Оно адресовано в издательство В.В. Пашуканиса (М.Б. Никитская, 17, кв. 11) и написано на одном листе плотной желтоватой бумаги, имеющей круглый оттиск «К.Р.П.Ф. № 4. Рига». На аналогичной бумаге содержится и беловая рукопись стихотворения «Начальники и рядовые!» 1914 г., также адресованного в издательство Пашуканиса [7]. Этот факт говорит о том, что политическая поэзия, проходящая тщательную цензуру во время Первой Мировой войны, стала значительно востребована в год основания республики, в связи с чем Игорь-Северянин не мог не продемонстрировать свою гражданскую позицию «борца за свободу». В первые дни Февральской революции приобрело и особый смысл написанное осенью 1914 г. стихотворение «Начальники и рядовые!», будучи не первым откликом автора в цепи его весьма противоречивых поэтических реакций на события Первой Мировой войны (см., напр., сборник «Victoria Regia» 1915 г.). Думается, именно поэтому стихотворения, не одинаково датированные и приуроченные к разным политическим событиям, были направлены Ф.Я. Долидзе, импресарию Игоря-Северянина, в издательство, сделавшего его книги бестселлером начала века.

Обратимся к лингвотекстологическому анализу этого произведения, уделив особое внимание изучению особенностей северянинского индивидуально-авторского стиля: архитектоники текста, приёмов словотворчества, звуковой инструментровки и изобразительно-выразительных средств создания образа.

Архитектоника текста. Стихотворение состоит из 5 строф, распадающихся на 2 композиционные части: I – восхваление революции как свершившегося факта (1-я – 3-я строфы), II – воспевание революционных последствий (4-я – 5-я строфы). Во всех строфах, кроме 2-й и 4-й, преобладают восходящие интонации. Инверсионный порядок чтения текста снизу вверх (за исключением 5-й строфы) допускает мысль об одномоментном создании текста, о чем также свидетельствует его минимальная правка.

Лексическо-семантический уровень текста. Ключевыми словами текста являются такие, как *народ, царь, свобода, победа, жить, радоваться*. Они входят в контрастные семантические поля «Россия» (*царь, русские, российский, республика, республиканцы*), «Европа» (*республика, республиканцы, отсталые народы, револьвер*), «революция» (*свобода, флаги, мир, труд, равенство, благо, прозреть* с мелиоративной семантикой; *револьвер, руки, расплата, свергнутый, сверкать, пылать* с пейоративной семантикой), «счастье» (*жить, радоваться, прозреть, любимый, благо*), «народ» (*дед, столетья, теснимый, народ*), «творчество» (*песня, гимн, кисть, стих, счастье*). Несмотря на аллюзию (Великая французская революция), автор противопоставляет консервативность Европы («отсталых народов») демократичности России («расплата за деда»; «свобода на благо народа», «русских республиканцев»; «во имя России любимой / Царь свергнут»).

Грамматика текста. Морфологический уровень. Текст статический: на 46 имен и местоимений приходится 11 глагольных слов, что составляет соотношение 4:1. Наибольшей семантической нагрузкой наделены абстрактные (*свобода, благо, победа, расплата, труд, равенство*) и конкретные существительные, употреблённые как синекдоха (*песня, стих, гимн, кисть*), а также имена собственные, выступающие как символы (*Российская Республика, Россия, Европа*). Отмечается единичный случай употребления числительного *одни* в значении либо прилагательного (не «одинокое», а «свободные»), либо частицы («только»): *Царь свергнут, и вот – мы одни!* Большое количество существительных способствует возникновению номинативных конструкций. Глаголы в подавляющем большинстве употреблены в форме повелительного наклонения (*пусть пылают, (пусть) сверкает*; лексические повторы *да радуемся, да живём*), в остальных случаях – в прошедшем времени (*прозрели*) и в форме кратких страдательных причастий (*теснимы, свергнут*). Случаи словоупотребления местоимений (*весь, каждый, мы*) единичны. Отсутствие разговорной лексики связано с жанром гимна, для которого характерны только стилистически маркированные и книжные элементы: на *благо* (народа), *гимн, пылать, расплата, теснимый, прозреть, во имя* (России), *свергнутый, отныне*.

Синтаксический уровень. Текст составляют в большинстве своем односоставные предложения номинативного и определительно-личного типов. Двусоставные конструкции характерны только для II–IV строф. Во всех строфах, кроме IV (ее образует многочленное сложное предложение), предикативные части простые, по большей части неосложнённые, эмоционально окрашенные, что способствует созданию риторичности, эмоциональности и приподнятости речи.

Фонетический уровень. Звукопись. Ритмика. Стихотворение написано трехстопным амфибрахийем со спондеями и пиррихиями. В перекрестной рифмовке гармонично сочетаются мужские (нечетные) и женские (четные) рифмы, из которых одна неточная (*теснимы / любимой*). В I и III строфах присутствуют внутренние рифмы (*свобода на благо народа; победа – расплата за деда*). На фонетическом уровне доминируют сильные и активные звуки [о]

(17 во всем тексте) в I-й строфе, и [а] (16) во II-й, тогда как элементы напевной звукописи создаются за счет [э] и [и] в III–IV строфах. Из согласных преобладают вибранты [р] и [р'], сочетания шумных согласных типа [ст], [св], [дн'], но аллитеративную нагрузку несут дрожащие и свистящие в сочетании с другими шумными согласными.

Стилистика текста. Тропы и фигуры. Изобразительно-выразительные средства создания образа обретшего свободу народа направлены на формирование у читателя позитивных эмоций и положительной оценки исторических событий: гипербола (*свобода везде и во всем; победа... над каждым в Европе царем*), метафора (*пылают румянцы флагов; столетья царями теснимы* 'пребывая в вековом рабстве'; *прозрели* 'осознали себя свободными'), метонимия (*дед* 'времена рабства, крепостного строя, царизма'; *песня, кисть, стих* как результат творчества музыкантов, художников, поэтов), перифраза (*в предвешние дни* 'в феврале'), аллюзия (*отсталые народы* – «Закат Европы» О. Шпенглера; *труд, равенство, мир и свобода* – лозунги эсэров, кадетов и т.д.); антитеза (*народ – царь, Российская республика – отсталые народы, смерть (револьвер) – жизнь (да живем)*, *столетья теснимы – прозрели в предвешние дни; победа, расплата за деда – мир, счастье; царь свергнут – мы одни*), риторические восклицания (*Свобода везде и во всем!* и мн. др.), синтаксический параллелизм (*Свобода!* (3 раза) в I строфе – *Победа!* (3 раза) в III строфе), анафора (*Свобода* в 1–3-м стихах I строфы), кольцо (*свобода* в начале I и V строф), эпифора (*Да радуемся! Да живём!* в конце I, III, V строф), парцелляция (*Победа! Над каждым в Европе царем!*), инверсия (*Во имя России любимой* и т.д.).

Таким образом, лингвотекстологический анализ стихотворения «Гимн Российской Республики» позволяет сделать вывод о том, что автор воспринимал исторические перемены, связанные с Февральской революцией 1917 г., с позиции социал-демократа. Восприятие многоликости русского народа и оценка его исторической роли являются крайне противоречивыми в творчестве Игоря-Северянина (см., напр., поэму «Роса оранжевого часа» (1923), стихотворение «Моя Россия» (1924) и мн. др. его произведения). Поэт, целенаправленно демонстрирующий своё ego с позиции аполитичности, в сложный исторический период не мог не откликнуться на революционные события, сформировав свой, во многом идеалистический, образ России. Восторженное восприятие Февральской революции, отражённое в проанализированном произведении, обусловлено социальной неустойчивостью, материальной нестабильностью, недовольством неудач царской армии в Первой мировой войне, осуждением императорской фамилии с точки зрения нравственности и ожиданием перемен, которые могли бы привести страну, на взгляд поэта, к лучшей жизни. Автор восхваляет русский народ, принёсший «освобождение» России, обезличивая и идеализируя его как в политическом, так и в моральном плане. Однако, как показывает послереволюционное творчество и перипетии личной жизни Игоря-Северянина, от этой идеалистической позиции он впоследствии отказывается.

Примечания

¹ Большинство патриотических стихотворений Игоря-Северянина о Первой мировой войне вошло во второй и третий разделы сборника «Victoria Regia» (1915) – «Монументальные моменты» и «Стихи в ненастный день».

² В угловых скобках восстанавливаются варианты авторского написания и исправляются ошибки прочтения, допущенные Е. Филькиной при работе с автографами Игоря-Северянина: вместо О.Я. Долидзе надо читать Ф.Я. Долидзе. Приводим сведения из «Словаря литературного окружения Игоря-Северянина»: «Долидзе Фёдор Ясеевич (Евсеевич) (1883–1978 (или 1977)), импресарио» [7, с. 111].

Библиографический список

1. Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина. М., 2008.
2. Никульцева В.В. История одного литературного псевдонима // Русская речь. 2009. № 3.

3. *Никульцева В.В.* Об одном «дружеском послании». Стихотворение Игоря-Северянина «Владимиру Маяковскому» // Русская словесность. 2017. № 1.
4. *Никульцева В.В.* Антимонархические поэтические выступления Игоря-Северянина как реакция на события февральской революции 1917 года: лингвотекстологический анализ стихотворения «Моему народу» // Лингвостилистика. Лингвопоэтика. Лингводидактика: сборник научных статей, посвященный 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф., акад. РАО Н.М. Шанского. М., 2022.
5. *Северянин И.* Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / сост., авт. предисл. и коммент. Е. Филькина. М., 1999.
6. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). П. 137. Ед. хр. 13. Л. 1 (Поступление № 41 от Гарвея).
7. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). П. 137. Ед. хр. 14. 2 л. (Поступление № 41 от Гарвея).
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.

В.В. Никульцева

кандидат филологических наук, доцент

заведующий кафедрой социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

E-mail: Niculceva.V@mfa.ru

МОДУСЫ РЕФЛЕКСИИ В РЕЧЕВОЙ МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Н.А. Пром

Аннотация. Картина мира включает образы фрагментов действительности, которые формируются благодаря осмыслению сообщений о действительности через призму ценностей, знаний, опыта, то есть высказанной рефлексии. Целью данного исследования является рассмотрение влияния рефлексии адресанта на репрезентацию медийного сообщения, стремящегося выполнить свою прагматическую функцию, а именно, обеспечить перцепцию медиасообщения адресатом и интериоризацию воспринятого образа в его индивидуальную картину мира. Установлено, что модусам рефлексии (телео-, пара- и прагмарефлексия) соответствуют речевые тактики, реализующиеся в публикациях медиадискурса. Таковыми являются тактики информирования как продукта телеорефлексии, интерпретации – результата парарефлексии, а также оценки и прогноза, возможных благодаря прагмарефлексии. Выделенные тактики презентации материала используются автором сообщения для конструирования новых смыслов на основе полученных фактов и позволяют сформировать довольно полный образ фрагмента действительности. Новое представление о мире как продукт этого конструирования интериоризируется в картину мира реципиента сообщения. Она затрагивает такие ресурсы интерпретатора, как личностная сфера, мотивация и система ценностей. Недостающие детали дополняются за счет собственного опыта конкретного адресата, что нечасто обеспечивает картину мира, соответствующую действительности. Анализ материала также показал, что уже сформированные образы способны меняться под воздействием новых фактов.

Ключевые слова: медиадискурс, речевые тактики, модус рефлексии, интерпретация, анализ, оценка, прогноз.

MODES OF INTROSPECTION IN SPEECH MEDIA REPRESENTATION OF REALITY

N.A. Prom

Abstract. The worldview includes images of reality fragments that are formed due to the comprehension of messages about the reality through the prism of values, knowledge and experience, i.e. expressed introspection. The purpose of this study was to consider the influence of the addresser's introspection on the representation of a media message that seeks to fulfill its pragmatic function, namely, to ensure the perception of the media message by the addressee and the internalization of the perceived image into the addressee's individual worldview. It has been established that the introspection modes (teleo-, para- and pragma-introspections) correspond to speech tactics implemented in media discourse publications. These are tactics of informing as a product of teleo-introspection, interpretation as the result of para-introspection and evaluation and forecasting that become possible thanks to pragma-introspection. The highlighted tactics of presenting the material are used by the author of the message to construct new meanings based on the facts obtained and allow one to form a fairly complete image of a reality fragment. A new idea of the world as a product of this construction is internalized into the recipient's worldview. It affects interpreter's resources such as the personal sphere, motivation and values. The missing details are supplemented by the personal experience of the particular addressee of the message that rarely provides a worldview corresponding to reality. The analysis of the material also shows that already formed images are able to change under the influence of new facts.

Keywords: media discourse, speech tactics, introspection mode, interpretation, analysis, evaluation, forecast.

С точки зрения когнитивного подхода, картина мира включает образы фрагментов действительности и возможных миров – концепты, связанные с помощью категориальных

отношений и сложных скриптов [17, р. 588]. Эта система знаний, в которой отмечены существенные характеристики мира, постоянно меняется в процессе познания и деятельности [9, с. 13]. Образ фрагмента действительности или возможного мира формируется благодаря осмыслению воспринимаемых событий действительности через призму ценностей, знаний, опыта. Речевая репрезентация этого образа является результатом интерпретации [2, с. 21], что приводит к широкому, философскому пониманию интерпретации как «высказанной рефлексии» [1, с. 5]. Поскольку медиадискурс – это один из источников информации о действительности, к которой у человека не всегда есть доступ, картина мира этого человека зависит не от действительности как таковой, а от ее сгенерированной медиарепрезентации. Следовательно, в медиа мы видим результат осмысления действительности журналистом, репортером и даже оператором и редакторской командой, основной задачей которых является медиавоздействие на аудиторию посредством реализации суггестивно-персуазивного потенциала медиафактов.

Целью данного исследования мы видим в том, чтобы рассмотреть влияние психологических особенностей рефлексии адресанта на перцепцию медиареальности и интериоризацию воспринятого образа в индивидуальную картину мира адресата. Определены задачи, позволяющие достичь поставленной цели:

- привести теоретическое обоснование рефлексии как действенного фактора формирования картины мира;
- выделить речевые тактики, соответствующие типам рефлексии, и на речевом материале продемонстрировать их реализацию;
- показать, как уже сформированные образы способны меняться под воздействием новых фактов.

Теоретическая основа исследования. Феномен рефлексии предполагает некоторое обдумывание опыта мышления, действий, поведения и пр. [6, с. 114–115]. В современной психологии разработан целый ряд теорий рефлексии, представленной как довольно сложное психическое свойство человека, умение реконструировать, анализировать свои и чужие мысли, выделить в них структуру, обективировать и прорабатывать соответственно собственным целям [7, с. 48]. В когнитивной психологии рефлексия рассматривается как один из компонентов мышления, результатом которой является установление новых значений, изменение смыслов деятельности и, как следствие, изменение смыслов поведения в целом [5, с. 77].

В связи с проблемами социальной перцепции С.Ю. Степанов и И.Н. Семенов рассматривают коммуникативную рефлексия как важнейшую составляющую развитого общения и межличностного восприятия [14, с. 34] для познания человека человеком. Поскольку суть медиадискурса – это медиакоммуникация, в основе которой лежит обиходное общение, а его прототипной ситуацией является ситуация сообщения кому-то о чем-то [11], представляется целесообразным включить медиадискурс в круг сфер, где коммуникативная рефлексия имеет место и успешно функционирует. В контексте коммуникативного аспекта рефлексии выделяются познавательная, регулятивная функции и функция развития, которые, взаимодействуя, выражаются в смене представлений о внешнем предмете или субъекте на более адекватные для данной ситуации. Если в психологии большей частью рассматривается коммуникация между людьми и процесс познания их психологических особенностей, то на широком фоне медиакоммуникации мы будем говорить о познании действительности. Коммуникативные функции рефлексии актуализируются, когда обнаруживается противоречие между представлениями о реальности и ее вновь раскрывающимися чертами. Следовательно, рефлексия представляет собой процесс осмысления и переосмысления человеком стереотипов опыта, что является необходимым условием для динамичности картины мира в его сознании.

В этой связи М.К. Тутушкина дополняет приведенный перечень функций коммуникативной рефлексии функцией контроля в процессе налаживания, проверки и использования связей между существующей ситуацией и мировоззрением личности для последующего самоконтроля в деятельности или общении [16, с. 160]. Иными словами, поступающая информация соотносится с имеющейся картиной мира, и по мере ее интерпретации и оценки изменения вносятся в картину мира и последующие действия, согласующиеся с ней.

Рассматривая отношение объекта рефлексии к ее субъекту, С.Х. Ляпин разграничил такие модусы рефлексии, как телео-, пара- и прагмарефлексию, которые в совокупности обеспечивают экспликацию фрагмента действительности [10, с. 72–75]. Телеорефлексия имеет место, когда объект и цель рефлексии совпадают, фрагмент действительности воспринимается и первично осмысливается, поэтому ее продукт в медиадискурсе – новостное сообщение – является объективным. Парарефлексия имеет место, когда ее объект и намерения автора конструируемого сообщения не совпадают, значимость приобретает не событие, а его верификация, уточнение деталей, обстоятельств, причин и ассоциативных значений. Прагмарефлексия лежит в основе оценки события [3] и прогноза его последствий.

Результаты исследования и обсуждение. Представляется целесообразным соотнести модусы рефлексии с существующими речевыми тактиками и содержательными элементами сообщения в медиадискурсе. Результаты представлены в *таблице 1*.

Таблица 1

Модусы рефлексии в соответствии с содержательными элементами сообщения

<i>Модус рефлексии</i>	<i>Речевая тактика</i>	<i>Содержательный элемент</i>
Телеорефлексия	Информирование	Новость (что произошло?)
Парарефлексия	Интерпретация	Аналитика (в каких условиях и почему это произошло?)
Прагмарефлексия	Оценка	Аксиологические параметры события
	Прогноз	Эффект события (каковы последствия?)

Источник: разработано автором

Из *таблицы 1* видно, что формирование картины мира не ограничивается информационными сообщениями. Медиафакт подвергается разным видам трансформации и проходит ряд медиаций, количество которых играет определенную роль в популяризации события или явления.

Для нашего исследования актуален лингвистический аспект данного феномена, поэтому сместим акцент на речевые тактики, которые становятся результатом рефлексии. Таковыми являются информирование, интерпретация, оценка и прогноз.

Информирование как сообщение фактических данных о мире адресату является продуктом телеорефлексии. Примером таких текстов является новостная лента любого информационного агентства, например, РБК: *В России за пять месяцев число столкновений самолетов с птицами выросло на 82 %; В Турции произошло землетрясение магнитудой 5,0; На Херсонщине назвали санитарно-химические показатели питьевой воды соответствующими норме; ФАС зафиксировал незначительное снижение цен на арматуру в России; Захарова отметила, что Москва уделяет большое внимание дискуссии журналистов РФ и Африки* [РБК, 11.06.2023].

Интерпретация в узком, лингвистическом понимании как изложение деталей события, объяснение его причин и сопутствующих обстоятельств, вызывающих интерес аудитории,

представляет собой результат парарефлексии. Не располагая достаточной степенью точности описания события, интерпретация выгодно отличается многоплановостью его системных связей.

В медиадискурсе интерпретация преобладает в аналитических жанрах. Например, *Нетипичные внешнеторговые операции российского бизнеса стали реже расцениваться Центробанком как попытки обналить или вывести средства за рубеж. <...> До кризиса и санкций практически любые изменения платежных цепочек компаниями квалифицировались как подозрительные операции, но сейчас это не так. Российские компании столкнулись как с прямыми блокирующими санкциями, так и с секторальными ограничениями на экспорт или импорт продукции. Кроме того, в первых санкционных пакетах оказались крупнейшие российские банки, которые специализировались на работе с крупным бизнесом. <...> Десять организаций были отключены от международной системы обмена финансовыми сообщениями SWIFT, что тоже снизило их возможности взаимодействовать с банками за рубежом. Чтобы восстановить возможность пропускать платежи за рубеж, участники рынка стали открывать корреспондентские счета в национальных валютах дружественных России стран. <...> Раньше для совершения крупных операций с участием посредников, особенно с небольшим оборотом и недолгой историей, запрашивалось большое количество документов и уточнялись дополнительные вопросы. Банки придерживались общих критериев для всех клиентов. Сейчас подход стал мягче и носит более индивидуальный характер* [РБК, 8.06.2023]. В примере выделены факты, уже прошедшие информационную ступень ранее (см. жирный курсив). Так, регрессивная форма парарефлексии, направленная на осмысление релевантных событий в прошлом, делает возможным установить каузальные связи новых фактов с уже опубликованными.

Оценка события и прогноз его последствий как смысловая основа индивидуальной картины мира становятся возможными благодаря прагмарефлексивному модусу [3]. Напомним, что в лингвистике оценочность дефинируется как положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи, выраженное в эксплицитной либо имплицитной форме [15, с. 139]. Основаниями оценки в СМИ являются морально-этические и социальные нормы, а также идеи, подготовленные заранее самими медиа, в дальнейшем усвоенные обществом и закрепившиеся в нем в качестве аксиом и стереотипов. Это информационный фонд, общий для участников коммуникации, обеспечивающий ориентиры, в соответствии с которыми тексту придается определенная направленность воздействия. Например, *Благодаря своим ядерно-физическим свойствам изотоп торий-227 обладает высоким потенциалом для эффективного лечения* злокачественных новообразований, в том числе метастазов костной ткани, зачастую возникающих при раке предстательной железы. Он будет использоваться в комплексе с антителами, связанными с простат-специфическим мембранным антигеном (ПСА). По предварительным оценкам, разрабатываемый радиофармпрепарат будет способствовать улучшению показателей выживаемости и качества жизни пациентов [Росатом, 8.06.2023]. Прагматика этого сообщения строится на оппозиции «здоровье (хорошо) – болезнь (плохо)». Новые технологии, включая новейшую ядерную медицину, способствуют успешной борьбе за здоровье человека и получают положительную оценку, поскольку обладают высоким потенциалом для эффективного лечения. Слово антитела также приобрело положительные ассоциации в контексте борьбы с COVID-19. Негативная и пугающая коннотация содержится в самих номинациях неизлечимых до недавнего времени болезней: злокачественных новообразований, в том числе метастазов костной ткани, зачастую возникающих при раке предстательной железы. Объект прагмарефлексии – изотоп торий-227 – оценивается позитивно, что позволяет на основе этого ожидать хорошие результаты его применения, а именно, благоприятный прогноз о том, что он будет способствовать улучшению показателей выживаемости и качества жизни пациентов.

Тактику модально-оценочной квалификации информации мы, вслед за Ю.В. Винник и Т.М. Грушевой, понимаем как комплекс речевых действий, направленных на достижение воздействующей цели высказывания [4, с. 72]. Данная тактика применяет интерпретацию как конструирование новых смыслов на основе полученных фактов, а также новое представление о мире как продукт этого конструирования, которое внедряется в индивидуальную картину мира реципиента. Оценка задействует личностную сферу, мотивацию и систему ценностей интерпретатора, учитывает его мнение, оценку, прогноз. При этом оценочная доминанта включает разные типы оценок для формирования у адресата определенного отношения к референту [13].

Прагматический анализ эмпирического материала обнаружил два вида оценочности, а именно, оценивание и переоценку. В качестве примера рассмотрим сообщение на тему назначения Е. Лихачевой на должность директора Пушкинского музея: *Перед назначением Лихачевой на пост директора музея, в Сети появилась петиция сотрудников, выступивших против ее кандидатуры. Они обратили внимание, что у Лихачевой нет ученой степени и научного веса. Они также добавили, что образование она получила совсем недавно, а в самом Музее архитектуры никак себя не проявила. Она не имеет серьезных публикаций, не курировала ни один выставочный проект, не участвовала в научных конференциях и круглых столах, – писали сотрудники Музея архитектуры* [MSK1, 21.03.2023]. Для усиления воздействующего потенциала низкой оценки авторы протеста привели условные высказывания о неосуществившейся альтернативе. Подобные аргументы обычно являются сомнительными, но способны создать сильный эмоционально-экспрессивный, в данном случае саркастический, тон: *Если бы речь шла о поселковом краеведческом музее, решение министра можно было бы рассматривать как похвальное продвижение молодых кадров, но появление такой фигуры во главе статусного федерального музея смотрится несколько экзотично* [Коммерсант, 23.03.2023].

Особый интерес привлекают публикации, размещающие крайне противоположные оценки одного и того же объекта. В продолжение темы: *«Лихачева – блестящий искусствовед, прекрасный музейный управленец со своей стратегией, тактикой и жесткой позицией. При этом она очень дипломатична. Вероятнее всего, она как грамотный управленец проведет аудит – финансовый, материальный и человеческий», – рассказала «Снобу» искусствовед, автор телеграм-канала «ку-ку» Ксения Коробейникова* [Сноб, 21.03.2023]. В противовес аргументу об отсутствии ученой степени и научного веса, а также тому факту, что Е. Лихачева не проявила (себя), не имеет (серьезных публикаций), не курировала (ни один выставочный проект), не участвовала (в научных конференциях) и пр., в цитате К. Коробейниковой мы видим такие характеристики, как *блестящий искусствовед, прекрасный музейный управленец, дипломатична*. В приведенных примерах Е. Лихачева оценивается с точки зрения дихотомии «профессиональный – непрофессиональный».

Перспективная рефлексия позволяет генерировать прогнозы о ближайших и пролонгированных последствиях этого назначения, например, *Другие же считали, что именно Лихачева способна развивать музей. «Приход Елизаветы ознаменован тем, что будут созданы новые структуры, новые ученые советы, заново поставлены задачи на реконструкции и нарушение статус-кво старого коллектива. Я на стороне прогресса: чем быстрее приступят к новым планам, тем лучше», – рассказывал Антон Белов, директор музея современного искусства «Гараж»* [Сноб, 21.03.2023]. *Марина Лошак* [предшественница Е. Лихачевой. – Н.П.] уверена, что *Елизавета Лихачева отлично подходит на должность директора Пушкинского музея. – Я отлично знаю Елизавету и считаю, что для музея это будет хорошо* [MSK1, 21.03.2023]. В этих цитатах объект оценивания представлен в положительном свете в силу благоприятных прогнозов.

Модус прагмарефлексии позволяет не только оценивать новостные сообщения, но и делает возможной переоценку, то есть, оценку уже интерпретированного и оцененного. Установлено, что переоценка может содержать такие элементы, как, во-первых, опровержение предыдущих оценок, мнений, данных с помощью альтернативных фактов, во-вторых, дискредитацию источников ранее опубликованных интерпретаций и прогнозов, в-третьих, указание на контрастные точки зрения.

Рассмотрим пример сообщения на тему пенсионной реформы: *Реформа проводится под постоянные разговоры чиновников о растущей продолжительности жизни россиян. Ожидаемая продолжительность жизни россиян в 2017-м составляла 72,7 года, в 2018-м будет 72,9 года, сказал Путин на Большой пресс-конференции в 2018-м. Однако ранее Всемирный банк сообщал, что в России по состоянию на 2016 год не доживали до 65 лет около 43 % мужчин и 17,5 % женщин. Как уверяют чиновники, ситуация улучшается. Правда, данные Всемирного банка зарождают некоторые опасения. Из них следует, что в 2016-м ситуация для мужчин была ничуть не лучше, чем в 1960-м, когда до 65 лет доживали тоже около 57 % мужчин* [Независимая газета, 28.12.2018].

Контраст приведенной оценки риторически выверен и представляется убедительным. Автор не доверяет официальным прогнозам (*Реформа проводится под постоянные разговоры чиновников о растущей продолжительности жизни россиян*) и опровергает ранее опубликованные данные и прогнозы с помощью контраргументов – объективных статистических данных Всемирного банка, достоверность которых якобы не должна вызывать сомнений у читателей (*Однако ранее Всемирный банк сообщал...*). Здесь мы оставим за скобками справедливость критики: равнозначность цифровых данных и методик подсчета. Дискредитация источников ранее опубликованных сведений реализуется за счет их негативной оценки либо приведения контрастной точки зрения, в данном случае более авторитетного для автора источника и его данных. Цитата показывает, что чиновники являются менее надежным источником в глазах автора и, как ожидается, россиянина. Предполагаемый эффект такой интерпретации – вывод о неблагоприятном исходе реформы. Однако автор не берет на себя ответственность за такой прогноз и ссылается на опасения экспертов. Примечательно, что имена ни автора статьи, ни экспертов не указаны, что говорит в пользу субъективного характера публикации.

Представляется интересным проследить возможность менять уже сформированные образы и картину мира аудитории за счет введения новых медиафактов. Напомним известный пример динамики отношений между Россией и Турцией, их отражение в СМИ и влияние на взаимоотношения между людьми этих стран. До 24 ноября 2015 г. Турция презентовалась аудитории СМИ как дружественная страна, а ее президент Р. Эрдоган – личный друг российского президента В.В. Путина. Об этом, в частности, свидетельствует следующий медиафакт: *В ноябре 2005 г. Путин посетил торжественное открытие совместно построенного газопровода «Голубой поток» в Турции. <> Обе страны рассматривают в качестве главной цели достижение «многоаспектной кооперации», особенно в областях энергетики, транспорта и армии. 12 мая 2010 г. Анкара и Москва подписали 17 соглашений по развитию сотрудничества в энергетике и других областях, включая договоры о строительстве первой турецкой АЭС и поддержке предприятий, ответственных за нефтепровод, проходящий от Чёрного к Средиземному морю. Лидеры двух стран также подписали соглашение о безвизовом режиме для туристов. Туристы смогут пребывать в стране без визы до 60 дней* [РБК, 12.05.2010]. Подобные публикации способствовали тому, что российские граждане рассматривали Турцию как дружелюбную, безопасную и комфортную для туризма страну и предпочитали турецкие отели российским.

После того, как турецкий истребитель сбил российский Су-24 в небе над Сирией, отношения практически были разорваны, в СМИ обеих стран появлялись сообщения, настра-

ивавшие народы на конфронтацию: *Высшее руководство Турции и лично президент Реджеп Тайип Эрдоган вовлечены в незаконную добычу и перевозку в Турцию сирийской и иракской нефти* [ТАСС 02.12.2015]. Следствием появления таких фактов в медиа отношение россиян к Турции меняется. Поездки в Турцию становятся нежелательными: *Ростуризм не рекомендует самостоятельным туристам посещать Турцию. Об этом сообщил журналистам руководитель Ростуризма Олег Сафонов. «Туристы, принимающие решение о самостоятельной поездке в Турцию (не по линии туроператоров), должны понимать, что угрозы безопасности являются более чем реальными»* [Спутник, 11.04.2016]. После этого поток туристов в Турцию становится значительно меньше. О негативном отношении турецкого народа мы можем судить по сообщениям в российской прессе: *Перед началом матча в Стамбуле турецкие болельщики закидали автобус, в котором команда «Локомотива» ехала на стадион, пустыми бутылками. Турецкая полиция сообщает, что арестовала троих зачинщиков агрессивных действий. Инцидент во время матча спровоцировал новую волну жесткой риторики, которой в последние месяцы обмениваются Москва и Анкара* [ВВС. Русская служба. 17.02.2016]. Так, медиафакты стали одним из главных факторов, повлиявших на выбор страны для отдыха.

Определенные политические шаги по примирению стран и лично их президентов, а также их результаты нашли отражение в СМИ: *Президент России Владимир Путин поручил правительству снять административные ограничения в туризме в отношении Турции. Об этом говорится в сообщении пресс-службы Кремля. Такое решение было принято по итогам телефонного разговора президентов России и Турции* [РБК, 29.06.2016]. Благодаря «усилиям» медиа нынешние отношения между людьми двух стран можно считать вполне дружественными, о чем свидетельствует большой туристический поток и положительные отзывы отдохнувших: *Очень понравился нам отдых в этом отеле! Пляж, еда, чистота, комфорт, сауна, хамам, массаж и конечно команда аниматоров, все отлично, спасибо большое! Отдыхали с семьей, и у всех остались яркие впечатления об отдыхе, спасибо!* [tripadvisor, 14.07.2017].

Очевидно, что процесс формирования и изменения картины мира, хоть и является динамическим, все же не быстрый и заслуживает уточнения. Рефлексия играет в этом немалую роль.

Проведенное исследование решило поставленные задачи и позволяет сделать следующие выводы.

1. Рефлексия как осмысление действительности определяет способ репрезентации ее фрагмента с учетом требований медиадискурса и особенностей конструируемой реальности, отличить которую от реальной при определенных усилиях отправителя сообщения установить не всегда представляется возможным. Воздействие такого сообщения считается успешным в том случае, если предлагаемый образ репрезентированного фрагмента реальности интериоризируется (принимается) в индивидуальную картину мира адресата сообщения.
2. Отношение объекта рефлексии к ее субъекту определяет модус рефлексии. Выделяются модусы телео-, пара- и прагмарефлексии, которые в совокупности способны репрезентировать фрагмент действительности. Характеристики данных модусов позволили установить соответствующие им речевые тактики, реализующиеся в публикациях медиадискурса. Таковыми являются информирование как продукт телеорефлексии, интерпретация – результат парарефлексии, оценка и прогноз становятся возможными благодаря прагмарефлексии. Выделенные тактики презентации материала используются автором сообщения для конструирования новых смыслов на основе полученных фактов и позволяют сформировать довольно полный образ фрагмента действительности.
3. Анализ материала показал, что уже сформированные образы меняются под воздействием новых фактов.

Библиографический список

1. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М., 2001.
2. *Болдырев Н.Н.* Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. М.; Тамбов. 2014.
3. *Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. М., 1978.
4. *Винник Ю.В., Грушевская Т.М.* Коммуникативная стратегия: предпосылки функционирования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. Вып. 4 (207).
5. *Войтюк Д.К.* Влияние рефлексии на формирование психологической готовности личности к профессиональной деятельности: дис. ... канд. псих. наук. Новосибирск, 2004.
6. *Дударева В.Ю., Семенов И.Н.* Феноменология рефлексии и направления ее изучения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 1.
7. *Карпов А.В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5.
8. *Карпов А.В.* Рефлексия в структуре когнитивной организации процессов принятия решения // Российский психологический журнал. 2005. № 2 (3).
9. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. М.; Тамбов. 2007. № 4.
10. *Ляпин С.Х.* Рефлексия как инструмент концептологии // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск, 1997. Вып. 2.
11. *Пром Н.А.* Фактуализация реальности в медиадискурсе: характеристики, типы, способы выражения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
12. *Пром Н.А.* Этапы фактуализации в медиакоммуникации: лингвофилософский подход // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 1 (44).
13. *Селезнева Л.В.* Прагмалингвистические характеристики PR-дискурса: монография. М., 2018.
14. *Степанов С.Ю., Семенов И.Н.* Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3.
15. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка.* М., 2003.
16. *Тутушкина М.К. и др.* Практическая психология. СПб., 2001.
17. *Van Dijk T.A.* Discourse and knowledge // Handbook of Discourse Analysis. London. 2012.

Н.А. Пром

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры «Иностранные языки»

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: natalyprom77@mail.ru

ФИГУРА РЕЧИ РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

К.В. Шнякина, Е.В. Леонидова

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению такой фигуры речи как риторический вопрос. В ней дается описание истории исследования риторического вопроса в отечественной филологической науке, а также освещаются взгляды ведущих отечественных ученых в области филологии и лингвистики на риторический вопрос.

Ключевые слова: риторика, стилистика, фигура речи, риторический вопрос, вопросительное предложение.

RHETORICAL QUESTION AS A FIGURE OF SPEECH: THE HISTORY OF STUDY IN RUSSIA'S SCIENCE

K.V. Shnyakina, E.V. Leonidova

Abstract. This article is devoted to reviewing such a figure of speech as rhetorical question. It describes the history of the study of rhetorical question in the Russian philological science, and also highlights the views of the leading Russian scientists in the field of philology and linguistics on the rhetorical question.

Keywords: rhetoric, stylistics, figure of speech, rhetorical question, interrogative sentence.

Риторический вопрос является неотъемлемой частью выразительных средств языка. Его использование человечеством связано с моментом зарождения устной речи. С тех пор и по настоящее время данная фигура речи находится в поле зрения и вызывает живой интерес у исследователей отечественной науки. Под фигурой речи принято понимать термин риторики и стилистики, обозначающий различные речевые конструкции, которые придают речи стилистическую значимость, образность и выразительность, изменяют её эмоциональную окраску.

История изучения риторического вопроса берет свое начало в работах времен античности, которые представлены великими ораторами и философами древности: Аристотелем, Сократом, Платоном и Цицероном.

Аристотель в своей работе «Этика. Политика. Риторика. Поэтика» рассматривал вопрос как возможность воздействовать на слушателя. Обучая правилам риторики, он объясняет, когда будет уместно или же нет употребить вопрос. В своей работе он писал следующее: «Что касается вопроса, то его всего уместнее предлагать тогда, когда одно из двух положений высказано таким образом, что стоит предложить один вопрос чтобы вышла нелепость ... вопрос уместен, когда из двух пунктов один сам по себе ясен, а относительно другого ясно, что на вопрос о нем дан будет утвердительный ответ» [2, с. 74].

Сократ же начинал беседы с того, что с помощью искусно подобранных риторических вопросов побеждал своего оппонента в споре. Предметом беседы обычно выступали простые проблемы, в ходе обсуждения которых выявлялись противоречия во взглядах. Именно в этих моментах Сократ начинал активно использовать риторические вопросы.

Платон рассматривал риторические вопросы исключительно как составляющее искусства собеседования, которое в свою очередь должно помогать возводить все единичное и частное к общей идее.

Цицерон же считал, что риторика является синтезом науки и искусства, который требует многих знаний и умений. Цицерон впервые обосновал, что риторика – это наука об ораторском искусстве, в то время как Сократ и Платон не признавали риторику наукой. Первая речь против Катилины (первая Катилинария) начинается с риторических вопросов, то есть с вопрошаний, не предполагающих конкретного ответа, по существу являющихся усиленными утверждениями: «Доколе же, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться, своей дерзостью, не знающей узды?» [16, с. 292]

В древнерусских текстах риторический вопрос впервые упоминается в трактате «О поэтических фигурах» Г. Хировоска, диакона и хартофилакса храма Святой Софии в Константинополе, который был им переведен на старославянский и включен в «Изборник Святослава».

В известном рукописном учебнике XVI в. «Риторика» митрополита московского Макария, состоящем из двух книг – «О изобретении дел» и «О украшении слова», содержатся примеры употребления риторических вопросов в ораторской речи.

Первый русский лингвист М.В. Ломоносов в своей работе «Риторика» написал о риторическом вопросе следующим образом: «Риторический вопрос бывает не для испытания неизвестных, но для сильнейшего изображения известных вещей» [5, с. 56].

Изучение риторического вопроса тщательно и широко представлено в таких сферах современной научной мысли, как риторика, стилистика, прагматика и грамматика.

Выдающийся ученый-лингвист И.Р. Гальперин в своей работе «Очерки по стилистике английского языка» дает следующее определение риторическому вопросу: «Риторический вопрос – это особый стилистический прием, сущность которого заключается в переосмыслении грамматического значения вопросительной формы. Иными словами, предложение, которое по своему содержанию является утверждением, облечено в вопросительную форму» [7, с. 462].

М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнев в учебном пособии «Стилистика английского языка» трактуют риторический вопрос как «положительное или отрицательное суждение, облеченное в форму вопросительного предложения. Употребление вопросительной формы привносит в речь момент апелляции к слушателю». Авторы указывают на тот факт, что «традиционное название этой стилистической фигуры неоправданно ограничивает область ее фактического применения» [11, с. 90].

И.В. Арнольд в «Стилистике современного английского языка» рассматривает риторический вопрос как достаточно исследованную форму транспозиции. Он не предполагает ответа и ставится не для того, чтобы побудить слушателя сообщить нечто неизвестное говорящему. По мнению И.В. Арнольда, функция риторического вопроса заключается в том, чтобы повысить, усилить эмоциональный фон сообщения, оказать особое впечатление на собеседника или читателя, сделать его тем самым вовлеченным в процесс [3, с. 283].

Г.Я. Солганик в своих работах по стилистике трактует риторический вопрос следующим образом: «стилистическая фигура, указывающая на то, что вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а для того, чтобы привлечь внимание к тому или иному явлению: например, Кто не проклинал стационарных зрителей, кто с ними не бранивался?» [13, с. 69].

И.Б. Голуб в пособии «Стилистика русского языка» пишет о риторическом вопросе так: «Риторический вопрос – одна из самых распространенных стилистических фигур, характеризующаяся замечательной яркостью и разнообразием эмоционально экспрессивных оттенков. Риторические вопросы содержат утверждение или отрицание, оформленное в виде вопроса, не требующего ответа» [8, с. 206].

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой мы можем найти такое определение риторического вопроса: «Вопрос риторический – это фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию вопросительной формы для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя, повысить эмоциональный тон», где фигура речи (фигура риторическая, стилистическая) – это «оборот речи, особое сочетание слов, синтаксическое построение, используемые для усиления выразительности высказывания» [4, с. 82].

Е.Н. Линдстрем в научном исследовании «Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели» формулирует риторический вопрос как «вопросительное по форме высказывание, в котором содержится суждение с утверждением противоположного, то есть положительный по форме вопрос выражает отрицательное по смыслу суждение, и, наоборот, отрицательный по форме вопрос выражает положительное по смыслу суждение». Она предлагает следующую классификацию риторических вопросов: «риторические вопросы в зависимости от выполняемых ими функций разделены на настоящие риторические вопросы, риторические вопросно-ответные единства и рефлексивные риторические вопросы» [12, с. 14].

Н.И. Жинкин считает, что «риторические вопросы обладают всеми признаками вопросительных предложений, но совершенно не содержат побуждения собеседника к ответу. Риторические вопросы не требуют ответа, потому что они сами в себе содержат этот ответ в виде утверждающего или отрицающего сообщения» [9, с. 87].

Аналогичной точки зрения придерживается Н.С. Валгина, констатируя, что в вопросительно-риторических предложениях содержится утверждение или отрицание: «Эти предложения не требуют ответа, так как он заключен в самом вопросе». Она указывает на факт широкого распространения риторических вопросов в художественной литературе, которые выступают одним из стилистических средств эмоционально окрашенной речи [6, с. 462].

Особенность риторического вопроса, по мнению Н.Н. Кохтева, состоит в том, что он не требует ответа, поскольку оратор либо полагает, что этот ответ очевиден для аудитории, либо не стремится получить ответ, использует вопрос в качестве введения для ответа, который он даст сам. В этом случае конструкция (вопросительное предложение), которая имеет типичное предназначение (побуждение к ответной реплике), используется нетипично, не так, как это делается обычно [10, с. 11].

В современных работах по риторике сохраняется актуальность исследования риторического вопроса, который является одним из сильных и эффективных фигур речи. И.А. Стернин указывает, что риторический вопрос хорошо воспринимается на слух, а его эффективность особенно высока в состоянии напряженного ожидания, «когда аудитория эмоционально возбуждена». Использование риторического вопроса «ненавязчиво навязывает» нужную идею [14, с. 69].

Свою точку зрения на риторический вопрос дает В.И. Андреев в книге «Деловая риторика»: «Риторический вопрос – это вопрос, побуждающий к размышлению и не требующий конкретного ответа от кого-либо. Риторические вопросы ораторы часто используют для того, чтобы побудить слушателей к размышлению в нужном направлении для оратора» [1, с. 74].

Г.Г. Хазагеров и И.Б. Лобанов пишут, что риторический вопрос нередко используется, если говорящий по каким-либо причинам не может или не хочет высказать мысль прямо, хотя нуждается в том, чтобы аудитория поняла, что он хочет сказать [15, с. 36].

Таким образом, отечественные ученые-языковеды рассматривают риторический вопрос как фигуру речи, не требующую ответа на поставленный вопрос, придающую утверждению или отрицанию вопросительную форму для создания определенного стилистического эффекта, привлечения внимания к теме или явлению и повышения эмоционального тона всего высказывания.

Библиографический список

1. Андреев В.И. Деловая риторика. М., 1993.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. М., 1998.
3. Арнольд И.В. Стилистика, современный английский язык: учебник для ВУЗов. М., 2002.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / Советская энциклопедия. М., 1996.
5. Бердник Л.Ф. Риторический вопрос как экспрессивное средство. М., 1989.
6. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. М., 2003.
7. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 2012.
8. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2010.
9. Жинкин Н.И. Язык – Речь – Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М., 1998.
10. Кохтев Н.Н. Стилистика рекламы: учебно-методическое пособие для студентов факультетов и отделений журналистики государственных университетов. М., 2011.
11. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. Л., 1960.
12. Линдстрем Е.Н. Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели. М., 2003.
13. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учебное пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей филологов. М., 2001.
14. Стернин И.А. Практическая риторика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2008.
15. Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика. М., 2004.
16. Цицерон Марк Туллий. Речи / пер. Первой речи против Луция Сергия Катилины – В.О. Горенштейна. М., 1962.

К.В. Шнякина

кандидат филологических наук, старший преподаватель 32 кафедры
английского языка (основного)
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ
E-mail: research2021@mail.ru

Е.В. Леонидова

преподаватель 32 кафедры английского языка (основного)
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ
E-mail: research2021@mail.ru

УДК 159.9

doi: 10.52470/2619046X_2023_3_73

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ, ПРОЯВЛЯЮЩИЕСЯ ПРИ АДАПТАЦИИ В РАЗНЫХ ФАЗАХ ПАНДЕМИИ

Е.В. Бахадова, О.Д. Беляева

Аннотация. В статье обсуждается проведенное исследование психологических особенностей личности, проявляющихся при адаптации личности к пандемии «COVID-19». Выделены три фазы пандемии: активная фаза (2020 год), пассивная фаза (2021 год) и фаза снятия ограничений (2022 год), где в каждой из фаз протекания выявляется уровень адаптации и уровень тревожности населения.

Ключевые слова: психологические особенности личности, адаптация, тревожность, фазы пандемии.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE INDIVIDUAL, MANIFESTED DURING ADAPTATION IN DIFFERENT PHASES OF A PANDEMIC

E.V. Bakhadova, O.D. Belyaeva

Abstract. The article discusses the study of psychological characteristics of personality, manifested during the adaptation of personality in the pandemic «COVID-19». Three phases of the pandemic have been identified: the active phase (2020), the passive phase (2021) and the phase of lifting restrictions (2022), where the level of adaptation and the level of anxiety of the population are revealed in each of the phases.

Keywords: psychological characteristics of personality, adaptation, anxiety, pandemic phases.

Актуальность темы исследования связана со значительными трансформациями времени, социального и личного пространства человека в период, начавшейся для нас с 2020 г. и до сегодняшнего дня. Пандемия коронавирусной инфекции, ставшая цивилизационным вызовом для всего мира, оказалась в центре внимания биологов, медиков, психологов, экономистов, социологов, найдя свое отражение в многочисленных исследованиях. Перед психологическим сообществом встал вопрос о положении человека и его трудностях, его самочувствии, адаптации и качестве жизни в новых условиях. Выявить и проследить изменения, связанные с разворачивающейся проблемной и не стабильной, то нарастающей, то утихающей эпидемиологической ситуацией, проследить изменения отношений человека к условиям пандемии, его социальной адаптацией оказалось крайне важным, в связи с необходимостью и организации психологической помощи в условиях неопределенности, и постоянно возникающими реакциями на опасность для человека.

Будучи достаточно сложным социальным процессом, адаптация включается в разные грани жизни человека. Если рассматривать адаптацию как процесс, то она подразумевает под собой приспособление личности или социальной группы, попавшей в трудную жизненную ситуацию, к реальной, социальной среде. Социальная адаптация – процесс приспособления личности или социальной группы к новой среде жизнедеятельности путем активного ее усвоения [5], что понимается как перестройка психики индивида под воздействием объективных факторов окружающей среды, а также способность без ощущения внутреннего дискомфорта и без конфликта со средой уметь приспосабливаться к различным требованиям данной среды [2]. Все это свидетельствует о том, что именно адаптация является одним из самых важных психологических процессов в период пандемии.

Человеку в период пандемии приходилось принимать непривычные решения по организации своей жизни, быта и работы, сталкиваясь с новой ситуацией, сложившейся вокруг. Но каждый человек обладает уникальными психологическими особенностями и по-особенному проходит адаптацию, хотя условия, зачастую диктуют некоторые общие тенденции для способности к выживанию. Психологические особенности личности – это «обобщенное понятие, которое включает в себя направленность личности, особенности мотивационной, волевой, эмоциональной сфер, характера, темперамента, познавательной деятельности, стереотипы поведения и эмоционального реагирования». Широкое распространение данное понятие получило в современной психологии и медицине, направленной на изучение личности человека, впервые же понятие «индивидуально-психологические особенности» употребил Френсис Гальтон в конце XIX в. [1].

Необходимо также принимать во внимание эмоциональный компонент психологической сферы личности. Тревога стала одной из центральной из характеристик данной сферы в этот период, проявляя себя как психологическая характеристика личности. Тревожность – это индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека часто переживать сильную тревогу по относительно малым поводам», которая рассматривается либо как личное образование, либо как связанная со слабостью нервных процессов особенность темперамента, либо как и то, и другое одновременно [4].

За период пандемии было немало исследований, направленных на изучение эмоциональных проблем населения страны. Это такие работы, как: «Опрос о психологических особенностях переживания неопределенности пандемии COVID-19» И.Г. Скотникова, П.И. Егорова, Ю.Л. Дубинской и Л.С. Жиганова, работа М.А. Падун, поднимающая такую важную тему, как «COVID-19: риск психической травматизации среди медицинских работников». Вопросом развития аффективной сферы в условиях пандемии задавались Н.Е. Харламенкова, Д.А. Никитина, Ю.В. Быховец и др. [3].

В данном исследовании для того, чтобы проследить динамику изменений в ходе пандемии, динамику тенденций в развитии эмоциональных состояний и динамику самоотношения человека, были выделены этапы проявления пандемии коронавирусной инфекции, которые можно условно разделить на несколько фаз или периодов протекания: активная фаза, пассивная и фаза снятия ограничений. Данные фазы были выделены на основании изменений в социальной сфере нашей жизни, а именно: ограничение в передвижении, продление карантина или полное его снятие, изменения в учебной деятельности – введение дистанционного обучения и т.д.

Активная фаза пандемии связана с ее вторжением в общественную жизнь, когда достаточно быстро из привычного образа жизни населению пришлось перейти к соблюдением мер предосторожности по заражению, начиная с марта 2020 г.: ношение средств индивидуальной защиты (СИЗ), ограничение перемещений, включая общественный транспорт и блокировку социальных карт), измерение нормы температурного режима, закрытие границ

и перелётов. Все эти нюансы достаточно стремительно вошли в нашу жизнь. Высокий процент заражаемости, неизвестность и от ситуации, и от болезни в целом, – всё это привело к активным разработкам вакцины и к карантину, а точнее – к переходу на удаленную работу из дома и дистанционное обучение школьников и студентов средних специальных и высших учебных заведений. Так можно охарактеризовать активную фазу пандемии.

Следующий этап – это **пассивная фаза**. Ее период пришелся на лето и осень 2021 г. Началось постепенное снятие ограничений, перчатки стали необязательны в общественном транспорте, частично сохранялись удаленные форматы работы и обучения, работодателям было разрешено часть сотрудников оставить в дистанционном формате в сочетании с возвращением к обычному режиму занятости. В эту фазу общая эпидемиологическая картина не становилась принципиально лучше, однако пошла положительная тенденция в связи с введением вакцины в оборот. Активная вакцинация населения начала положительно влиять на психологическое состояние населения, но по-прежнему оставалось чувство неопределённости. Отчасти новый вирус становился привычным, но прогноз по-прежнему оставлял всех в неизвестности.

Последним этапом мы считаем **фазу снятия ограничений**. Этот период начался с конца января – начала февраля 2022 г. Полностью были сняты любые ограничения, всё возвращалось в привычный ритм жизни, дистанционное обучение снималось, как и средства индивидуальной защиты, хотя пандемия еще окончательно не была побеждена.

Целью исследования стало изучение психологических особенностей личности, проявляющихся при адаптации в разных фазах пандемии. Объектом исследования стала социальная адаптация личности, предметом исследования – уровень тревожности личности при адаптации в разных фазах пандемии. Гипотезами исследования выступили следующие предположения:

- с каждой фазой пандемии уровень адаптации личности будет повышаться;
- уровень тревожности личности будет значительно выше в активную фазу пандемии;
- уровень тревожности личности будет взаимосвязан с уровнем её адаптации.

В исследовании приняли участие 44 испытуемых в возрасте от 18 до 23 лет, которые исследовались три раза, в разные фазы пандемии: с марта 2020 г. по февраль 2022 г. Задачи разделения респондентов в группе по полу поставлено не было.

Изучение психологических особенностей личности, проявляющихся при адаптации в разных фазах пандемии, было выстроено следующим образом: все респонденты отвечали на вопросы двух методик три раза – на каждом этапе исследования. Был использован следующий психодиагностический инструментарий: тест «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджер и Р. Даймонд, который позволил определить интегральный уровень адаптации личности; «Тест Тревожности» Ч.Д. Спилберга (в адаптации Ю.Л. Ханина), позволивший определить состояния личностной и ситуативной тревожности, где личностная тревога (личностная тревожность) – это оценка в стабильных аспектов личности, то есть её склонность к беспокойству, оценка чувства спокойствия, безопасности и уверенности; ситуационная тревога (ситуативная тревожность) – это оценка текущего состояния тревоги, которое измеряет, как себя чувствует респондент в данную минуту, прямо сейчас, оно использует субъективные чувства, такие как страх, нервозность, напряжение, беспокойство.

Группа статистических методов выявляла значимые различия и корреляционные связи и представлена следующими инструментами: *T*-критерием различий Вилкоксона, для двух измерений связной выборки испытуемых; *f*-критерий Фридмана, для трех измерений связной выборки испытуемых; коэффициент корреляции Пирсона. Различия считались достоверными при уровне значимости $N \leq 0,05$.

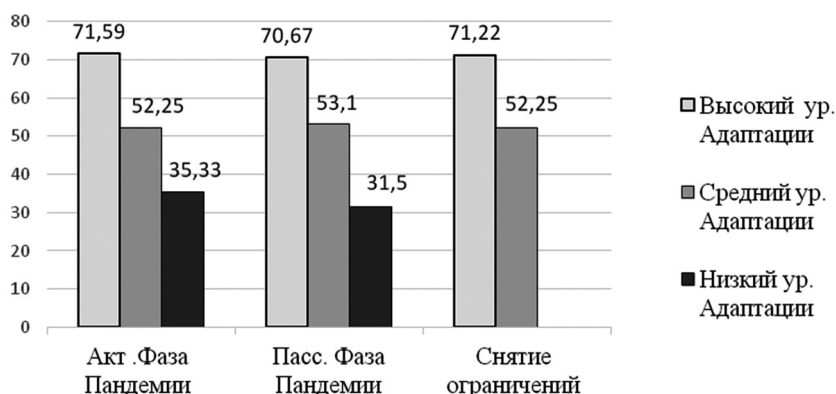


Рисунок 1. Соотношение уровней интегрального уровня адаптивности респондентов по группам адаптации в каждой фазе пандемии

Полученные данные по выборке показали, что уровень адаптации от фазы к фазе менялся, были выделены несколько групп по уровню адаптации: **группа с более высоким уровнем адаптации, группа со средним уровнем адаптации и группа с более низким уровнем адаптацией** (рисунок 1). Обращает на себя внимание тот факт, что средние показатели у группы с более высоким уровнем адаптации примерно одинаковые в каждую из фаз пандемии (70,67, 71,22 и 71,59 баллов), такая же картина и у группы со средним уровнем адаптации (52,25 и 53,1 баллов). Группа же респондентов с пониженным уровнем адаптации показывает самый низкий уровень в пассивную фазу пандемии. (3,5 и 35,33 баллов) и чуть выше в активную фазу. Но при этом такая группа отсутствует в фазу снятия ограничений. Статистические значимые различия (T -критерием различий Вилкоксона на уровне значимости $p \leq 0,01$) между высоким и низким уровнем адаптации наблюдается во всех фазах развития пандемии (рисунок 1).

Если обратить внимание на распределение респондентов в этих группах, то можно заметить, что в пассивную фазу наибольшее количество респондентов (14%) имеет низкую адаптацию. После активной фазы пандемии падает количество респондентов с высоким уровнем адаптации (с 55% до 40%), как и количество оптимистов, и возрастает количество пессимистов. Тогда как наибольшее количество высокого уровня адаптации показывают те же самые респонденты в фазу снятия ограничений, они составляют уже 82 %, а также прослеживается полное отсутствие группы с низким уровнем адаптации. Эта неожиданная ситуация, такой резкий сдвиг, свидетельствует о том, что респонденты адаптировались к третьей волне пандемии, внешние условия при снятии всех ограничений были знаком освобождения и переключения внимания с пандемии на другие объекты (рисунок 2).



Рисунок 2. Распределение респондентов в процентном соотношении по уровню адаптации в разные фазы пандемии

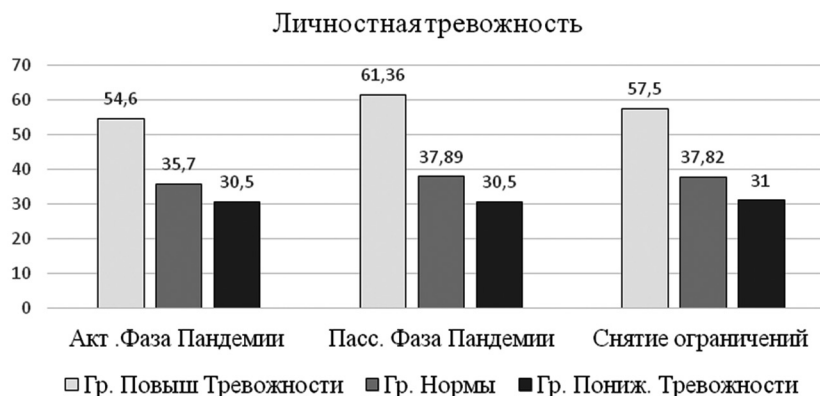


Рисунок 3. Показатели уровня личностной тревожности у респондентов в разные фазы пандемии

Таким образом, первая гипотеза о том, что с каждой фазой пандемии уровень адаптации личности будет повышаться, доказана частично, так как ко второй пассивной фазе она снизилась, но затем в динамике, к третьей фазе, мы видим ее повышение.

Далее были выделены результаты личностной и ситуативной тревожности по каждой из фаз пандемии и сравнены с уровнем адаптации в каждый период, что можно наблюдать на рисунках 3 и 4.

Рисунки отражают изменения по ситуативной и личностной тревожности в каждую фазу пандемии, где респонденты разделены на группы по уровню тревожности: «повышенной», «нормативной» и «пониженной» тревожности. Важно обратить внимание на то, что личностная тревожность так же, как и ситуативная тревожность, в период пассивной фазы увеличивались. Такие показатели можно объяснить тем фактором, что на период (примерно октябрь 2021 г., когда началось холодное время года и третья волна пандемии) было много неизвестных факторов. Вставал вопрос: вернется ли дистанционное обучение и работа, будут ли внесены изменения по передвижению на транспорте (нужны ли будут маски и перчатки) и т.д. В тот момент фокус внимания был смещен на себя и своё личностное отношение, переживание данной ситуации, из этого вытекает повышенная личностная тревожность, но из-за неоднозначности ситуации и ситуационная тревожность также повышалась. Между всеми показателями были обнаружены значимые различия ($f \leq 0,01$).



Рисунок 4. Показатели уровня ситуативной тревожности у респондентов в разные фазы пандемии

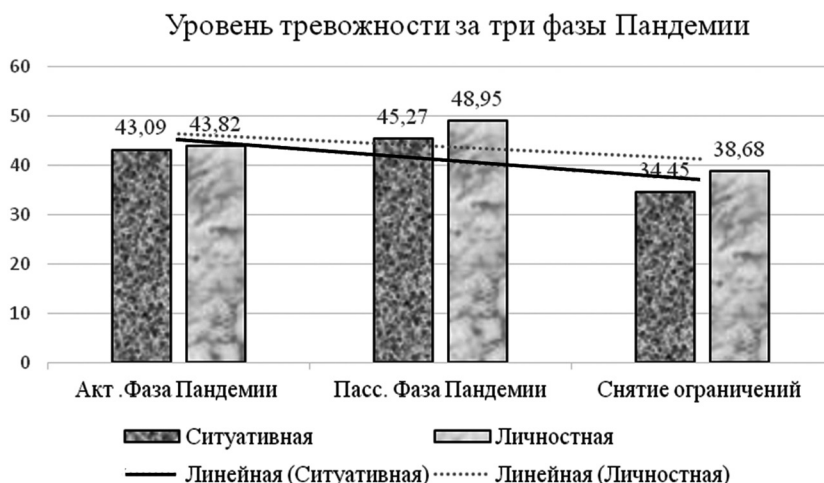


Рисунок 5. Показатели уровня ситуативной и личностной тревожности респондентов в разные фазы пандемии

Были выведены обобщенные показатели уровня ситуативной и личностной тревожности за все три фазы пандемии. Исследование показывает, что уровень тревожности в динамике от активной фазы к пассивной фазе пандемии увеличивается, в особенности личностная тревожность (рисунок 5). Подобное положение объясняется такими условиями того периода, как неопределённая ситуация социальной среды и личностные переживания во второй волне заболевания, связанные с определенным полученным опытом первой волны, а также переживания, насколько «работает» вакцинация, стоит ли ею пользоваться, нужна ли последующая повторная вакцинация и т.п.

Однако в период снятия ограничений уровень тревожности – как ситуативной, так и личностной – сильно падает. Наблюдаются значимые различия между всеми тремя показателями личностной тревожности ($f \leq 0,026$) и показателями ситуативной тревожности ($f \leq 0,021$). Механизм снижения тревоги, по всей видимости, как и в случае с повышением уровня адаптации, связан со снижением напряженности в обществе. Таким образом, вторая гипотеза о том, что уровень тревожности личности будет значительно выше в активную фазу пандемии, оказалась опровергнутой, так как наиболее высокий уровень тревожности, как ситуативной, так и личностной, пришёлся на пассивную фазу пандемии.

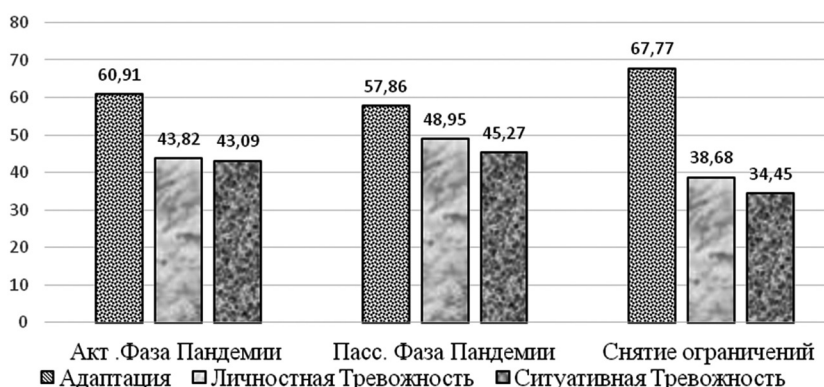


Рисунок 6. Соотнесение уровней адаптации, ситуативной и личностной тревожности в разные фазы пандемии

Далее мы соотнесли уровни ситуативной и личностной тревожности и адаптации в разные фазы пандемии (рисунки 6).

Каждая фаза имеет свое соотношение уровня адаптации и уровня тревожности, полученные данные наглядно показывают обратную взаимосвязь между уровнем адаптации и уровнем тревожности: чем выше адаптация, тем ниже тревожность, и наоборот. В последнюю фазу, при снятии ограничений, это расхождение показало себя наиболее ярко: при более низкой тревожности люди легче адаптируются, приспосабливаются к социальным условиям. Используя коэффициент корреляции Пирсона, была выявлена отрицательная взаимосвязь между интегральным показателем адаптации и ситуативной и личностной тревожностью в целом (таблица 1). Наиболее яркие результаты отмечаются в последнюю фазу пандемии, при снятии всех ограничений, где $r=0,000^{**}$ и $r=0,05^{*}$.

Полученные данные позволили доказать третью выдвинутую гипотезу, гласившую, что чем выше уровень адаптации испытуемых, тем ниже уровень тревожности, что описывается обратной корреляционной связью показателей.

Таблица 1

Взаимосвязь между всеми уровнями личностной и ситуативной тревожности и уровнями адаптации в разные фазы пандемии, выделенная с помощью коэффициента корреляции Пирсона

<i>Pearson Correlation</i>	<i>Активфаза Личност. Тр</i>	<i>Пассивфаза Личност. Тр</i>	<i>Снятиефаза Личност. Тр</i>	<i>Активфаза Ситуат. Тр</i>	<i>Пассивфаза Ситуат. Тр</i>	<i>Снятиефаза Ситуат. Тр</i>
Активная фаза Адаптация	–,802** ,000	–,766** ,000	–,583** ,004	–,754** ,000	–,613** ,002	–,518* ,013
Пассивная фаза Адаптация	–,802** ,000	–,754** ,000	–,581** ,005	–,762** ,000	–,596** ,003	–,491* ,020
Снятие огр. Адаптация	–,831** ,000	–,746** ,000	–,575** ,005	–,767** ,000	–,612** ,002	–,469* ,028

Таким образом, было проведено исследование психологических особенностей личности, проявляющихся при адаптации личности в пандемию «COVID-19», выделены три фазы протекания адаптации в условиях пандемии: в активную фазу (2020 г.), пассивную фазу (2021 г.) и в фазу снятия ограничений (2022 г.). Выявлено, что с каждой последующей фазой пандемии уровень адаптации имеет общую динамику к повышению, но этот процесс не протекает линейно, а зависит от социальных условий, потому выдвинутая гипотеза о повышении уровня адаптации со временем движения пандемии будет повышаться доказана частично. Аналогично доказано, что уровень тревожности не имеет линейной зависимости, и не имеет наибольшего значения в активную фазу пандемии, что опровергает выдвинутую гипотезу, и так же указывает на обусловленность такой особенности социальной ситуацией, развивающейся в пассивную фазу пандемии. И только утверждение о том, что уровень тревожности личности будет взаимосвязан с уровнем её адаптации, оказалось верным, так как обнаружена повсеместная обратная корреляционная связь между этими показателями.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что социальная ситуация и ее восприятие населением имеет не менее важное значение, наряду с эпидемиологической обстановкой, для формирования психологических особенностей и реагирования личности на в условиях пандемии.

Библиографический список

1. Двинин А.П., Романченко И.А. Психодиагностика. СПб., 2015.
2. Проблемы социальной психологии личности. Саратов, 2008.
3. Скотникова И.Г., Егорова П.И., Огаркова (Дубинская) Ю.Л., Жиганов Л.С. Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии covid-19 // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2.
4. Хорни К. Тревожность // Собрание сочинений: в 3 т. М., 1997. Т. 2.
5. Циткилов П.Я. Технология социальной работы: учебное пособие для вузов. М., 2011.

Е.В. Бахадова

кандидат психологических наук

доцент кафедры психологи и педагогики образования

Институт психологии им. Л.С. Выготского

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

E-mail: bach-ev@ mail.ru

О.Д. Беляева

Институт психологии им. Л.С. Выготского

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

E-mail: belyaevaolia@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ АКУСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ГОЛОСА, ОКАЗЫВАЮЩИХ ГАРМОНИЗИРУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ЧЕЛОВЕКА

А.В. Данилов, Е.Ш. Давиденкова-Хмара

Аннотация. Изучение возможностей голоса человека как инструмента его психофизиологической трансформации находится на начальном этапе развития, будучи перспективным научным направлением. Данная статья посвящена исследованию частотных характеристик голоса, оказывающих глубинное терапевтическое воздействие на психику и физиологию человека. Данные о широком спектре воздействия голоса на организм человека может быть использован как в психологии, так и в медицине.

Ключевые слова: психология, психофизиология, музыкальная терапия, арт-терапия, акустика, вокалотерапия, пение, вокал, здоровье, медицина.

RESEARCHING ACOUSTIC CHARACTERISTICS OF VOICE THAT HAVE HARMONIZING INFLUENCE ON HUMAN PSYCHO-PHYSIOLOGICAL SYSTEM

A.V. Danilov, E.Sh. Davidenkova-Khmara

Abstract. The study of the human voice capabilities as a tool of psychological transformation is at the initial stage of development nowadays. Its significant perspectives as a scientific field are definitely clear. This article is devoted to the research of the frequency characteristics of the human voice, which have a deep therapy effect on the human psychology and physiology. A wide range of effects that voice parameters imply on human organisms can be used in both psychology and medicine.

Keywords: psychology, psychophysiology, music therapy, art therapy, voice acoustics, vocal therapy, singing, vocal, health, medicine.

О влиянии музыки на состояние здоровья и психики человека было известно с незапамятных времен. Если первые эксперименты по использованию музыки в качестве инструмента терапии описаны в легендах с огромным числом домыслов, то более поздние исследования этого феномена подтвердили реальность подобного воздействия на все без исключения системы организма человека. Так, Пифагор, излечивший буйствовавшего от любви юношу с помощью спондеической мелодии [18], или знаменитый кастрат Фаринелли, избавивший испанского короля Филиппа V от тяжелой длительной депрессии посредством звучания своего божественного голоса [24], были легитимизированы в качестве эффективных звуко-терапевтов исследованиями, которые получили широкое распространение в XX столетии.

Теоретические работы, описывающие влияние музыки на человека, начали появляться в XIX в. [например, 13], однако серьезную доказательную базу эти эмпирические наблюдения получили уже в наше время, в связи с созданием аппаратуры, способной зафиксировать реакцию физиологических систем человека, испытывающего то или иное звуковое воздействие. Сейчас мы можем обратиться к серьезным научным работам, описывающим разнообразные аспекты такого воздействия. В.Б. Полякова, М.Р. Могендович, Н.Н. Захарова, А.М. Авдеев своими исследованиями подтверждают влияние музыки на физиологические системы человека [14; 16; 19; 20]. А.С. Казаринова [15] и Л.С. Брусиловский [4; 5] доказывают благо-

творное воздействие музыки на психику. Среди зарубежных исследователей этого вопроса можно назвать имена таких ученых, как J. Alvin [25], H. Haschec [29], F. Licul [31], P. Nordoff, C. Robbins [33], M. Priestly [34] и др.

Данный список ни в коей мере нельзя считать полным. Литература о разнообразных эффектах воздействия музыки на человека насчитывает несколько сотен томов, и эта внушительная библиотека каждый год пополняется значительными трудами, содержащими новые открытия. В наше время звукотерапия является общепризнанным фактом, имеющим под собой прочную научную основу. Однако в этом, казалось бы, хорошо изученном вопросе, существует один недостаточно освещенный нюанс, своего рода *terra incognita* на карте музыкальной терапии.

Дело в том, что музыкотерапия описывает эффекты стороннего воздействия на психику, когнитивные способности и состояние здоровья человека, когда источник звука находится вне его тела. А между тем, существует еще один источник звука, который всегда находится с человеком и который можно использовать в любой момент времени – его собственный голос. Можно посчитать невниманием к такому потенциально ценнейшему ресурсу недальновидным пренебрежением, однако в этом вопросе все не так просто, как кажется на первый взгляд.

Круг ученых, исследующий влияние музыки на человека, потенциально широк. Музыковеды, психологи и физиологи, имеющие достаточный уровень эрудиции на стыке этих наук, способны эффективно работать на ниве музыкальной терапии. Вокал представляет собой очень специфическую область знаний, не имеющую до сих пор единой общепризнанной теории голосообразования, что не мешает певцам-практикам создавать величайшие шедевры вокального искусства. Чудо человеческого голоса настолько объемно и многогранно, что объяснить даже какие-то отдельные его аспекты только научным языком не представляется возможным. Певцы и вокальные педагоги работают в строго ограниченной области воспитания вокалистов, не имея никакой нужды в экстраполировании своих знаний на более широкую аудиторию, да еще и с призрачно выглядящими терапевтическими целями.

К счастью, из этого правила все-таки существуют исключения. В.П. Морозов – создатель теории резонансного пения, которую мы считаем наиболее полной и актуальной теорией голосообразования на сегодняшний день, – являлся не только биологом по образованию, но и певцом-любителем, знавшим не понаслышке «вокальную кухню». И хотя большинство его работ было посвящено нюансам звукоизлучения и слухового восприятия, он также описывал некоторые аспекты воздействия голоса на психику и здоровье человека [17; 32]. С.В. Шушарджан – бывший солист Большого театра и врач по первой профессии, – после завершения вокальной карьеры сосредоточился на изучении влияния голоса на состояние здоровья. Его исследования доказали безусловное влияние работы с голосом на физиологические системы организма человека и привели к созданию нового научного направления – вокалотерапии [21–23].

Один из авторов данной статьи также является профессиональным певцом и вокальным педагогом, заметившим безусловное гармонизирующее воздействие работы с голосом на психофизиологию человека. Годы исследования данного вопроса позволили создать целостную концепцию влияния голосовых техник на состояние психики и здоровья, теоретические аспекты которой отражены в монографиях и статьях [9–12].

Однако, даже при достаточно ясном понимании психофизиологических механизмов настройки голоса и использовании его в качестве инструмента коррекции деструктивных психофизиологических паттернов, остается открытым вопрос технических характеристик голоса, которые он приобретает в процессе специальной настройки и которые, в дальнейшем, являются наиболее значимыми факторами терапии. В данной статье, посвященной исследованию изменений параметров голоса в процессе настройки на естественную частоту его звучания, которая и производит то воздействие на состояние здоровья и психики человека, которые были зафиксированы в процессе нашей работы, мы постараемся устранить этот пробел.

Теоретической основой данного исследования является концепция А.В. Данилова о наличии в голосе каждого человека, вне зависимости от его природной вокальной одаренности, специфических частот, наиболее полно соответствующих его психофизиологической индивидуальности. Это ограниченный диапазон его голоса в среднем регистре, в котором голос приобретает такие характеристики, как насыщенность тембра обертонами, звучность, полнота и т.д., в определенной степени соответствующие параметрам звука профессионального вокалиста. Необходимо понимать, что в данном случае речь не идет о звуке, пригодном для вокальной деятельности, хотя, в принципе, при достаточном количестве времени, в отдельных случаях его можно развить до приемлемого профессионального уровня. Сейчас мы рассматриваем голос обычного человека, свободный от мышечных зажимов и звучащий в наиболее комфортном для себя регистре, диапазоном в терцию или кварту.

Данная концепция перекликается с концепцией «примарного тона», характерного для немецкой вокальной школы, согласно которой, при обучении певца необходимо опираться на те несколько нот в диапазоне его голоса, которые звучат максимально естественно. И хотя мы имеем дело с голосами людей, до этого использовавших данный инструмент только при речевом общении, можно признать, что принцип «примарного тона» имеет универсальный характер. Во избежание путаницы с чисто вокальным термином А.В. Данилов назвал этот феномен Индивидуальной Частотой Тембра (ИЧТ) и далее в статье он будет использоваться под этим названием.

Механизм глубинного гармонизирующего психофизиологического воздействия ИЧТ является комплексным, включающим все значимые сферы жизнедеятельности человека. Для того, чтобы получить такой звук, человеку необходимо достичь оптимального уровня мышечного расслабления, синхронизировать между собой подачу дыхания, распространение в теле звуковой волны и насыщенность тембра обертонами, и поддержать эти достаточно детерминированные параметры такой эфемерной субстанции, как эмоции. Без идеального совпадения всех этих компонентов, голос человека никогда не зазвучит мощно и свободно. Профессиональный певец может издать такой звук, даже имея широкий спектр психофизиологических блоков и зажимов, но для обычного человека, никогда не занимавшегося вокальным творчеством, такой результат достижим только при оптимизации физиологических и эмоциональных компонентов, наиболее полно соответствующей его природной психофизиологической конституции.

В исследовании принимали участие 14 человек (9 женщин и 5 мужчин). Для выявления наиболее полной картины нюансов настройки голоса к исследованию нами были привлечены одна профессиональная певица и четверо профессиональных музыкантов-инструменталистов, никогда не пробовавших себя на вокальном поприще, но имеющих солидную музыкальную подготовку. Все остальные участники эксперимента никогда не сталкивались с музыкальным творчеством даже на любительском уровне. Возраст участников – от 32 до 65 лет.

Запись производилась в условиях профессиональной студии, дабы избежать естественной реверберации обычного жилого помещения. Часть участников была записана с помощью микрофона ART M-ONE, другая группа испытуемых записывалась с помощью микрофона Rode K2.

Процедура эксперимента заключалась в следующем: каждый участник исследования протяжно фонировал поочередно гласные *А, О, Ы*, согласные *С* и *З* и фразу «*Какой прекрасный день*». Эта фраза исполнялась приемом мелодекламации, представляющей собой средний вариант между пением и разговором с использованием звуковысотности диапазоном от терции до квинты. Далее испытуемый проговаривал эту фразу в обычной разговорной манере.

Затем А.В. Данилов настраивал голос каждого участника исследования на ИЧТ в течение 7–10 минут, и следовал этап записи тех же звуков, но уже в новообретенном качестве. Мы сознательно ограничили время работы с каждым участником эксперимента, так как более длительная работа запускает психофизиологические процессы, которые переносят акцент с собственно

звука в сферу психики. Таким образом, данное исследование сконцентрировано только на изучении технических параметров изменения голоса человека в процессе настройки на ИЧТ.

После завершения записи эти данные расшифровала и проанализировала Е.Ш. Давиденкова-Хмара с помощью профессиональной аппаратуры.

В процессе акустического исследования были изучены звуковые стимулы, представляющие собой фонограммы образцов голоса реципиентов до и после настройки на ИЧТ. Спектральный анализ был проведен в ряде специальных программ, таких как Audacity, Spear, Wave Lab и Spectrlab. Сопоставив положения резонансной теории пения В.П. Морозова [32] и фундаментальные представления о звукообразовании голоса, представленные в трудах [26–28; 35–37], с результатами акустического анализа, можно уверенно говорить об убедительности подхода А.В. Данилова к раскрытию ИЧТ и выявлению индивидуальных параметров тембра голоса у участников исследования.

Обобщив полученные данные, можно констатировать, что после проведенной настройки в спектре голоса участников увеличивалась спектральная энергия, в результате чего выявлялись формантные зоны, особенно зона низкой певческой форманты, что приводило к повышению яркости, ясности и полноты голоса и позволяло раскрыть индивидуальные характеристики тембра. В фонограммах, записанных после настройки, можно обнаружить формирование иного алгоритма распределения дыхания, возникновение дыхательной опоры и, благодаря этому, высвобождение резонансных ресурсов гортани.

Результаты многочисленных исследований процессов речеобразования, обобщенные в труде Г. Фанта [27], показали, что полость гортани является естественным резонатором для речевых гласных, своего рода фильтром и усилителем высокой формантной зоны, фокусирующейся в диапазоне от 3000 до 5000 Hz. Во всех проанализированных образцах, записанных после проведенного с реципиентами комплекса упражнений, выявляется энергетический подъем в данной зоне, внутри которой наблюдаются резонансные пики, свидетельствующие о формировании в спектральной картине высокой певческой форманты. Так как высокая певческая форманта – это индивидуальный параметр спектра, данные резонансные локусы в высокой формантной зоне имеют разные числовые характеристики, в зависимости от природы голоса каждого из участников эксперимента, что подтверждает концепцию А.В. Данилова о значении ИЧТ для раскрытия индивидуальных тембральных ресурсов голосового спектра.

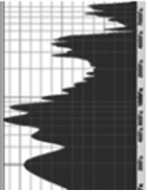
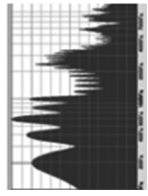
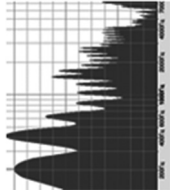
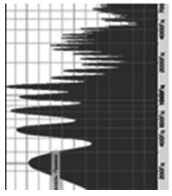
Акустический анализ лишь опосредованно может охарактеризовать эмоциональные параметры речи, зафиксированные фонограммой. Тембр как самая субъективная характеристика звука имеет многомерную природу [8], и одним из наиболее важных свойств тембровой природы звукового объекта является комплексная флюктуация стабильных характеристик, таких как звуковысотные координаты, артикуляционные и динамические нюансы, энергетическая плотность и насыщенность амплитудно-частотного комплекса всех парциалов. Сопоставление таких видов спектрального анализа, проведенных в ходе исследования, как расчёт распределения спектральной энергии, выявление алгоритмов частотной модуляции, определение резонансных зон, позволяют предположить, что в результате настройки голоса на ИЧТ возникает осознанная корреляция между контролем тембра и эмоциональным самоощущением. Более того, и на слушателя индивидуализированный тембр голоса, записанный после настройки, оказывает более сильное воздействие, включает эмоциональную эмпатию и усиливает концентрацию процесса прослушивания. Эти данные были нами получены в результате слухового опроса 12 реципиентов, в число которых вошли мужчины и женщины от 23 до 37 лет. Им было предложено вербально охарактеризовать тембры до и после настройки на ИЧТ, фрагменты были выбраны программой на основе алгоритма искусственного интеллекта, полностью случайно, без участия ведущего. Наиболее частыми характеристиками голосов после настройки ИЧТ были: *яркий, ясный, открытый, уверенный, звонкий*.

Объективные характеристики спектров до и после настройки представлены в *таблице 1*.

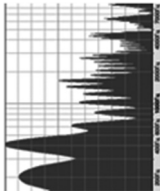
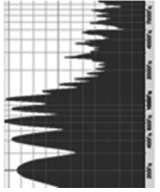
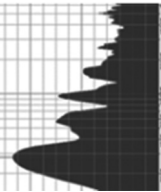
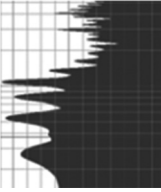
Таблица 1

Объективные характеристики спектров голоса

Реципиент	Спектр активная зона на звуке «А» до	Спектр активная зона на звуке «А» после	НПФ до	НПФ после	ВПФ до	ВПФ после	Индивидуальность тембра до	Индивидуальность тембра после	Стабильность тона до	Стабильность тона после
А 1969 г.р., ж.п.	190–2000 Hz С высшими формантами до 5200 Hz	190–4600 Hz С высшими формантами до 6800 Hz	Область 380 Hz Выражена слабо	Область 400 Hz Область подъема	3000 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	3200 dB Яркий резонансный подъем	Резко выражены формантные зоны, слабое раскрытие обертонов, низкое распределение высокочастотной энергии	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ	Нет ровности дыхания, нет стабильности опры, звуковысотность неточная	Ровно по дыханию с опорой на низкую спектральную зону, звуковысотная стабильность
В 1965 г.р., м.п.	170–3500 Hz С высшими формантами до 6100 Hz	150–4200 Hz С высшими формантами до 7200 Hz	Область 310 Hz Выражена слабо	Область 350 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	2200 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	2300 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Резко выражен резонанс в середине активной зоны, гармоника выражены слабо, низкое распределение высокочастотной энергии	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, долгий спад после ВПФ	Нестабильная звуковысотность, неконтролируемое вибрато, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковысотность, стабильность тембра

Реципиент	Спектр активная зона на звуке «А» до	Спектр активная зона на звуке «А» после	НПФ до	НПФ после	ВПФ до	ВПФ после	Индивидуальность тембра до	Индивидуальность тембра после	Стабильность тона до	Стабильность тона после
С 1957 г.р., ж.п.	230-3800 Hz С высшими формантами до 6000 Hz	200-4200 Hz С высшими формантами до 7250 Hz	Область 450 Hz Выражена слабо	Область 460 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	3400 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	3500 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Явные провалы между формантами, низкое распределение высокочастотной энергии 	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, долгий спад после ВПФ 	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра
D 1959 г.р., ж.п.	200-3200 Hz С высшими формантами до 5800 Hz	200-7000 Hz С высшими формантами до 7000 Hz	Область 330 Hz Выражена слабо	Область 340 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	3500 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	3500 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Спектр идет на энергический спад после второй формантной зоны, низкое распределение высокочастотной энергии 	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, подъем после зоны ВПФ 	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра

Реципиент	Спектр активная зона на звуке «А» до	Спектр активная зона на звуке «А» после	НПФ до	НПФ после	ВПФ до	ВПФ после	Индивидуальность тембра до	Индивидуальность тембра после	Стабильность тона до	Стабильность тона после
Е 1970 г.р., ж.п.	180–2900 Hz С высшими формантами до 6100 Hz	180–6200 Hz С высшими формантами до 7200 Hz	Область 370 Hz Выражена слабо	Область 350 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	4800 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	4800 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Резко выражены в активной зоне, гармоники выражены слабо, низкое распределение высокочастотной энергии	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, яркий подъем после ВПФ	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра
Ф 1955 г.р., ж.п.	220–2800 Hz С высшими формантами до 5900 Hz	190–4500 Hz С высшими формантами до 6800 Hz	Область 330 Hz Выражена слабо	Область 330 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	3700 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	3700 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Резко выражен резонанс в середине активной зоны, гармоники выражены слабо, низкое распределение высокочастотной энергии	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, долгий спад после ВПФ	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра

Реципиент	Спектр активная зона на звуке «А» до	Спектр активная зона на звуке «А» после	НПФ до	НПФ после	ВПФ до	ВПФ после	Индивидуальность тембра до	Индивидуальность тембра после	Стабильность тона до	Стабильность тона после
G 1958 г.р., ж.п.	200–3500 Hz С высшими формантами до 5100 Hz	200–5900 Hz С высшими формантами до 7700 Hz	Область 290 Hz Выражена слабо	Область 290 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	3400 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	3500 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Резко выражены резонансы в середине активной зоны, гармоники выражены слабо, низкое распределение высокочастотной энергии 	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, долгий спад после ВПФ 	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра
H 1978 г.р., ж.п.	200–3200 Hz С высшими формантами до 6100 Hz	150–4200 Hz С высшими формантами до 7200 Hz	Область 310 Hz Выражена слабо	Область 350 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	2200 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	2300 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Резко выражен резонанс в середине активной зоны, гармоники выражены слабо, низкое распределение высокочастотной энергии 	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, появление ярких гармонических подъемов, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, долгий спад после ВПФ 	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра

Реципиент I 1988 г.р., м.р.	Спектр активная зона на звуке «А» до	Спектр активная зона на звуке «А» после	НПФ до	НПФ после	ВПФ до	ВПФ после	Индивидуальность тембра до	Индивидуальность тембра после	Стабильность тона до	Стабильность тона после
	160–3500 Hz С высшими формантами до 6500Hz	160–4300 Hz С высшими формантами до 7200 Hz	Область 300 Hz Выражена слабо	Область 320 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	3800 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	3800 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Резко выражен резонанс в середине активной зоны, гармоники выражены слабо, низкое распределение высокочастотной энергии	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, долгий спад после ВПФ	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра
J 1973 г.р., ж.п.	230–3500 Hz С высшими формантами до 6000 Hz	200–4200 Hz С высшими формантами до 7500Hz	Область 310 Hz Выражена слабо	Область 350 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	4200 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	4300 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Резко выражен резонанс в середине активной зоны, гармоники выражены слабо, низкое распределение высокочастотной энергии	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, долгий спад после ВПФ	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра

Реципиент	Спектр активная зона на звуке «А» до	Спектр активная зона на звуке «А» после	НПФ до	НПФ после	ВПФ до	ВПФ после	Индивидуальность тембра до	Индивидуальность тембра после	Стабильность тона до	Стабильность тона после
К 1969 г.р., ж.п.	210–3500 Hz С высшими формантами до 5900Hz	240–4200 Hz С высшими формантами до 7400 Hz	Область 340 Hz Выражена слабо	Область 350 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	4600 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	4700 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Резко выражены резонансы в середине активной зоны, гармоники выражены слабо, низкое распределение высокочастотной энергии	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, подъем и долгий спад после ВПФ	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра
Л 1973 г.р., м.п.	170–3500 Hz С высшими формантами до 6000Hz	160–4100 Hz С высшими формантами до 7200 Hz	Область 300 Hz Выражена слабо	Область 320 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	3200 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	3200 dB Яркий резонансный подъем и выраженная группа формантных обертонов	Резко выражен резонанс в середине активной зоны, гармоники выражены слабо, низкое распределение высокочастотной энергии	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, долгий спад после ВПФ	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра

Реципиент	Спектр активная зона на звуке «А» до	Спектр активная зона на звуке «А» после	НПФ до	НПФ после	ВПФ до	ВПФ после	Индивидуальность тембра до	Индивидуальность тембра после	Стабильность тона до	Стабильность тона после
М 1957 г.р., м.п.	170–2900 Hz С высшими формантами до 6000 Hz	170–4700 Hz С высшими формантами до 7300 Hz	Область 340 Hz Выражена слабо	Область 350 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	3250 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	3300 dB Яркий резонансный подъем и выраженный групповой формантных обертонов	Резко выражены формантные зоны в середине активной зоны, гармоники выражены слабо, низкое распределение высокочастотной энергии	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, долгий спад после ВПФ	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра
Н 1973 г.р., м.п.	170–3500 Hz С высшими формантами до 6100 Hz	160–4200 Hz С высшими формантами до 7200 Hz	Область 340 Hz Выражена слабо	Область 350 Hz Область подъема, выше динамически чем зона фундаментальной частоты	3000 dB Выражен слабо, на треть тише основной зоны спектра	3300 dB Яркий резонансный подъем и выраженный групповой формантных обертонов	Негармоничный спектр, модулирующая спекральная флюктуация, низкое распределение высокочастотной энергии	Повышена общая яркость и гармоничность спектра, заполнена и ярко выражена зона до резонансного подъема в зоне ВПФ, долгий спад после ВПФ	Нестабильная звуковосотность, неконтролируемое вибратор, нет ровности распределения дыхания	Ровность дыхания, более точная звуковосотность, стабильность тембра

В таблице 1 рассмотрены основные параметры тембров голоса и показаны их изменения в процессе постановки эксперимента.

Полученные нами результаты позволяют убедиться в научной значимости концепции А.В. Данилова о наличии в голосе ИЧТ и практической эффективности методов ее настройки. Работа с ИЧТ может стать значимым ресурсом и для психофизиологической настройки организма и для улучшения эстетических характеристик голоса, и для сонастройки человека с его внутренним звуковым камертоном. Возвращаясь к начальной мысли статьи о влиянии музыки на состояние здоровья и психики человека, мы можем дополнить ее следующим выводом – влияя на собственный голос, раскрывая его ресурсы, гармонизуя свою природу с помощью раскрытия ИЧТ, мы получаем эффективный и мощный инструмент для развития тембра, что, в свою очередь, может послужить основой для любых психофизиологических трансформаций личности в целом.

Научный и практический метод работы с голосом по выявлению его форматных ресурсов, который разработан профессором А.В. Даниловым убедительно доказывает чрезвычайную значимость присутствия нижней певческой форманты в спектре голоса для раскрытия потенциалов не только голосового аппарата человека, но и его психофизиологической индивидуальности. Проведенные исследования образцов записей голосов реципиентов до и после упражнений, выполненных согласно рассматриваемой системе, показали, что помимо усиления форматных зон, объёмности и ровности тембровой картины, менялись и такие факторы как характер дыхания (которое становилось более ровным и долгим), усиливалась разборчивость и яркость подачи, уверенность и спокойствие реципиента. Система А.В. Данилова может быть в дальнейшем исследована и с других ракурсов, позволяющих рассмотреть более углубленно влияние метода на психические и физиологические процессы. Также этот метод работы с голосом может быть рекомендован для изучения профессиональными педагогами-вокалистами и самими певцами. Таким образом, сфера дальнейшего изучения и внедрения системы работы с голосом профессора А.В. Данилова может простирается от психологии и медицины до вокального искусства и акустики певческого голоса.

Библиографический список

1. Алдошина П., Приттс Р. Музыкальная акустика: учебник для высших учебных заведений. СПб., 2006.
2. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975.
3. Барабанов Р.Е., Дергачев А.В., Костюшина Е.В. Социально-психолого-педагогический консилиум как форма организации взаимодействия участников социально-психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетнего // Преимущество в образовании. 2020. № 25 (03). С. 20–25.
4. Брусиловский Л.С. Использование музыки при групповом аутотренинге в комплексном восстановительном лечении психических больных // Труды Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института. 1975. Т. 76. С. 97–101.
5. Брусиловский Л.С. О музыкотерапии и реадaptации психических больных // Труды Ленинградского НИИ психоневрологии. 1969. Т. 49. С. 115–123.
6. Давиденкова-Хмара Е.Ш. К вопросу об акустической природе интонирования в горловом пении // Третий международный семинар: язык, музыка и компьютерные технологии. СПб., 2019. С. 46–48.
7. Давиденкова-Хмара Е.Ш. Резонансная теория пения // Современные аудиовизуальные технологии: тезисы XI Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2019. С. 57–59.
8. Давиденкова-Хмара Е.Ш. Тембр как категория современного искусствознания и его значение в практике музыкальной звукорежиссуры: дис. ... кандидата искусствоведения. СПб., 2011.
9. Данилов А.В. Голос человека как инструмент психологической коррекции личности и улучшения социальных коммуникаций. М., 2016.
10. Данилов А.В. Исследование влияния голосовых, дыхательных и телесно ориентированных психологических практик на физиологические системы человека // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2020. № 1. URL: <http://pem.esrae.ru/27-288> (дата обращения: 18.02.2023).
11. Данилов А.В. Психология голосовой трансформации и коррекции личности. М., 2018.

12. Данилов А.В. Психофизиологическая матрица человека. Что управляет нашей жизнью? Ridero, 2021.
13. Догель И.М. Влияние музыки на человека и животных. Казань, 1888.
14. Захарова Н.Н., Авдеев В.М. Функциональные изменения центральной нервной системы при восприятии музыки // Журнал высшей нервной деятельности. 1982. Т. 32. Вып. 5. С. 915–929.
15. Казаринова А.С. Музыка в системе психопрофилактики // Труды Ленинградского НИИ психоневрологии. 1976. Т. 78. С. 89.
16. Могендович М.Р., Полякова В.Б. К физиологическому анализу влияния музыки на человека // Сообщение по проблемам высшей нервной деятельности. 21-е: тезисы докладов. М., 1966. С. 204–205.
17. Морозов В.П. Психологические основы теории и практики резонансного пения // Вопросы вокального образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Санкт-Петербургская Государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова. СПб, 2008. С. 42–59.
18. Петрушин В.И. Музыкальная психотерапия: теория и практика. М., 2001.
19. Полякова В.Б. К вопросу о влиянии музыки на мышечную и сердечную деятельность человека // Экспериментальные исследования по физиологии, биофизике и фармакологии. Пермь. 1967. Вып. 7. С. 111–114.
20. Полякова В.Б. О возможности применения музыки для стимуляции умственной работоспособности // Физиологические характеристики умственного и творческого труда. М., 1969. С. 103–104.
21. Шушарджан С.В. Опыт применения вокалотерапии в клинике внутренних болезней. СПб., 1995.
22. Шушарджан С.В. Психофизиологические и биофизические основы адаптогенно-восстановительных эффектов музыкально-вокалотерапии: дис. ... д-ра мед. наук. М., 1994.
23. Шушарджан С.В. Физиологические особенности воздействия вокалотерапии на организм человека: дис. ... канд. мед. наук. М., 1994.
24. Энгус Х. Кастраты в опере. М., 2001.
25. Alvin J. Music therapy. 1966.
26. Berg J.V.D. Myoelastic-aerodynamic theory of voice production // J. of Speech and Hearing Research. 1958. V. I. № 3. P. 227–244.
27. Fant G. Acoustic theory of speech production. S-Gravenhage, 1960 (2nd ed. 1970).
28. Fuks L. From air to music. Acoustical, physiological and perceptual aspects of reed wide instrument playing and vocal-ventricular fold phonation. Stockholm, 1999.
29. Haschec H. Music and medicine // Wien. med. Waschr. 1978. Bd 128. № 1. S. 1–9.
30. Husson R. Physiologie De La Phonation. Paris, 1962.
31. Licul F. Music therapy // Lijesen. Vjesn. 1974. Vol. 96. № 10–11. P. 675–684.
32. Morozov V.P. Resonance theory of singing and vocal therapy. Mechanisms of professional singer's larynx protection from overload (psychological aspects) // 1-st international congress «Music therapy and recreative medicine in XXI century». Moscow, 2000.
33. Nordoff P., Robbins C. Musik als Therapie fur behinderte Kinder. Klett-Cotta, 1983.
34. Priestly M. Music Therapy in Action. London, 1975.
35. Stevens K.N., House A.S. Studies of formant transitions using a vocal tract analog // The journal of the Acoustical society of America. N.Y., 1956– Vol. 28. P. 578–585.
36. Sundberg J. Articulatory interpretation of the Singing formant // J. Acoust. Soc. Amer. 1974. Vol. 55. P. 838–844.
37. Sundberg J. The science of the singing voice. Dekalb, Illinois, 1987.

А.В. Данилов

доктор психологических наук, профессор, действительный член МАПН, ПАНИ, МАИ
Психолог
Международная академия психологических наук, Казахстанский филиал, г. Алматы
E-mail: danilov.18@mail.ru

Е.Ш. Давиденкова-Хмара

кандидат искусствоведения
доцент кафедры оркестровки и общего курса композиции, композитор, звукорежиссер, психоакустик
Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского Корсакова
E-mail: k_davidenkova@mail.ru

Приглашение к публикации

The invitation to the publication

Редакционная коллегия научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» принимает к рассмотрению статьи по актуальным вопросам архитектуры и строительства, языкознания и психологии.

С 21 февраля 2022 г. журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (Перечень ВАК РФ), по следующим научным специальностям:

- 2.1.11. Строительные конструкции, здания и сооружения (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (архитектура);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (медицинские науки).

Научные статьи, поступающие в редакцию журнала, должны содержать следующие элементы:

- постановку проблемы, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами;
- анализ последних исследований и публикаций (в том числе зарубежных) по исследуемой теме;
- формулирование целей статьи, постановку задач;
- изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Необходимым элементом статьи является библиографический список. Рекомендуется использовать ссылки на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.), на использованную научную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи. Автор гарантирует, что он обладает исключительными правами на представленное произведение (статью).

Количество авторов в статье не должно превышать трех человек.

Редакция журнала оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации.

Присланные в редакцию статьи, удовлетворяющие правилам оформления, проходят проверку на степень самостоятельности (используется Интернет-сервис «Антиплагиат») и подвергаются рецензированию. Срок рецензирования статей – 1 месяц.

Статьи представляются ответственным редакторам журнала в сроки, установленные графиком выхода номеров журнала.

График выхода журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института»

<i>Номер журнала</i>	<i>Срок представления статей в номер</i>	<i>Срок выхода номера из печати</i>
№ 1	До 01 февраля	Март
№ 2	До 15 апреля	Июнь
№ 3	До 15 июля	Сентябрь
№ 4	До 01 ноября	Декабрь

Требования к структуре рукописи

<i>Элементы структуры рукописи</i>	<i>Примечание</i>
УДК	Для присвоения УДК (Универсальная десятичная классификация) используются on-line ресурсы, http://teacode.com/online/udc/
Название статьи	На русском и английском языках
Инициалы и фамилия автора (авторов)	На русском и английском языках
Аннотация	На русском и английском языках. Должна содержать краткую информацию о статье и обязательно иметь четкую структуру: цели, методы исследования, актуальность, основные результаты. Объем – 100–250 слов
Ключевые слова	На русском и английском языках. 4–7 наиболее часто встречающихся в статье слов, отражающих ее содержание
Текст статьи	10–15 страниц, оформленных в соответствии с приведенными ниже правилами
Библиографический список	В соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008
Подробные сведения об авторе (авторах)	Все сведения указываются полностью, без сокращений: – фамилия, имя, отчество – ученая степень, ученое звание (если они есть) – должность и место работы – адрес электронной почты
Прочее	Не более одного абзаца: благодарственные слова; отметки о грантах, в рамках которых выполняется исследование и т.д.

Правила оформления текста научной статьи

Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (<i>пример</i> : Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc)
Формат страницы	A4
Поля	Все – 2 см.

Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов. Рекомендуются использовать только стандартные размеры кегля в меню «Размер» при наборе формул и уравнений
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Рисунок 1. Динамика индекса потребительских цен), которое помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Таблица 1. Матрица БКГ), которое располагается перед таблицей и делится на две строки: в первой строке пишется курсивом слово «Таблица» с указанием ее номера (выравнивание – по правому краю), во второй строке – название таблицы жирным шрифтом (выравнивание по центру). Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти
Ссылки на источники и литературу	Ссылки в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка – [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]

Библио- графический список	Библиографические описания изданий – как русских, так и иностранных – приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. Библиографическое описание дается на том языке, на котором издание вышло в свет. Если среди источников есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка перед прочими изданиями. Издания на иностранных языках указываются в конце списка. В библиографическом списке недопустимы учебники, учебные и учебно-методические пособия. Доля самоцитирования – не более 5 %.
Объем статьи	10–15 страниц

Внимание! При несоблюдении требований к правилам оформления научных статей редакция имеет право отклонить присланный материал.

Редакция научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» доводит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «НЭБ» (РИНЦ) неисключительных прав на использование журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство Роспечать».

Статьи направлять по адресу:

117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А, каб. 9.03, ответственному редактору научных изданий Д.А. Семеновой.

Тел. 499-979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

№ 3 / 2023

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

Редакторы

Н.В. Бессарабова, Д.А. Семёнова

Редактор английского текста

Д.М. Гусаров

Компьютерная верстка

Н.В. Бессарабова

Дизайн обложки

А. Зернова

Подписано в печать 20.09.2023. Формат 60x90^{1/8}.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,1. Уч.-изд. л. 6,1.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

117246, Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9, оф. 212

Телефон: +7 (495) 510-32-98